

E $\frac{64}{168}$

т. 1

СЛОВА,

БЕСѢДЫ И ПОУЧЕНІЯ

НА ДНИ ПОСТНОЙ ТРЮДИ.

ПРОПОВѢДНИЧЕСКІЙ

КРУГЪ

ПОДВИЖНЫХЪ ПРАЗДНИКОВЪ

ЦЕРКВИ.

СЛОВА И БЕСѢДЫ

*на воскресные, праздничные и другіе, особенно
чувствуемые дни постной и цвѣтной Троицы.*

А. А.

Часть I.

МОСКВА.

Въ типографіи Вахметова, на Малой Дмитревкѣ, № 11.

1867.

Отъ Кіевскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать
позволяется. Кіевъ. 13 августа, 1866 года.

Цензоръ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ

Феофимъ.

Э Б У Ч И Й С Е Б Е

К О Б Л Я Г О Ч Е С Т И Ю .

А. ТИМ. ГЛ. Д. СТ. 3.

Постомъ помышленій страсти прийдите поработимъ,
Духовными себе крилы покрывше:
Да, вражію движимую бурю легцѣ прешедше,
Достойни будемъ
Крестнаго поклоненія о мѣрѣ закланнаго волею Сына Божія
И духовно празнуимъ
Изъ мертвыхъ Спасово воскресеніе; на гору вземшеся
Со ученики прославимъ
Власть прїимшаго всю Сына отъ Отца челоувѣколюбца.

На Стих. Самогласенъ Среды 1-й недѣли В. Поста.

Оглавление 1-й части.

	Стран.
1. Бесѣда на причту о мытарѣ и фарисеѣ.	5.
2. Бесѣда на причту о блудномъ сынѣ.	23.
3. Слово въ субботу мясопустную.	43.
4. Слово въ недѣлю мясопустную.	65.
5. Слово въ недѣлю сыропустную.	83.
6. Слово въ пятокъ первой недѣли великаго поста.	120.
7. Слово въ первую недѣлю великаго поста.	129.
8. Бесѣда въ пятокъ второй недѣли великаго поста.	164.
9. Поученіе во вторую недѣлю великаго поста.	183.
10. Бесѣда въ пятокъ третьей недѣли великаго поста.	203.
11. Слово въ третью недѣлю великаго поста.	223.
12. Бесѣда въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста.	246.
13. Слово въ четвертую недѣлю великаго поста.	264.
14. Слово въ субботу пятой недѣли великаго поста.	290.
15. Слово въ пятую недѣлю великаго поста.	307.
16. Слово въ субботу шестой недѣли великаго поста.	331.
17. Слово въ шестую недѣлю великаго поста.	344.
18. Слово въ великій четвертокъ.	369.
19. Плачь на память страстей Христовыхъ.	389.
20. Слово въ великую субботу.	404.

Отвареніе 4-й части.

Стран		
2	Бездѣ на приты о мытарѣ в оубрѣѣ	1
23	Бездѣ на приты о бдудномъ снѣгъ	2
43	Слово въ сдбдоту мисонусту	3
65	Слово въ бездѣ мисонусту	4
83	Слово въ бездѣ срдонусту	5
120	Слово въ пятюкъ певонъ бездѣ великаго поста	6
128	Слово въ певрѣмъ бездѣ великаго поста	7
164	Бездѣ въ пятюкѣ второй бездѣ великаго поста	8
183	Позрѣнїе ко вторюю бездѣ великаго поста	9
203	Бездѣ въ пятюкѣ третей бездѣ великаго поста	10
223	Слово въ третюю бездѣ великаго поста	11
246	Бездѣ въ пятюкѣ четвертой бездѣ великаго поста	12
264	Слово въ четвертүю бездѣ великаго поста	13
290	Слово въ сдбдоту пятой бездѣ великаго поста	14
307	Слово въ шестю бездѣ великаго поста	15
331	Слово въ сдбдоту шестой бездѣ великаго поста	16
344	Слово въ шестю бездѣ великаго поста	17
369	Слово въ великій четвертокъ	18
389	Псалмъ въ память свршестей Христоваихъ	19
404	Слово въ великую сдбдоту	20

ВЕСЕДА

НА ЕВАНГЕЛЬСКУЮ ПРИТЧУ О МЫТАРЬ И ФАРИСЕѢ.

Лук. 18. 10—14.

Не помолимся фарисейски, братіе!

Фарисей молился слѣдующимъ образомъ: *Боже! хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочии чловѣцы—хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь. Пощуся два краты въ субботу, десятину даю всего, елика притяжуся. Сколько надобно имѣть самонадѣянiя, чтобы отозваться о себѣ подобнымъ образомъ! И какъ можно забыться до такой степени!—думаемъ мы, особенно когда слышимъ выраженіе: или, якоже сей мытарь. Намъ хотѣлось бы отъ лица всего чело-*

вѣчества выразить негодованіе на гордаго фарисея. Не будемъ оправдывать осужденнаго Богомъ. Фарисей въ христіанскомъ мірѣ издревле считался образцемъ гордости, былъ предметомъ всеобщаго укора и посмѣянія. Но нельзя не подумать иногда, что, можетъ быть, въ этомъ дѣлѣ не всякой, слушающій притчу, имѣетъ право быть судіею фарисея, — что можетъ быть фарисей былъ только откровеннѣе и искреннѣе другихъ, и по дѣтскому тщеславію высказалъ то, что мы, него судьи, таимъ въ глубинѣ души, — что вѣроятно онъ былъ не пустоименнымъ ревнителемъ благочестія, и сознавалъ, что трудомъ и подвигомъ сталъ выше той ступени, на которой стоятъ хищники, неправедники, прелюбодѣи, и на которой можетъ быть и самъ стоялъ прежде, — и наконецъ не сомнѣнно, что онъ былъ возвышенъ духомъ по крайней мѣрѣ столько, что занимался своимъ нравственнымъ совершенствомъ, и за то, что имѣлъ, благодарилъ Бога. Какъ не пожелать иногда, чтобы многіе изъ обличителей его въ этомъ случаѣ походили на него! — Чтобы вполнѣ и по достоинству оцѣнить всю незаконность фарисеева поступка, надобно понять духъ притчи. Притча фарисея и мытаря относится къ кругу жизни

высшей, духовной, молитвенной. Фарисей и мытарь—это не гордость и смиреніе въ обыкновенномъ ихъ смыслѣ, а два молитвенныя расположенія души—ложное и истинное. Св. Церковь, вводя насъ въ духъ поста и состраданія Господу нашему, хочетъ, чтобы источное начало его—молитва—не была намъ въ грѣхъ, а низвела въ сердце наше глубокое покаянное чувство, и оправдала насъ. *Не помолимся фарисейски, братіе*—вотъ первыя слова богослужебной книги великаго поста.

Въ духѣ евангелія, по намѣренію церкви и по указанію современныхъ потребностей духовной жизни, послѣдуемъ за ходомъ притчи.

Человѣкъ два видоста въ церковь помолитися: одинъ фарисей, а другій мытарь. Время, въ которое жилъ на землѣ Господь нашъ, во многихъ отношеніяхъ было непохоже на наше время. Тогда всѣ въ Іудеѣ ожидали Христа, и всѣ были на стражѣ своего спасенія. Вѣра, богослуженіе и жизнь богоугодная дѣлались нераздѣльными предметами всеобщаго, и самого живаго, вниманія. Слова: грѣшникъ и праведникъ не были тогда принимаемы только къ свѣдѣнію, какъ теперь. И для правды и для грѣха было внѣшнее свидѣтельство, не всегда вѣрное, но потому имен-

но и вызывавшее противъ себя строгій приговоръ Иисуса Христа. *Фарисеи* были учителя народные, указатели праведности и грѣховности поступковъ людскихъ, и по возможности сами представляли въ себѣ образецъ праведниковъ. *Мытари*, по условіямъ рода жизни своей, казались менѣе всѣхъ другихъ подходившими подъ мѣрило праведности. Таково было положеніе дѣла, вызвавшее притчу Господню. Возвратимся къ ней. Вотъ оба — и мнимый праведникъ и мнимый грѣшникъ — *внидоста*, говоритъ Господь, *въ церковь помолитися*. Остановимся пока на этомъ. Еще оба молитвенника для насъ хороши, — равно достойны уваженія. Ихъ обоихъ привлекло въ церковь желаніе помолиться. Одинъ переполненъ былъ сознаніемъ своей добродѣтели и спѣшилъ поблагодарить за то Бога, другой подавленъ былъ чувствомъ своей грѣховности и спѣшилъ испросить себѣ милости у Бога. Блаженное и боголюбезное дѣло — всѣ крайности жизни сводить къ одной срединѣ — молитвѣ! *Фарисей же ставъ сице въ себѣ моляшеся. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очію возвести на небо; но бѣяше перси своя, глаголя.* Пока еще нѣтъ повода осудить фарисея и оправдать мытаря, займемся выводомъ уроковъ изъ того, что говоритъ евангеліе.

Пріятно видѣть, какъ храмъ Божій служитъ общимъ мѣстомъ соединенія всѣхъ вѣрующихъ въ единого Бога и принадлежащихъ къ единому богоустроенному братству. Въ этомъ отношеніи наше время не разнится отъ времени Христова. Нашъ храмъ—далѣе—какъ и храмъ ветхозавѣтный, устройствомъ своимъ подаетъ поводъ также стать молящимся въ немъ однимъ на главномъ мѣстѣ, другимъ издалеча. Въ этомъ мы опять сходимся съ древними временами. Но въ христіанскомъ храмѣ, гдѣ съ одной стороны должна быть возсылаема вѣчная и всѣмъ общая хвала Богу за тайну искупленія нашего, въ слѣдствіе котораго всѣ мы *нѣсмы, якоже прочіи челоувѣци* невѣрующіе, лжевѣрующіе, суетвѣствующіе, и т. под.,—а съ другой, отъ всѣхъ устъ должно слышаться покаянное слово мытаря, оправданнаго и поставленнаго намъ въ примѣръ Господомъ нашимъ,—въ такомъ храмѣ должно бы, повидимому, изчезать различіе мѣстъ ближняго и далекаго, фарисейскаго и мытарскаго... Между тѣмъ различіе это замѣтно. Христіанскій алтарь окружается обыкновенно именитостію, сановитостію, убранствомъ и пышностію, а издалеча стоитъ бѣдность, дряхлость, худородность.. Другое обстоя-

тельство. Фарисей и мытарь тамъ вмѣстѣ входятъ помолиться, становятся и стоятъ потомъ каждый на своемъ мѣстѣ. Въ нашихъ храмахъ можно бываетъ замѣтить другое: сначала всѣ становятся впереди, потомъ, болѣе нежели за половину службы продолжающійся, притокъ новыхъ молитвенниковъ оттѣсняетъ прежнихъ, пока тѣ по необходимости стануть *издалеча*. Третіе обстоятельство: ставшій вблизи приточный молитвенникъ въ себѣ молится—можетъ быть для того, чтобы не мѣшать богослуженію, а издалеча стоящій позволяетъ себѣ бить перси и говорить ко Господу. Мы часто бываемъ свидѣтелями противнаго. Ближайшее къ священнодѣйствию, мѣсто, къ сожалѣнію у насъ нерѣдко оглашается очень рѣзкимъ, и иногда очень продолжительнымъ, говоромъ, не направленнымъ ни къ Богу, ни къ священнодѣйствию, не истекающимъ ни изъ нужды, ни изъ вѣры. Еще одно обстоятельство: когда Господь замѣчаетъ, что издалеча стоявшій не смѣлъ очей возвести на небо, то даетъ этимъ знать, что вблизи ставшій смотрѣлъ на небо, и конечно лицомъ обращенъ былъ къ святилищу Бога, съ которымъ бесѣдовалъ. Опять разница съ нами. У насъ очамъ не для чего искать Бога; не смотря на то,

зачѣмъ-то они разбѣгаются по всему храму, — можетъ быть за тѣмъ, чтобы договорить то, чего не можетъ высказать языкъ, раздѣляемый пространствомъ и заглушаемый цѣніемъ.. Братія мои! Что же это за молитвенники, о которыхъ мы говоримъ теперь? Мы негодуемъ на фарисеевъ, осуждая ихъ неразумную молитву, слѣд. не хотимъ имѣть съ ними ничего общаго; но особенное исключительное мѣсто, но особенное право приходить и выходить, передвигать и отталкивать, но особенная вольность слова, взгляда, движенія, отдѣляющія рѣзкою чертою вблизи ставшихъ отъ стоящихъ издалеча, не говорятъ ли о какомъ-то своего рода фарисействѣ, хотящемъ управлять въ церкви правилами приличія и обращенія, также говорящемъ внутренно: *нѣсмь, якоже прочіи. чловѣцы, или — якоже сей мытарь...* только можетъ быть, забывающемъ поблагодарить за то Бога?. И не обидно ли видѣть, что древнее фарисейство, если и казалось мелочнымъ, то все же занималось предметами высокой важности, а новое наше занято мелочами, и мелочами самыми пустыми! *Не помолимся фарисейски, братіе!* Послѣ того, какъ осмотрѣны нами внѣшнія случайности молитвы, войдемъ въ ея внутреннія. —

Боже! хвалу тебѣ воздаю—начинаетъ одинъ молитвенникъ. *Боже!*—просто говорить другой. Оба начинаютъ однимъ и тѣмъ же словомъ молитвеннымъ и благодатнымъ, но вслѣдъ за тѣмъ расходятся, и молятся каждый своимъ образомъ. Чѣмъ менѣе сказано о фарисеѣ, тѣмъ болѣе онъ самъ говоритъ о себѣ. Напротивъ, чѣмъ подробнѣе описано положеніе мытаря, тѣмъ сокращеннѣе его собственное слово. Замѣчательное для молящихся обстоятельство! Господь очень мало занимается тѣмъ, кто самъ собою занятъ и съ особеннымъ участіемъ описываетъ того, кто изчезаетъ весь въ чувствѣ своего недостойнства, и ничтожества передъ Богомъ. Фарисей, повидимому, опередилъ мытаря не только мѣстомъ, но и молитвеннымъ чувствомъ. Онъ началъ воздавать хвалу Богу, тогда какъ мытарь, кажется, вовсе не думалъ прославлять Его, занятый однимъ сознаніемъ своей грѣховности. Не заслуга фарисея—въ томъ, и не укоръ—мытарю! Все зависѣло отъ того, что одинъ хотѣлъ благодарить, другой—просить Бога. Оба сѣи вида молитвы равно благословлены Богомъ, и угодны Ему (1 Тим. 2, 1—3; Кол. 4, 2). И тебѣ, будущій постникъ, исповѣдникъ и причастникъ Христовъ,

призываемому на молитву, Церковь предоставляет на выборъ, какую угодно. благодарственную или просительную. Состояніе духа твоего само должно указать тебѣ, которая для тебя нужнѣе и приличнѣе и плодоноснѣе. Если же тебѣ все равно, какъ ни начать молиться, если ты затрудняешься, что избрать, и на что рѣшиться, то мудрость и опытность духовная совѣтуютъ прилежать болѣе въ прошеніи, чѣмъ въ благодареніи. Молитва благодаренія есть молитва окриленная, быстрая, легкая, восторженная. Она вдругъ дѣлаетъ то, до чего съ трудомъ и усиліемъ доходитъ молитва прошенія—глубокая, тяжелая, медленная, но за то весьма часто вдругъ и теряетъ то, что даетъ; тогда какъ совершенно напротивъ, молитва прошенія, чѣмъ медленнѣе даруетъ, тѣмъ крѣпче и стойче даръ ея. Молитва прошенія должна быть у грѣшника занятіемъ постояннымъ, всегдашнимъ; молитва благодаренія—отдыхомъ отъ труда, праздникомъ сердца; послѣдняя должна только завлекать и собирать душу для первой. Но есть нѣчто, что прямо опасно дѣлаетъ молитву благодаренія, и заставляетъ еще болѣе не совѣтовать ея молитвеннику, особенно неопытному. Это сейчасъ выскажетъ намъ фарисей.—*Боже! хвалу тебѣ воздаю,*

яко нѣсмь, якоже прочіи чловѣцы — жищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь. Вотъ какой быстрый поворотъ отъ свѣта Божія въ неисходимый мракъ! *Нѣсмь, якоже прочіи чловѣцы!*.. Какъ не пожалѣть бѣднаго фарисея, упавшаго съ такой высоты въ такую бездну, и повидимому такъ нечаянно, непредвидѣнно! Какъ ему не хотѣлось явиться предъ Бога нечистымъ и неправеднымъ! Съ какимъ свѣтлымъ лицомъ и смѣлымъ взоромъ сталъ онъ на молитву! Христіанинъ, призванный къ безстрастному, но вмѣстѣ и сострадательному,—высокому, но нераздѣльно съ тѣмъ и снисходительному взгляду на дѣла чловѣческія! Удержимся пока отъ суда надъ молитвенникомъ, не оправдавшимъ ни божественнаго изволенія, ни собственныхъ сердечныхъ чаяній, ни нашего прекраснаго, но для фарисейскаго времени можетъ быть уже слишкомъ высокаго требованія. А чтобы не выйти изъ границъ умѣренности, обратимъ взоръ на нашу собственную молитву. *Нѣсмь, якоже прочіи чловѣцы.. двакры пощуся въ субботу, десятину даю всего, елика притяжу.* Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ приличій, лукавой вѣжливости и холоднаго чувствованія, нестерпимо сказать подобнымъ образомъ. Но, чѣмъ ме-

нѣе говоритъ языкъ, противъ воли связанный, тѣмъ болѣе *квасъ фарисейскій* (отъ котораго столь заботливо предостерегалъ Спаситель Мат. 16, 11), ищетъ обнаружить себя другими путями. Еслибы онъ вышелъ языкомъ, онъ явился бы пустымъ тщеславіемъ, — смѣшнымъ и только, но негибельнымъ. Но чѣмъ опытнѣе и искуснѣе въ путяхъ и оборотахъ жизни наше время противъ вѣка мытарей и фарисеевъ, тѣмъ глубже вѣдренною и повсемѣстнѣе разлитою въ существѣ нашемъ представляется закваска фарисейства. Не хорошо, по нашему, сказать: *нльсмь якоже прочіи челоуцы*, но можно дать замѣтить это.. Стыдно хвалиться добродѣтелями, но не зазорно слушать отъ другихъ льстивую похвалу имъ.. Законно не считать себя инымъ, нежели *прочіи*, но тяжело видѣть себя подошедшимъ подъ одну мѣру со всѣми.. О лукавство сердца неуловимое и неистошное! — Однакоже, если бы только этимъ извитіемъ и видоизмѣненіемъ одного и тогоже древняго самообольщенія ограничивалось не подозрѣваемое фарисейство сердца нашего, еще бы можно было слѣдить за нимъ съ любовію врача и пѣстуна. Къ сожалѣнію, *последняя лествица* и въ этомъ случаѣ *горша первой*. Фарисейство древнее, простое, тще-

славное къ нашему времени возрасло до фарисейства глубокаго, враждебно-презрительнаго и нестерпимаго въ обществѣ учениковъ кроткаго и смиреннаго сердцемъ, Господа Иисуса Христа. Обличенный Имъ, духъ фарисейскій по справедливости подпалъ всеобщему порицанію: духъ мытаря, напротивъ, сдѣлался роднымъ Христовой Церкви. Но и фарисейскій и мытарскій духъ получаетъ себѣ достойную оцѣнку только въ истинныхъ фарисеяхъ и мытаряхъ. Духъ мытаря безъ сердца и безъ убѣжденія, безъ смиренія и безъ сокрушенія мытарева, есть посмѣваніе слову и дѣлу Христову, равно какъ и фарисейство, понимаемое только какъ теплое упражненіе боголюбиваго чувства, есть прямая обида благочестію и униженіе Церкви. Чтобы какъ можно болѣе не походить на фарисея, мы съ большою охотою прикрываемъ себя мытарскимъ духомъ, и полагаемъ достаточнымъ сказать подь часъ тоже, что сказалъ мытарь: *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному*, забывая, что не только простое возглашеніе чужихъ словъ, но иногда и истинная, горькая, вопіющая молитва пророковъ и чудотворцевъ о имени Христовомъ, отвергается Богомъ (Мат. 7, 22. 23). Чтобы не казаться фарисеями, иные полагаютъ нужнымъ

уже мало того, чтобы только не стоять вблизи алтаря Господня, но и совсѣмъ не ходить въ церковь,—позволяютъ себѣ уничижительно смотрѣть на церковныя дѣйствія и постановленія, на мнимо-фарисейское поведеніе, обращеніе и занятіе лицъ, которыхъ христіанское приличіе и обыкновеніе называютъ отцами и учителями.. и на многое другое. Когда истинно вѣрующій и боящійся Бога, христіанинъ сочувствуетъ во всю мѣру силъ и средствъ своихъ дѣлу Божію и церковному, съ истинно-мытарскимъ смиреніемъ ищетъ себѣ у святыни оправдательной милости Божіей, гордый лжемытарь и его также оглашаетъ именемъ фарисея. Набожность такимъ образомъ выдается имъ за ханжество, вѣра за суевѣріе, любовь за лицемѣріе.. Чего же хочетъ отъ молитвы обличитель мнимаго фарисейства? *Духа сокрушеннаго и смиреннаго* — отвѣчаетъ послѣдняя лестъ. Если бы мы и повѣрили, что ему дѣйствительно этого хочется, то развѣ мы не знаемъ изъ печальныхъ опытовъ христіанской исторіи, въ какую пустоту и безсердечность увлекаетъ людей несправедливое ревнованіе по одному внутреннему богопочтенію? Но лжемытарь лжетъ на самого себя. Онъ имѣетъ въ виду только унижить и осмѣять простоту и чистоту Христовой

вѣры, обезславить тяжелое и трудное для его лѣни и разсѣянности, а потому, какъ бы недостойное его, благочестіе. Мытаря нашего нельзя увидѣть стоящимъ издавеча, не смѣющимъ очей возвести на небо, и бьющимъ себя только въ перси.. все это, на его взглядъ, фарисейство. Что онъ ни говори, всякому понятно, что онъ имѣетъ въ виду только одно: не быть, *якоже прочіи человецы*. Что можетъ быть позорнѣе и гибельнѣе сего, также въ своемъ родѣ фарисейскаго, духа молитвеннаго, уничижающаго всѣхъ истинныхъ молитвенниковъ, и стремящагося уже не только опозорить честь ближняго, но и у самаго Господа отнять славу Его внѣшняго богопочтенія? Особенно теперь, когда наступаетъ постническое говѣніе, — самое безропотное и послушливое велѣнію Церкви, истинный молитвенникъ долженъ гнать отъ себя ложный духъ молитвы, и не позволять лѣности или суемудрію брать надъ собою верхъ.. *Не помолимся фарисейски, братіе!*

Глаголю вамъ, яко сииде сей въ домъ свой оправданъ паче онаго. Худо рассчитанной молитвы неожиданный конецъ! Тотъ, кто считалъ себя праведнымъ, осужденъ. А напротивъ кто самъ себя осудилъ, того Богъ оправдалъ. Что за тайна прав-

ственной жизни! То ли осудило Фарисея, что онъ воздавалъ хвалу за совершенства, коихъ не имѣлъ, и слѣд. лгалъ предъ Богомъ? нѣтъ, притча не говоритъ ничего въ укоръ ему. То ли, что онъ слишкомъ много цѣнилъ то, что имѣлъ, и слишкомъ мало понималъ, что цѣнилъ? отчасти это. Многократныя обличенія фарисейскаго взгляда на добродѣтель, дѣланныя въ разныя времена Иисусомъ Христомъ, подтверждаютъ это предположеніе. Но оправданіе осужденнаго фарисеемъ мытаря, поставленное въ связи съ осужденіемъ фарисея, заставляетъ насъ искать причины осужденія сего послѣдняго въ другомъ чемъ-то, далѣе и глубже... Ужели и мытарь не нашелъ бы въ себѣ ничего, за чтобы могъ ублажить себя, и восхвалить Бога? Когда фарисей отличилъ его отъ хищниковъ, неправедниковъ и прелюбодѣевъ, то значить и мытарь могъ воздавать хвалу Богу,—хотя бы уже за то самое, что онъ не хищникъ, не неправедникъ... однако же мы слышимъ на устахъ его одну только покаянную молитву. Именно потому *сиде сей въ домъ свой оправданъ паче онаго*, что не думалъ видѣть въ себѣ ничего хорошаго, было ли оно въ немъ дѣйствительно, или нѣтъ—все равно. Какъ понять сію тайну нравственнаго Божіяго

міроправленія? Между людьми бываетъ повидимому иначе: отецъ любить видѣть сына постоянно правымъ; начальникъ цѣнить и уважаетъ подчиненнаго, ревнующаго о правотѣ своей; другъ скорбитъ, когда постоянно слышитъ въ устахъ друга одно только мытарево слово.. И Отецъ Небесный желаетъ оправдать всѣхъ,—съ тѣмъ онъ и сотворилъ человѣка... *правымъ* (Еккл., 7, 30) и Онъ благоволилъ къ Іову, стоявшему за правоту свою; и Онъ Св. Духомъ Своимъ скорбитъ *воздыханіи неизлагоданными* (Римл. 8. 26) надъ грѣшнымъ человѣкомъ.. но разница между Божиимъ, опредѣленіемъ и человѣческимъ образомъ мыслей въ томъ, что *не тако зреть человекъ яко зреть Богъ; яко человекъ зреть на лице, Богъ же зреть на сердце* (1 Цар. 16. 7.) Передъ человѣческимъ близорукимъ взоромъ не трудно человѣку показаться правымъ; а пристрастное сердце можетъ довольствоваться и самою поверхностною правотою. Богъ, зрящій на сердце, и смотритъ иначе, и видитъ иное. Онъ не находитъ желанной правоты ни въ одномъ изъ зачинаемыхъ *въ беззаконіихъ* и раждаемыхъ *во грѣсахъ* (Пс. 50. 7) *Како будетъ праведенъ человекъ предъ Богомъ, или кто очиститъ себе рожденный отъ*

жены—свидѣтельствуеть Ему въ этомъ Его Праведникъ (Іов. 25, 4.) *Не оправдится предъ Тобою всякъ живой* (Ис. 142, 2), и възываетъ къ Нему другой праведникъ. *Якоже портъ нечистый, вся правда наша* (и Ис. 59, 6.) *говорить очищенный, огнемъ Божественнымъ* (Слич. Ис. 59, 3—15.) *отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ* (Римл. 3, 20), подтверждаетъ Апостоль... Видя наше всецѣлое онеправдованіе и совершенное безсиліе, Господь на Себя взялъ (ст. 21—25), дѣло нашего исправленія, и съ тѣхъ поръ собственное усиліе человѣка явить себя правымъ предъ Богомъ, и собственная оцѣнка правоты своей суть сколько съ одной стороны безуміе, столько съ другой оскорбленіе Бога. Кто дѣйствительно виновать, и при всемъ томъ желалъ бы видѣть себя оправданнымъ, для того остается одно средство поправить дѣло,—глубочайшимъ сознаниемъ вины преклонять судію на милость. Передъ этимъ средствомъ не можетъ устоять природа человѣческая; предъ нимъ не устояло и небесное Правосудіе,—покаяніе приклонило небо, и низвело на землю Сына Божія. Понятно теперь, почему такъ высоко оцѣнено слово мытаря. Оно единственное умиловительное слово грѣшнаго и бѣднаго человѣ-

чества, — имъ стоитъ мѣръ! Понятно, даже, почему фарисеева молитва не имѣла успѣха. Кто оправдалъ самъ себя, тотъ взялъ на себя дѣло Божіе, предварилъ Бога, и отстранилъ такимъ образомъ отъ себя Его вспомошествоющую благодать и восполняющую милость. На судъ Божіемъ, потому онъ и останется только съ тѣмъ, что себѣ далъ.

Но, злополучный фарисей! сознание собственной праведности увлекло тебя къ сужденію о чужой грѣховности. Въ какую бездну ты себя низвергнулъ! Чѣмъ ты можешь возратить свое не обдуманное слово, обезчестившее предъ лицомъ Божіимъ твоего ближняго? Одинъ гордый порывъ и — ты сталъ клеветникомъ братій своей! (Апок. 12. 10.)

О, не помолимся фарисейски, братіе! АМИНЬ!

ВЕСЕЛА

НА ЕВАНГЕЛЬСКУЮ ПРИТЧУ О БЛУДНОМЪ СЫНѢ.

Лук. 15. 11—32.

Сыну лукавому: ничтоже есть благо.

Притч. 13. 14.

Какой быстрый переходъ отъ высоты духовнаго совершенства къ крайнему уничиженію чело-вѣческаго достоинства! Сличите нынѣшнюю притчу съ притчею прошлой недѣли. *Письмь, яко же прочиѣи челоувцы*, говорилъ самомечтательный праведникъ. Незнаю, что думалъ блудный сынъ, когда началъ приходить *въ себе*. Можетъ быть и онъ изъ глубины падшей души своей также воск-

лицаль: *нѣсмь, якоже прочіи челоуѣцы!*. И дѣйствительно уже немного челоуѣческаго оставалось въ немъ, когда онъ искалъ *насытитися отъ рожецъ, яже ядоху свинія*. Бѣдный сынъ! До какого униженія дошелъ онъ! А былъ нѣкогда любимымъ членомъ семейства, наслѣдникомъ богатаго имущества, и, безъ сомнѣнія, уважаемымъ челоуѣкомъ въ обществѣ! — Нѣтъ нужды, братія, разбирать великое, всемірное значеніе притчи о блудномъ сынѣ. Оно извѣстно всякому, кто только богомысленнымъ взоромъ всматривался въ судьбы челоуѣческой исторіи. Св. церковь, огласившая насъ нынѣ сею притчею, смотрѣла на блуднаго сына только какъ на образецъ покаянія, — на примѣръ паденія и возстанія, столько нужный и полезный для приступающихъ къ покаянію. Изъ ея мысли мы пойдемъ далѣе. Блудный сынъ да послужитъ намъ поводомъ взглянуть на свое положеніе въ великомъ семействѣ Божіемъ, — на свое отчество и на свое сыновство, и позаботиться не быть ни сынами блудными, ни отцами развратныхъ сыновъ.

Приточный блудный сынъ жилъ давно, въ далекой отъ насъ сторонѣ, въ чуждомъ намъ народѣ. Не былъ ли, потому, онъ явленіемъ едино-

кратнымъ только и своевременнымъ? Есть ли въ наше время такого рода сыны? Какъ ни ясно предложенная притча начертываетъ предъ нами образъ блуднаго сына, какъ ни подробно описываетъ его внѣшній и внутренній видъ,—такъ что, повидимому, стоило бы только поднять глаза, чтобъ увидѣть такого несчастливца, несмотря на то, мы должны сознаться, что въ вѣкъ лицемѣрія и намѣреннаго непониманія духа Евангельскаго несомнѣнно легко отыскать блуднаго сына. Кто скажетъ, что не все мы дѣти благовоспитанные, родители благовоспитывающіе? Въ виду поста и покаянія рѣшимся однакоже быть искреннѣе, и общими силами поищемъ притаевающагося между добрыми дѣтьми нашими, опозорившаго человѣчество, блуднаго сына.

Человѣкъ нѣкій имѣ два сына: и рече юный отъ нихъ отцу: отче! даждь ми достойную часть имѣнія. Не знакомъ ли кому-нибудь этотъ холодный, оскорбительный для сердца родительскаго тона: *даждь ми достойную часть имѣнія.* Дай Богъ, чтобы онъ не былъ никому изъ насъ извѣстенъ. Онъ свидѣтельствовалъ бы о крайнемъ разстройствѣ семейныхъ отношеній нашихъ. Конечно это еще не рѣшительное зло, когда дѣти ищутъ того, что законъ и обыкновение сдѣлали не только

позволительнымъ, но даже должнымъ. Но надобно
 взглядѣться въ чувство такихъ дѣтей, въ ихъ сокро-
 венное побужденіе, — спросить ихъ, для чего имъ
 та часть имѣнія, которой они домогаются? Если
 вопросомъ своимъ мы поставимъ ихъ въ затруд-
 неніе, и они, стыдясь отвѣчать прямо, дадутъ
 намъ нѣсколько отзывовъ уклончивыхъ, изъ ко-
 ихъ ни одинъ не успокоитъ нашего встревожен-
 наго сердца, то да возымѣемъ мужество подумать,
 что можетъ быть въ нашихъ дѣтяхъ и кроется
 о́ный, нерадостный, для родителей, блудный сынъ..
Даждь ми достойную часть имѣнія. Что бы мы ни
 говорили такому сыну, все будетъ напрасно. Если
 у него достало рѣшимости разъ явиться предъ ли-
 це родительское съ этимъ требованіемъ, то уже
 никакое убѣжденіе, никакое увѣщаніе, никакая
 угроза и просьба не сильны будутъ остановить и
 отклонить его отъ запавшаго въ душу же-
 ланія.. Можетъ быть онъ не разъ уже слышалъ
 подобнаго рода родительскія рѣчи и привыкъ
 оставлять ихъ безъ вниманія.. Можетъ быть сами
 родители вели его къ тому лѣствицею любви,
 нѣжности, ласки, снисходительности, поблаж-
 ки, потачки, невнимательности, преждевремен-
 наго радованія его преждевременной возмужа-

лости, и т. д. Какихъ же плодовъ ждать отъ такого посява? *Даждь ми*—нагло и настойчиво скажетъ онъ, и, непривыкшіе отказывать, испуганные, и опечаленные, мы должны будемъ раздѣлить имѣніе, дать ему собственность, которая, при его неопытности и самонадѣянности, должна повлечь его ко всему, отважить на все!... *Сыну лукавому ничтоже есть благо!*

Даждь ми достойную часть имѣнія.. Сколько разъ этотъ грубый вопль земнаго самолюбія и неразумія восходитъ на небо! *Даждь ми! Даждь ми!* Отвсюду несется одинъ и тотъ же голосъ къ престолу Отца Небеснаго!—Несчастный сынъ! Почему ты знаешь, что есть у тебя какая-то *достойная часть*? Кто далъ тебѣ право требовать ее? Какъ ты рѣшаешься предварять дѣло Божіе своею грѣшною прихотью? Чьимъ духомъ и внушеніемъ наученъ ты—стать предъ Отца всей твари, и заговорить о бѣдной собственности своего ничтожества? *Даждь ми достойную часть имѣнія*, говоритъ неразумный. Для чего тебѣ, пригрѣтый любовью и милостію отеческою, окруженный благами земли и неба, защищаемый Провидѣніемъ, благословляемый *всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христь* (Еф. 1, 3.), искупленный и унаслѣдован-

ный Богу, сынъ,— для чего тебѣ желаемая тобою и столь мало извѣстная тебѣ, часть имѣнія? Знаешь ли ты, что имѣніе влечетъ за собою неусыпную заботливость, столько несродную твоей немощи,— выводитъ тебя изъ круга мирнаго и безопаснаго послушанія, и поставляетъ въ необходимость собственной головою работать надъ судьбой своей — подвергаетъ тебя страшной отвѣтственности предъ Богомъ, надъ имѣніемъ Коего самовольно вызываешься быть приставникомъ? . *Даждь ми достойную часть*, — продолжаетъ упорный. Часть твоя — всегда съ тобою. Она несомнѣнно твоя,— и ты ее получишь, когда отеческая мудрость признаетъ то нужнымъ. Не дѣлай того, чтобы даруемое любовью доставалось хищеніемъ и насиліемъ. Подожди! Можетъ быть еще нельзя рѣшить, какая именно часть достойна тебя. Можетъ быть обстоятельства жизни твоей потребуютъ большей и лучшей.. Увы! *Сыну лукавому ничтоже есть благо.. Даждь ми*, прерываетъ блудный. Величайшее несчастіе чловѣка, если на его безумное неотступное слово Отець Небесный наконецъ отвѣтитъ: *возьми твое и иди!* (Мат. 20, 14). Куда: *иди?* Сперва—туда, куда пошелъ блудный сынъ притчи, а потомъ можетъ быть — и туда, куда отыдутъ отъ Раздаятеля

послѣднихъ судебъ человѣческихъ принявшіе талантъ и не дѣлавшіе купли (Мат. 25, 24—30), всѣмъ надѣленные и ничѣмъ не дѣлившіеся (—41—46.), злы просившіе (Іак. 6, 3) и злы погибающіе (Мат. 21, 41.)

И раздѣли имъ имѣніе. И по немнозѣхъ дняхъ собравъ все мній сынъ отыде на страну далече. Вотъ что послѣдовало за преждевременнымъ раздѣломъ имѣнія. Теперь видно, чего хотѣлъ настойчивый искатель достойной части. Ему хотѣлось поскорѣе сбросить тяжелую опеку отеческой любви и мудрости, и дать просторъ своей несозрѣвшей, неокрѣплой волѣ. Чего хотѣлъ, то и получилъ. Ставши господиномъ, обладателемъ и независимымъ распорядителемъ собственности, чуждый уже родному кругу, онъ поспѣшилъ на страну далече. Гдѣ же эта страна далекая? Гдѣ бы ни было, все равно, столько бы далече, — далече отъ отца, отъ семейства, отъ мѣста рожденія и воспитанія, — отъ всего, что можетъ напомнить ему о его прежнемъ счастливомъ времени. — *Отыде на страну далече!* Какое скорбное представленіе для любящаго сердца родительскаго! Что тамъ будетъ съ нимъ? какъ онъ станетъ жить среди людей незнакомыхъ, часто неблагонамѣренныхъ, безъ собственной опытности и

безъ сторонняго руководства? Справедливое сожалѣніе! — Чтобы жалѣть ненапрасно, отъ притчи обратимся къ дѣйствительности. Прекраснѣйшее и отраднѣйшее изъ всѣхъ зрѣлищъ міра нашего есть зрѣлище дѣтства, — и привлекательнѣйшее изъ твореній Божіихъ на землѣ есть малое дитя, въ которомъ такъ ясно отражается образъ существъ высшаго міра, нашихъ чистѣйшихъ и свѣтлѣйшихъ братьевъ и споспѣшниковъ во спасеніе. Но еще прекраснѣе это зрѣлище представляется родителямъ и воспитателямъ. Они имѣютъ случай, можно сказать, руками осязать эту ангелоподобную жизнь. Искренность, доброта, воспріимчивость ко всему, ласковость, довѣрчивость, преданность, чистота и непорочность дитяти — какъ все это должно радовать и восхищать духъ ихъ, развыкшійся съ такими зрѣлищами среди грѣха и суеты житейской! Но гдѣ доброе зерно, тамъ и плевелы. Такова грѣховная почва сердца нашего! Смотри, но незасматривайся на прекрасныя качества дитяти, иначе сейчасъ въ прекрасномъ плодѣ заведется презрѣнный червь. Отцы и воспитатели! Лишь только вы замѣтите, что свѣтлый взоръ дитяти вашего начинаетъ тускнеть, возьмите всѣ предосторожности противъ вражьяго нападенія, — на ва-

шемъ питомцѣ начинаетъ вѣять тлетворное дыха-
 ніе блуднаго сына. Вы никогда не узнаете, ни-
 когда не дослѣдитесь, гдѣ, какъ, когда и откуда
 въ чистое сердце запало первое сѣмя скверны (это
 тайна недобраго сѣятеля и тлителя нашей бого-
 подобной природы!); но если вы тщательно слѣ-
 дите за нравственною жизнію своего питомца, вамъ
 не много нужно будетъ употребить труда и вре-
 мени, чтобъ замѣтить первый ростокъ злаго сѣ-
 мени.—Всегда искавшее васъ, стремившееся къ
 вамъ и радовавшееся привѣту вашему, дитя ваше
 вдругъ, наиримѣрь, стало избѣгать вашего взора,
 не отвѣчать на ваши ласки, молчать на ваши слова—
 безъ видимой на то причины.. Сохрани Богъ про-
 пустить это безъ вниманія! Это значитъ, что ди-
 тяти вашему запала мысль о *достойной части*,—
 о собственности... Доселѣ искреннее, простое и
 откровенное, вдругъ оно солгало.. Было бы до-
 стойно величайшаго сожалѣнія не заняться этимъ
 рѣшительнымъ шагомъ его на страшный путь Отца
 лжи и человѣкоубійцы. Несчастное думаетъ уже о
странѣ далекой,—о себѣ самомъ!—Прежде крот-
 кій и тихій, сынъ вашъ вдругъ сталъ высказы-
 вать въ себѣ черту строптивую, не у мѣста гнѣ-
 ваться, безъ причины сѣтовать, обижаться, упор-

ствовать и проч. Можно бы подумать, что это—слѣдствіе либо его раздражительнаго характера, начинающаго раскрываться съ лѣтами, либо—досадныхъ обстоятельствъ?.. Нѣтъ, тутъ обыкновенно есть больше. Сынъ вашъ начинаетъ быть недовольнымъ тѣмъ, что дано ему Богомъ и вашимъ воспитаніемъ,—онъ рѣшился уйти отъ васъ *на страну далече*.—Занятый бывало вашимъ дѣломъ и порученіемъ безостановочно и охотно—вы видите—теперь онъ дѣлаетъ его, какъ дѣло чужое, разсѣяннo, съ принужденіемъ, съ побужденіемъ. Держите его за руку.—онъ ищетъ случая отойти отъ васъ *на страну далече*.—Вы радовались видя, какъ онъ усердно и какъ счастливо воспринималъ ваши внушенія и совѣты. Увы! слова ваши на него уже не дѣйствуютъ, надъ совѣтами вашими онъ уже задумывается (а по истинѣ сказать: смѣется внутренно)!. Вы думаете, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе, или что онъ, мужая, начинаетъ дѣйствовать разсудкомъ. Не вѣрьте и не обманывайте своего сердца. Дѣло простое: вашъ сынъ весь въ своихъ мысляхъ,—затворилъ и вниманіе и сердце для всего, что чуждо ихъ, слѣд. и для всего, что ваше, а не его, —проще: онъ собрался отыти отъ васъ *на страну далече*.—Сколько

ко бывало восхищала васъ его привязанность къ вамъ, любовь, составлявшая счастье вашего дома, столько теперь, напротивъ, встрѣчаете вы холодно-сти, и много, если еще вѣжливой, не прямо отталкивающей. Безъ вашего вѣдома и безъ вашего благословенія, онъ внѣ васъ изыскалъ себѣ предметы привязанности, и, по мѣрѣ возрастающаго пристрастія къ нимъ, все далѣе и далѣе становится отъ васъ. Быть можетъ, что зоркое сердце родителей прежде всѣхъ замѣтитъ горькую переменъ въ дѣтяхъ, но бываетъ и наоборотъ. По чувству ли слишкомъ пламенной, а потому слѣпой, любви къ дѣтямъ, или по непростительной увѣренности въ своей неизмѣнной важности и цѣнности для нихъ, или такъ—по нежеланію видѣть противность и непріятность, родители не замѣчаютъ сей переменъ, и продолжаютъ увѣрять себя, что ихъ сынъ любитъ ихъ, привязанъ къ нимъ, не можетъ жить безъ нихъ. Въ то самое время блудный составляетъ ихъ, и идетъ себѣ на страну далеке! — Удастся иногда возвратить, по крайней мѣрѣ остановить несчастнаго, но больше бываетъ напротивъ. Приточнаго блуднаго сына не могли остановить родители. Блудный сынъ не всегда бываетъ сынъ глухой, онъ скоро пойметъ,

что его задумали удержать, и, не надѣясь на успѣхъ открытой силы, прибѣгнетъ къ силѣ тайной, и слѣд. болѣе могущественной — къ притворству и лицемерію. Онъ видитъ, что родители требуютъ искренности, чистосердечія, послушанія, любви.. все это у него заготовлено, и все онъ выдаетъ имъ съ самымъ коварнымъ расчетомъ.. Радуюсь своему успѣху, родители уже не испытываютъ, какого достоинства то, что предлагаетъ имъ мнимая любовь, и такимъ образомъ невольно даютъ благословеніе на нежеланный путь своему злополучному любимцу,—сами ведутъ и провожаютъ его *на страну далеце!*—Лишь только блудный замѣтитъ, что хитрость его удастся, уже ничто не удержать его отъ всевозможнаго, всесторонняго лицемерія, пока не уйдетъ невозвратно туда, куда задумалъ. Впрочемъ и для чего ему вся обширная наука притворства? Обмануть можно очень просто: невиннымъ видомъ, раскаяніемъ, ласкательствомъ, лестью.. Очень много помогаетъ преступному успѣху невинный видъ. Онъ обыкновенно отстраняетъ отъ себя всякое подозрѣніе, а любовь такъ вѣритъ невинности! Еще болѣе можетъ сдѣлать лесть и поддѣлка подъ любимыя склонности и привычки родителей—эта погибельная сѣть, уловляющая вся-

кую правду людскую. Очень естественно, что при этомъ родителямъ будетъ казаться, будто они возвратили и удержали при себѣ своего сына, что онъ при нихъ и съ ними.. тогда какъ онъ уже давно, и, если не въ первый разъ, то и навсегда, ушелъ отъ нихъ сердцемъ, и живетъ *на странѣ далеке..*

Родители и воспитатели! Далеко ли намъ искать такого блуднаго сына? Можетъ быть онъ около насъ.. Можетъ быть ближе, нежели мы ожидаемъ... Обозначивъ его примѣты, мы предоставляемъ вашей любви къ своему счастью временному и вѣчному постараться всѣмъ усердіемъ родительскаго чувства и христіанскаго долга не пускать юныхъ и неопытныхъ друзей нашихъ *на погибельную страну далеке*, гдѣ ихъ ожидаетъ несчастье, а васъ—безчестіе. Не всякій блудный сынъ приходитъ наконецъ *въ себе*. Много было примѣровъ, что несчастный, попавшись разъ въ общество бессловесныхъ, никогда уже невозвышался надъ ними духомъ, и погибалъ *злый зль*.

И *ту расточи имѣніе свое, живый блудно..* Вотъ чѣмъ окончилось безразсудное желаніе преждевременной свободы и преждевременной собственности! И *ту расточи, живый блудно..* Слово

малое къ вамъ, братія—сыны и дщери! не устыдитесь, если покровъ притчи нынѣшняго Евангелія прострется и на васъ. Блудный сынъ сначала, подобно вамъ, былъ сыномъ добрымъ, а когда и блуднымъ сдѣлался, все же многими не считался таковымъ. И ту расточи имъние свое. И въ наше время (какъ во всякое другое было) нерѣдко отецъ собираетъ, а сынъ расточаетъ. Позорное дѣло! Евангельская притча ясно говоритъ, что ожидаетъ безпутнаго расточителя отцовскаго имѣнія. *Изжившу же ему все, бысть гладъ крѣпокъ на странѣ той, и той началъ лишатися. И шедъ прильпися единому отъ житель той страны и посла его на села своя пасти свиня; и желаше насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свиня; и никтоже даше ему..* Есть имущество другаго рода, — духовное нетлѣнное, — богатство жизни нравственной, которымъ обладаетъ каждый родитель, каждый воспитатель; это имущество составляютъ правила и уроки жизни. Многолѣтними трудами и подвигами приобрѣтается сіе неощенное имущество, бережливо и заботливо передается наслѣдникамъ, — и что же? случается, въ нѣсколько дней непотребной жизни, въ нѣсколько уроковъ нечестія и разврата, все превра-

щается ими въ прахъ, предается позору и поруганію! Особенно сія трата родительскаго за-
вѣтнаго достоянія имѣеть мѣсто въ наше вре-
мя, время ранняго созрѣванія умственнаго, и
скорого перехода отъ юности къ безвременной
старости. Отеческія правила, наставленія и увѣ-
щанія замѣтнымъ образомъ все болѣе и болѣе
слабѣютъ, и теряютъ обязательную силу, при не-
удержимомъ стремленіи юнаго поколѣнія не от-
стать отъ вѣка, какъ будто совсѣмъ не для него
сказаны слова Писанія: *не сообразуйтесь вѣку сему*
(Римл. 12, 2.), потому, что только мертвые пре-
рѣшеними ходятъ по вѣку міра сего, по князю
власти воздушныя,—духу, иже нынѣ дѣйствуетъ
въ сынѣхъ противленія (Еф. 2, 2.). Благочестіе
родителей такимъ образомъ позорится именованъ не-
вѣжества;—рѣзкія выходки ихъ противъ злоупот-
ребленій современныхъ приписываются запозда-
лому пристрастію къ старинѣ;—правила ихъ жиз-
ни признаются годными только для нихъ самихъ;
святая глубокая вѣра выдается за суевѣріе, рев-
ность по благочестію—за старческую кропотли-
вость. На все это извращеніе истины и правды
существуетъ особенная наука, наука моднаго тона и
ловкаго обращенія—одна, можетъ быть, изъ самыхъ

немногихъ наукъ, которыя изучаются охотно и успѣшно. Подъ ея-то обманчиво-пріятнымъ покровомъ и вырастаютъ нынѣшніе блудные сыны, для которыхъ все отеческое, родное—чуждо, дико, нестерпимо, и которые неудержимо стремятся отъ него все далѣе и далѣе, а куда?—и сами того не знаютъ, просто: куда бы ни было—*на страну далече!* Достигши же этой страны неизвѣстной, расточаютъ *ту* все имѣніе свое,—всѣ завѣтныя давнія вѣрованія и убѣжденія сердечныя. *Является гладъ крѣпокъ на страну той*, и блудные сыны начинаютъ *лишатися..* Перемѣнчивый духъ вѣка скоро перестаетъ питать ихъ. Кошунство, вольнодумство, лѣнность, чувственность — наскучаютъ и противѣютъ, наслажденія предстаютъ имъ безъ покрова прелести, и ужасаютъ своимъ омерзительнымъ видомъ; возникаютъ болѣзни, и влекутъ за собою скуку, тоску, досаду, злобу, ярость, бѣшенство. Князь тьмы налагаетъ на нихъ свою ужасную руку и влечетъ ихъ—страшно подумать — куда.. Удивительно ли, что несчастные пожелаютъ тогда быть безсловесными и ѣсть рожцы, чтобъ заглушить вопль алчущаго духа? Но кто же дастъ имъ и этой пищи? *И никтоже даяше ему..* Юные братія наши! Кто выдалъ (о, еслибы никогда вамъ

не видѣть!) такихъ блудныхъ сыновъ, и присматривался къ нимъ, тотъ всегда замѣчалъ, что по мѣрѣ приближенія ихъ къ старости, они мало-помалу начинаютъ приходить въ себе, и понемногу возвращаться къ духу отцовъ своихъ. Да будетъ же это обстоятельство, между прочимъ, вамъ свидѣтельствомъ, залогомъ и урокомъ того, что увлекающій насъ духъ вѣка есть духъ отца лжи, и самъ есть ложь, лукавство, нечистота и беззаконіе, и—что онъ нравится только молодости, т. е. неопытности. *Не ревнуйте же лукавнующимъ, ниже завидите творящимъ беззаконіе.* (Пс. 36. 1.)

Отчасти теперь мы уже познакомились съ блуднымъ сыномъ, котораго искали, видѣли, какъ онъ заражается, какъ возрастаетъ, какъ, гдѣ и чему учится. Но наше ознакомленіе есть только слабый намекъ на полное изученіе его. Мы искали его по преимуществу въ дѣтяхъ, но тамъ ли онъ только? Боже мой! Гдѣ его нѣтъ? Въ какомъ возрастѣ, состояніи, званіи, полѣ? Всего оскорбительнѣе для благочестиваго и челоуѣколюбиваго чувства видѣть, что и сама достоуважаемая сѣдина, хотя рѣдко, но также, случается, прикрываетъ собою блуднаго сына. Кто съ малыхъ лѣтъ привыкъ жить

блудно, тому трудно въ послѣдствіи разстаться съ упоительно-гибельнымъ образомъ жизни. Что-то невѣдомое постоянно, насильно влечетъ его *на страну далеце*... Отъ того иногда случается видѣть горькую и жалкую противоположность — старца-юношу, чловѣка, у котораго впереди зрится только гробъ и судъ, и который, между тѣмъ, сердечно преданъ тому же духу, которымъ дышетъ безпечная неразсудливая молодость. Но старость сама себѣ наставница, а потому не будемъ тревожить ее словомъ упрека. Къ тебѣ, наконецъ, послѣднее обращеніе наше, несвоевременная, перешедшая за предѣлы своего возраста, запоздалая юность, — *недающая созрѣть мужу въ мужа совершенна*, и отнимающая у чловѣчества его славу и честь, юность, — на умное чело мужа наводящая легкую и пустую дѣтскую мечту, — мужественный порывъ воли разрѣшающая робостію и немощію, сильный характеръ развѣвающая вѣтренностію и безпечностію, — къ тебѣ еще одно слово наше! Гдѣ — ты, тамъ несомнѣнно — блудный сынъ! Преполовеніе дней жизни нашей не въ силахъ отогнать тебя. Высокое призваніе мужа — явить въ себѣ всѣмъ царствамъ природы обликъ ихъ Творца и Зиждителя, вообразить въ себѣ Христа, — ты за-

ставляешь забыть и презрѣть... Вмѣсто подвига и
 совѣтуешь ему ни грѣху, ни въ самоотверженіи —
 увлеченіе, въ свободу — страсть, въ славу —
 стыдъ, въ небо — землю, въ Бога —
 чрево Господина ты дѣлаешь рабомъ, отца-по-
 печителя — блуднымъ сыномъ.. Тяжкая отвѣст-
 венность лежитъ на тебѣ. Скажи: зачѣмъ мы, но-
 сящіе тебя, такъ безумно и такъ нещадно, расто-
 чаемъ и истребляемъ безцѣнные дары божествен-
 наго призванія? Зачѣмъ попираемъ ногами то, что
 достойно украшать Ангеловъ свѣта? Зачѣмъ явно
 и безтрепетно, сознательно и намѣренно оскорб-
 ляемъ вѣчную Любовь, и зовемъ на свою голову
 грозный судъ Божій?.. На всѣ эти вопросы у насъ
 нѣтъ отвѣта! Но ты готова и мысль объ отвѣт-
 ственности превратить въ мечту... Ахъ, братія!
 Теперь пока не страшно быть безотвѣтными. Кро-
 мѣ обличенія Церкви (не всегда слушаемаго) и
 укора совѣсти (не всегда слышимаго), безотвѣт-
 ность наша пока не влечетъ за собою рѣшитель-
 ныхъ послѣдствій. Но, будетъ время, время страш-
 ное, когда всѣ блудные сыны — юные, и зрѣлые, и
 престарѣлые, — теперь веселые и безпечные, тогда
 скорбные и отчаянные, соберутся въ одинъ не-
 счелный ликъ, и станутъ предъ престоломъ Божи-

имъ. Ихъ спросятъ: почему они, бывъ дѣтьми Божіими, непорочными и любимыми, и своевольно превратили себя въ сыновъ блудныхъ? Отвѣта по-прежнему не будетъ.. А что будетъ, о томъ слово Божіе расскажетъ намъ въ слѣдующую недѣлю. —

Аминь.

С Л О В О

ВЪ СУББОТУ МЯСОПУСТНУЮ.

Почто гордится земля и пенелъ?

Сир. 10, 9.

Кто есть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти? (Пс. 88, 49) Родъ переходитъ и родъ приходитъ (Еккл. 1, 4). Неизмѣнный чинъ природы влечетъ за собою и ея властелина. Одинъ рядъ земнородныхъ уступаетъ мѣсто другому, другою—третьему и т. д. Видѣхъ, говоритъ Экклезіастъ, всѣхъ живущихъ—ходящихъ подъ солнцемъ съ юнымъ вторымъ, иже встанетъ вмѣсто его. Нѣтъ конца всѣмъ людемъ (4, 15.). Нѣтъ конца смѣнѣ живыхъ мертвыми, мертвыхъ живыми! Одни нисходятъ въ могилу, другіе на ихъ мѣсто явля-

ются въ міръ, чтобы также въ свое время почить въ землѣ. *Нѣсть память первыихъ, и послѣднимъ бывшимъ не будетъ ихъ память съ будущими на- послѣдокъ.* (—1, 11). И тѣ, и другіе, и третьи, и десятыя—всѣ наслѣдуютъ одно и то же, всѣ будутъ въ земной утробѣ, ранѣе или позже, теперь или послѣ—превратятся въ пыль и прахъ: *земля еси и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19), —ранѣе или позже, теперь или послѣ — всѣ съ своею очередь будутъ забыты, затеряны въ суетѣ оставшихся живыхъ: *забвена память ихъ; и любовь ихъ и ненависть ихъ и рвеніе ихъ уже погубе: и части нѣсть имъ кътому во вѣки во всякомъ твореніи подѣ солнцемъ* (—9, 5, 6). Такъ было, такъ есть, такъ и будетъ неизмѣнно и неизбежно. Теперь можетъ быть чаще, чѣмъ ежеминутно, общая мать земнородныхъ разверзаетъ хладное лоно свое для принятія усыпающихъ чадъ. Настоящее ручается за будущее, а голосъ прошедшаго громче звона погребальнаго возвѣщаетъ истину непреложнаго превращенія всѣхъ живыхъ въ тлѣніе и прахъ. Изъ самой глубокой древности возникаютъ предъ нами грозныя лица **В е л и к и хъ** міра — завоевателей и притѣснителей человѣчества, дерзновенно попиравшихъ права себѣ подобныхъ, возставав-

шихъ на силу Божию. *Не вѣмъ Господа*, говоритъ одинъ изъ нихъ (Исх. 5, 2). *На небо възду*, мечтаетъ другой, *выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой* (Ис. 14, 13). Третій отъ гордыни *землю убо плавательну, а море пшшеходно* чаетъ *положити* — отъ возвышенія сердца (2. Макк. 5, 21.) Неразумные мечтатели! Гдѣ они теперь, и что они теперь? Давно стопа путника или звѣря попираетъ безвѣстный прахъ ихъ. Они — земля!.. Гдѣ и тѣ малыя е міра, которые, не бывъ замѣчены ни современниками, ни потомками, не прогремѣвъ ни словомъ, ни дѣломъ, жили въ тиши безвѣстной, и между тѣмъ, подобно онымъ великимъ, изъ обстоятельствъ жизни своей, часто смѣшныхъ и жалкихъ, составляли для себя предметъ ничтожнаго превозношенія? И они въ землѣ! Всѣ, всѣ въ землѣ, — истлѣли или еще тлѣютъ. И любовь ихъ и ненависть ихъ и рвеніе ихъ уже поимбе, и части нѣсть имъ ктому во вѣки во всякомъ твореніи подъ солнцемъ!

Надъ гробами сихъ-то великихъ и малыхъ, грозныхъ и кроткихъ, глупыхъ и умныхъ, — надъ гробами всѣхъ, отъ вѣка почившихъ поставляетъ насъ нынѣ съ словомъ молитвы Св. Церковь. И что же приходитъ намъ на мысль при взглядѣ на

этотъ необозримый рядъ гробовъ и могилъ?. Горькое, безотрадное слово мудрости: *почто гордится земля и пепель?*

1. Земля и пепель!. Кто сказалъ тебѣ, древній мудрецъ, что человекъ, — *земля и пепель?* Человекъ, который созданъ по образу Божию и по подобію, который вънчанъ славою и честію, который малымъ чимъ умаленъ отъ Ангель, — онъ?.. земля и пепель!.. Мудрецу сказала мудрость, которой онъ искалъ еще юнъ сый, и искалъ въ молитвъ, о которой веселилось сердце его, которую изслѣдилъ онъ отъ юности своея, и въ которой было ему *предуспяніе* (Сир. 51, 28—21). Въ день памяти всѣхъ отъ вѣка почившихъ да будетъ память и сему давнопочившему богопросвѣщенному наставнику нашему! Пусть его глубокомысленное слово займетъ наше вниманіе на малое время.

Земля и пепель... Можетъ ли быть что-нибудь тягостнѣе для мысли человеческой — представленія, что она сопряжена съ прахомъ, развивается и дѣйствуетъ среди тлѣнія? Можетъ ли быть что горестнѣе для сердца — увѣренности, что оно привязано къ горсти пыли, которая со временемъ должна разлетѣться подъ вѣяніемъ хлада смертнаго? Увы! какъ ни тяжело.. какъ ни горько, но

истины непреложной нельзя устранить никакими убѣжденіями и разубѣжденіями ума, никакими ощущеніями и предощущеніями сердца. Земля и земля! Пепель и пепель!

Земля.. Кому неизвѣстно, что такое земля? Потому мы никогда бы не повѣрили, что мы — земля, еслибы съ одной стороны слово Божіе не сказало намъ: *созда Богъ челоуька персть (вземъ) отъ земли* (Быт. 2, 7), съ другой — общій, послѣдній удѣлъ нашъ не показывалъ ясно, что мы состоимъ изъ праха земнаго, на который и разрѣшаемся «Бога повелѣніемъ.» И такъ челоуькъ — земля. Правда, хочется сказать, движимому самолюбіемъ, языку нашему, челоуькъ — земля, но земля измѣненная, претворенная, земля получившая образъ духа, созданнаго по образу Божію, земля — можно сказать — духовная, бессмертная; ибо таково будетъ нѣкогда тѣло наше прославленное. Но — будущее не наше; притомъ же будущее — не настоящее. Когда мы будемъ прославлены, то мудрецъ уже не скажетъ намъ горькаго упрека своего; ибо въ царствѣ славы нѣтъ мѣста гордому превозношенію. Но въ настоящемъ состояніи нашемъ мы земля — и ничего болѣе! Не мы — земля, снова ищетъ возразить любовь наша къ самимъ себѣ, земля —

тѣло наше, мы—духъ невещественный. Что сказать ей на это? Господь прямо и просто, определенно и ясно сказалъ: *земля еси и въ землю отыдеши*. Не будемъ допытываться, какъ это въ очахъ Божіихъ можетъ весь человѣкъ представляться землею?—что такое въ существѣ своемъ его духъ бессмертный?—и въ какой мѣрѣ связь его со смертнымъ тѣломъ важна для его бессмертной жизни?—и не можетъ ли нетѣльное по существу сдѣлаться силою творческою, тѣльнымъ черезъ жизнь?. И мудрецъ, котораго слово ввело насъ въ этотъ рядъ вопросовъ, не имѣлъ въ виду изслѣдовать глубину человѣческаго существа, а только хотѣлъ указать коренной характеръ земной жизни человѣка. Человѣкъ—земля и тогда, если мы посмотримъ на судьбу его, которую онъ испытываетъ, пока живетъ въ этомъ мѣрѣ. Ибо

Что такое земля?—подножіе ногъ нашихъ, которое мы попираемъ по привычкѣ, безъ вниманія, безъ размысленія. Посмотрите и на человѣка: не такое же ли подножіе и онъ? Не попираетъ ли его все, что только имѣетъ силу и возможность попирать? И во 1-хъ, не попираютъ ли его люди, его собратія, его общники по суетѣ, и сонаслѣдники по жребію смертному?. Бываютъ случаи,

когда согласишься на отношенія людей, и увидишь съ одной стороны гордое и презрительное самовозношеніе, для котораго нѣтъ различія между людьми и предметами бездушными, а съ другой — презрѣнное раболѣпство и униженіе въ прахъ; то невольно подумаешь: нѣтъ, это червь, а не человѣкъ, это земля, а не духъ безсмертный. Во 2-хъ, не попираетъ ли онъ самъ себя? Ибо скажите, что значать всѣ тѣ безумныя желанія, всѣ тѣ бессмысленныя страсти, которыя гнетутъ и порабащаютъ духъ нашъ на перекорь всѣмъ убѣжденіямъ разсудка и внушеніямъ совѣсти? Нѣтъ, грѣхъ точно также безпрепятственно и безжалостно попираетъ насъ, какъ мы — землю. — Не попираетъ ли наконецъ человѣка и все его окружающее — отъ стихій неба до послѣдняго насакомаго? Ибо, что другое свидѣтельствуютъ его безчисленныя болѣзни, его преждевременная старость, его скоропостижная смерть, и множество другихъ бѣдъ и напастей, какъ не то, что природа также попираетъ его, какъ онъ — землю?

Что такое земля? Это легкая пыль, которую возмечаетъ и носить самое малое дыханіе вѣтра. Не такъ ли волнуютъ и человѣка многоразличныя обстоятельства его жизни? Нынѣ онъ лежитъ спо-

койно и попирается; завтра вѣяніе невѣдомой силы поднимаетъ его, и несетъ противъ его воли, куда хочетъ, заставляя поирать другихъ!. И вотъ онъ сталкивается съ лицами и вещами, которыхъ никогда не видалъ, несется тамъ, гдѣ никогда не бывалъ, и упадаетъ на мѣста, о которыхъ никогда не слыхалъ. И эта ли одна невѣдомая сила волнуетъ его? Нѣтъ, онъ движется и по манію самыхъ ничтожныхъ побужденій. Ложное опасеніе, мнимое наслажденіе, темное предчувствіе, прихоть, новость, мода... Все движетъ его, играетъ имъ. И ужели это человѣкъ? Нѣтъ, это вертящійся прахъ, это пыль, это—земля!

Что такое земля? Грубая масса, безжизненная, безчувственная, безобразная! Не дайте ей влаги, на ней не прорастетъ ни одно быліе, не появится ни одно животное, она будетъ песокъ, камень. Не дайте ей теплоты, она превратится въ мерзлую глыбу. А человѣкъ? Не дайте ему воспитанія, образованія, а паче—благодатнаго просвѣщенія, онъ будетъ хуже льда и камня, онъ будетъ эгоистъ, звѣрь, духъ зла. Но пусть прольется на него живительная струя благодати, онъ скорѣе, чѣмъ песокъ пустынный, орошенный благодѣтельнымъ дождемъ, зазеленѣетъ растеніями,

зацвѣтетъ, и принесетъ плодъ. Такъ! но самъ въ себѣ—безъ людей и Бога—онъ *земля—земля!*

Пепель... Что такое *пепель*? Это остатокъ со- тлѣвшаго вещества.. Вотъ чѣмъ представляется мудрецу чело-вѣкъ, въ которомъ самолюбивый умъ открываетъ такъ много великаго и прекраснаго! Что это за тлѣніе было! и какой это огонь, испепелившій природу нашу, и когда онъ пылалъ? Огонь этотъ—зло, брошенное въ чело-вѣка тѣмъ, кому первому уготовался *огнь вѣчный*.. Сотлѣніе наше было мгновенное, но полное. Отъ прекрасной, богоподобной природы нашей осталась одна только эта тлѣнная развалина, одинъ только пепель, развѣ- ваемый и разметаемый вѣтромъ..

Что такое *пепель*? Это земля, въ которой истреб- лены всѣ сѣмена и зародыши жизни. Пусть его орошаетъ дождь, пусть грѣетъ солнце во благо- времени — изъ него ничего не выйдетъ до тѣхъ поръ, пока сторонняя сила не занесетъ на него сѣмянъ растительныхъ. Не живое ли это изобра- женіе чело-вѣка грѣшнаго, нравственно-безплоднаго, къ которому нельзя привиться и самой благодати Божіей, орошающей и согрѣвающей? Сколько въ самомъ дѣлѣ жалобъ у Пророковъ,—сколько обли- ченій и прещеній на народъ *жестоковыйный*, не-

*обрызанный, необрызанный сердцемъ и ушесы! И
 выя его мѣдья и лице жестокое, и сердце камен-
 ное! онъ—смоковница иссохшая, онъ—кость сухая,
 онъ—гробъ, онъ—земля и пепель!*

Что такое пепель? То, что мы выгребаемъ и выме-
 таемъ и выносимъ за предѣлы жилищъ нашихъ какъ
 лишнее, какъ соръ, какъ нечистоту. Пепель есть
 то, чѣмъ посыпаютъ себѣ голову (Пл. Іер. 11, 10),
 на чемъ садятся во вретиси (Іон. 3, 6), и что
 кладутъ во уста (Пс. 101, 10) кающіеся, свидѣтель-
 ствующіе послѣднюю степень самоуничженія.
 Пепель есть то, чего не можетъ истребить и са-
 мый огонь. Пепель — не пройдемъ молчаніемъ —
 есть, наконецъ, то, что мы употребляемъ на очист-
 ку сквернѣ. Какъ не припомнить при семъ,
 что и насъ нѣкогда вывели и выбросили и разсы-
 пали на поправіе всему за предѣлы блаженнаго
 жилища Эдемскаго? Какъ не заключить, что ни къ
 чему другому мы и не призываемся, кромѣ сѣто-
 ванія, сокрушенія, самоукоренія, горя и страданія.
 А что же то, чего ни какой огонь неистребляетъ?
 что-нибудь, вѣрно, неправильное, неестественное,
 упорствующее передъ дѣйствіемъ самыхъ властныхъ
 силъ міра. И что за скверна та, которую призы-
 ваемся омывать мы, сами суще нечистота, пороки

и язва? скверна того великаго и безмѣрнаго грѣха, который предварилъ собою наше появленіе на землѣ, и заразилъ цѣлый ликъ духовъ, разносящихъ нечистоту свою по всему царству Божію. Мы предназначены очищать и истреблять мерзость гордыни и богоборства своимъ крайнимъ смиреніемъ и безотвѣтнымъ послушаніемъ волѣ Творческой, какъ ветхозавѣтный пепель юницы, самъ бывший нечистотою, предназначенъ былъ очищать нѣкогда скверну людскую. — Таковъ мы пепель, ни на что непригодный, кромѣ уничтоженія нечистотъ!

2. Земля и пепель!.. *Почто жь гордится земля и пепель?*

Но прежде всего—не напрасно ли спрашиваешь ты глубокомысленный мудрецъ: *почто гордится?*.. Можетъ быть, гордиться также свойственно природѣ человѣческой, какъ питаться, какъ дышать?.. Гордость происходитъ вслѣдствіе сознанія нашихъ достоинствъ,—это говорятъ и наука и опытъ, а можно ли не сознавать достоинствъ, о которыхъ часто, прежде сознанія собственного, разглашаетъ уже молва посторонняя? И грѣшно ли сознание того, что я хорошъ, что я лучше другихъ?

«Можно ли не сознавать своихъ достоинствъ?..»

А какою мѣрою измѣряешь ты свои достоинства?

Всегда уменьшенною, которая по необходимости должна если не быть, то казаться меньшею твоихъ достоинствъ. Кто же далъ тебѣ право избрать эту ложную мѣру? Не такую мѣру указалъ намъ, для измѣренія нашихъ достоинствъ, единственный—вѣрный цѣнителъ людей Иисусъ Христосъ. Онъ не говорилъ: будьте лучше другихъ, а: *будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48.). Когда ты приложишь къ этой необъятной мѣрѣ свое ничтожество, то уже не спросишь: можно ли не сознать нашихъ бѣдныхъ и суетныхъ достоинствъ?

«Грѣшно ли знать, что я хорошъ, что я лучше другихъ»? Знать объ этомъ можетъ быть и негрѣшно, но грѣшно думать о томъ, а еще грѣшнѣе—сочувствовать тому. Подумай самъ: какая польза изъ того для твоего нравственнаго совершенства, если ты перечтешь всѣхъ, кого ты лучше и совершеннѣе (если бы даже имѣлъ возможность перечестъ безошибочно)? Это можетъ, скажешь ты, побудить тебя къ дальнѣйшему преслѣванію. Увы! братъ мой! *письмъ якоже прочии чловѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или, якоже сей мытарь*, говорилъ недавно упомянутый церковію, мнимый праведникъ, и воздавалъ за свои

совершенства хвалу Богу, — значить: былъ чело-
вѣкъ, думавшій истинно стоять на стражѣ своего
нравственнаго преспѣянія, — и что же? Богъ осу-
дилъ его неразумное и неправедное дѣло! Нѣтъ,
смотри не на тѣ ступени, которыя ты уже про-
шелъ, а на тѣ, которыя еще остается пройти.
Если ты часто будешь озираться назадъ, то мо-
жешь впасть въ нравственный обморокъ, а когда
будешь смотрѣть только вверхъ, то невольно и
неоднократно повторишь смиренное слово мытаря..

Вотъ взглядъ Евангелія на гордость. Таковъ
долженъ быть и нашъ. Можетъ быть, гордиться и
дѣйствительно—въ природѣ челоуѣка, только въ
природѣ падшей и растлѣнной, въ которую влилъ
свой ядъ первый гордецъ и первый возмутитель
Царства Божія; для природы же чистой, обновлен-
ной, равно какъ и для первобытной, это чуждо и
неестественно. Впрочемъ у насъ съ тобою есть
другое, ближайшее и очевиднѣйшее, свидѣтельство
того, что гордость и несвойственна намъ, и жалка,
и смѣшна и богопротивна. Это свидѣтельство,
неоспоримое и неопровержимое есть—смерть,
уравнивающая всѣхъ высокихъ и низкихъ, вели-
кихъ и малыхъ, есть—гробъ, въ которомъ долж-
но сокрыться всякое различіе званій, возрастовъ,

породъ и отличій. Заглянемъ въ это страшное свидѣтельство.

Есть въ жизни человѣка время странное и неопредѣленное, время надеждъ и желаній, время мечтаній и предположеній. Человѣкъ еще не встрѣтился съ сухимъ и искаженнымъ обликомъ суеты; для него вездѣ еще ризуются прекрасныя картины жизни, радости и безпрепятственной дѣятельности. Ему все льститъ, все обѣщаетъ... Это время—юность. Юноша ощущаетъ въ себѣ избытокъ крѣпости и сѣвжести тѣлесной, по мнѣнію его, достаточной для выполненія самыхъ безумныхъ замысловъ, свойственная его возрасту живость ручается за это выполненіе, а неопытность заставляеть вѣрить и той и другой жи.. И вотъ въ юномъ мечтателѣ являеться самоувѣренность—первая ступень гордости. Болѣзненная слабость другихъ—слѣдствіе, можетъ быть, недуговъ и лишеній,—преждевременное сокрушеніе, приобретенное раннимъ прозрѣніемъ въ жизнь,—малодушіе, родившееся отъ неудачъ и обманутыхъ надеждъ, самая старость—все это только увеличиваетъ самомнительность юноши, и хорошо, если все то окончится благовременнымъ разубѣжденіемъ, живымъ и опытнымъ урокомъ смиренія.—

Лучшій учитель юности въ этомъ случаѣ есть гробъ, въ которомъ обрекается тѣлю та же самая юность, такая же мечтательная, такая же самонадѣянная.. Тамъ, можетъ быть, въ первый разъ узнаеть юноша, что онъ напрасно надѣется на свою молодость, что онъ не крѣпость и сила, не жизнь и живость, а мертвый прахъ, — *земля и пепель!*

Спутница юности красота—одинъ изъ самыхъ общихъ и самыхъ жалкихъ предметовъ надмѣннѣя. Здѣсь нѣтъ никакого отношенія къ душѣ, въ которой еще нѣсколько сносно видѣть источникъ гордости, нѣтъ отношенія къ тѣлесной дѣятельности, на которой печатлется дѣятельность душевная. Это гордость, неразумная даже и по человѣческому суду, и между тѣмъ гордость самая повсюдная. Въмѣсто того, чтобы напоминать собою человѣку о красотѣ его души, о красотѣ неба и его обитателей и о первообразѣ всякой красоты—Богъ, красота тѣлесная приковываетъ все вниманіе его къ себѣ самой,—ей жертвуетъ онъ часто всѣмъ своимъ достояніемъ вещественнымъ и невещественнымъ, всѣми выгодами и наслажденіями, закономъ и совѣстію, жизнью и спасеніемъ. Что говорить противъ такого рода гордости? Не гово-

рить должно, а указать только на гробъ, въ которомъ всякая красота превращается въ ужасающее безобразіе, тлѣетъ и исчезаетъ,—остаются—*земля и пепелъ!*

Есть красота другаго рода, красота души—ея отличныя способности. И этотъ драгоценный камень духовной природы челоуѣка становится для него камнемъ претыканія!—Какъ бы кто ни былъ преданъ чувственности и жизни по духу суеты, все же не можетъ заглушить въ себѣ потребностей духовныхъ, и выражаетъ ихъ невольнымъ уваженіемъ къ людямъ, одареннымъ большими и лучшими способностями души. Отсюда еще широчайшій открывается путь къ надмѣнію для ума, нежели какимъ идетъ красота. И для этой болѣзни врачество опять тоже самое. Надмѣвающійся своимъ геніемъ! Приди и приникни ко гробу.. Ты увидишь тамъ, какое жалкое наслѣдство остается послѣ того, кто носилъ въ себѣ богатство духа, повидимому неоскудное и неистощимое, обладалъ способностями, кои, казалось, могли обезсмертить его.. Куда все скрылось? Гдѣ умъ всепроникающій, гдѣ сила духа неборимая, гдѣ воля непреклонная, гдѣ сердце пламенное?

Ничего нѣтъ! На мѣстѣ всего этого лежитъ брѣ-
ніе и тлѣніе, — *земля и пепель!*

Есть третьяго рода красота, незамѣтная ни для
глазъ, ни для ума, и между тѣмъ весьма сильная
и плѣнительная, это — родовое достоинство
человѣка. Сильнѣе всего надмѣваетъ насъ эта
губительная красота; потому что надмѣваетъ съ
малыхъ лѣтъ, — съ колыбели. Не понимая еще ни-
чего, мы уже замѣчаемъ, что съ нами обращаютъ-
ся съ нѣкоторымъ уваженіемъ и самоуниженіемъ
и отсюда привыкаемъ потомъ смотрѣть на себя
выше, нежели на другихъ. . Чтобы не надмѣвать-
ся вотще своимъ мнимымъ благородствомъ, пусть
имѣющій его чаще приходитъ на мѣста вѣчнаго
упокоенія нашего, пусть смотритъ на могилы, скры-
вающія равно какъ благородныхъ, такъ и худо-
родныхъ. Тамъ явственнѣе и разительнѣе нашего
немошнаго слова услышитъ онъ разубѣдительный
голосъ всѣхъ отъ вѣка почившихъ, и изъ безмолв-
ной бесѣды ихъ узнаетъ, что, хотя условія обще-
ственные и полагаютъ различіе между родами высо-
кимъ и низкимъ, но въ существѣ своемъ человѣкъ
всегда и вездѣ одинъ и тотъ же, — отъ кого бы ни
родился онъ, все онъ — *земля и пепель!*

Недостатокъ дарованій мы вознаграждаемъ приоб-

рѣшеніями, — усиліями собственной дѣятельности. Низкій и худородный, снискиваетъ себѣ высшее значеніе службою, не одаренный особенными талантами замѣняетъ ихъ ученостію, и т. под. И это еще болѣе надмѣваетъ того и другаго и третьяго. То, что мы получаемъ въ даръ, всегда поставляетъ насъ въ нѣкоторую зависимость отъ дарующаго, — по крайней мѣрѣ благодарностію связываетъ гордый духъ нашъ: но — что пріобрѣтается нашимъ собственнымъ усиленіемъ, это — чистая жертва нашему самолюбію! Все это самымъ дерзкимъ образомъ увеличиваетъ нашу самоинтельность, — тѣмъ болѣе, что тутъ кромѣ сердца подаютъ льстивый голосъ и разсудокъ; отъ чего ваша гордость получаетъ нѣкоторую законность. И ты, многолѣтній труженикъ и совершитель своей имениности, приди ко гробу, какъ зеркалу суеты человѣческой, — раскрой могилы давно почившаго племени, и укажи, гдѣ тутъ лежитъ великій и знатный, гдѣ мудрый и ученый? Можетъ-быть уцѣлѣла какая-нибудь полустлѣвшая блеска золота отъ одежды именитаго и знатнаго, а отъ ученаго и того не осталось! Смерть уничтожила всѣ ихъ преимущества, а время истребило самые слѣды бытія. Не смотри, не ищи тамъ ничего великаго! Ты

найдешь одинъ сухія кости. Гдѣ почли честь и слава, тамъ теперь—*земля и пепель!*

Есть способъ замѣнить недостатокъ какъ природныхъ, такъ приобретенныхъ достоинствъ, этотъ способъ—богатство, которое, вступивъ въ права именитости, также дѣлается предметомъ надмѣнныя—и еще самаго упорнато. Бѣдность сама (и охотно) преклоняется предъ нимъ, а бѣдность бываетъ и прекрасная и благородная и именитая и ученая. Отсель для богатаго открывается невозбранный путь къ суетному возношенію. Онъ пріучается смотреть на себя, какъ на повелителя другихъ, а на имѣніе свое, какъ на вѣрную и сильную защиту свою отъ всѣхъ коловратностей жизни, ввѣряется ему, и безпечно дремлетъ умомъ и совѣстью. Но, увы! избранный хранитель не можетъ нерѣдко защитить и отъ самыхъ ничтожныхъ враговъ нашего довольства и благосостоянія. Какъ же онъ защитить отъ страшнаго врага и разрушителя нашего—смерти? Врагъ приходитъ,—стражъ обжитъ.. и на мѣсть богатаго, высившагося и надмѣвавшася, остаются—*земля и пепель!*

Проходить молодость: проходитъ время силы и крѣпости. Страсти исчезаютъ. Долговременная

опытность разоблачаетъ мнимую прелесть наслажденій.. утихаетъ мало-по-малу и гордость. Близится старость, и человекъ ищетъ покоя. Уже красота его не плѣняетъ, достоинство не занимаетъ, богатство не улаждаетъ, знаніе тяготитъ; онъ уже понимаетъ суету всего этого, и осуждаетъ надмѣніе имъ, но, увы! не можетъ освободиться отъ своей суеты,—какъ дитя играетъ и улаждается своею старостию и опытностию. И разумъ и опытъ говорятъ ему, что часто молодые бываютъ и умнѣе и опытнѣе старыхъ: но ослѣпленный старецъ продолжаетъ лѣтами жизни измѣрять лѣта опытности до тѣхъ поръ, пока смерть не положитъ его во гробъ, и не докажетъ неоспоримо, что и малые и старые равно—*земля и пепель!*

Есть другаго рода старость,—старость духовная. И эта лучшая изъ доблестей человѣческихъ не только не можетъ удержать человека отъ искушенія гордости, но иногда сама еще подаетъ къ тому поводъ. Изъ нея выражается самый тонкій и самый увлекательный родъ гордости, гордость духовная—надмѣніе добродѣтельною жизнью. Она есть прямое, вопіющее оскорбленіе любви и милости Божіей. Ибо только божествен-

ною, вседѣйственной десницею, спасающею и наставляющею, нравственная жизнь наша растетъ и укрѣпляется. Оставленный самому себѣ, человѣкъ всегда можетъ упасть съ самой высокой степени святости въ бездну грѣха, куда неудержимо влечетъ его несчастная природа. Подвижникъ благочестія! Приди и стань у гроба, въ которомъ кроется великая и страшная тайна твоей земной жизни и дѣятельности. Посмотри внимательно на этого недвижнаго путника къ престолу Божію, и спроси совѣсть твою: какой судъ произнесетъ она надъ твоею святостію. Что въ тебѣ добраго, скажетъ она, это не твое, а Божіе. Не ты, а Богъ въ тебѣ, великъ и праведенъ. Ты же—смотри что такое—*земля и пепель!*

Все Божіе, братъ мой! И юность, и красота, и благородство, и праведность. И мы сами Божіи. Чѣмъ же намъ съ тобой гордиться? Но нѣтъ, въ насъ есть нѣчто и свое, не Божіе, это—свое есть грѣхъ, родившій смерть, превратившую насъ въ прахъ и пепель. Этимъ своимъ, если угодно, мы безпрепятственно можемъ гордиться. Но.. гордиться грѣхомъ,—гордиться тѣмъ, что мы земля и пепель?! Это неразумно и неестественно. Такъ думалъ и мудрецъ Израильскій. Потому-то онъ и спрашиваетъ: *почто гордится земля и пепель?*

Земля и пепель!. Мы не начинаемъ, а продолжаемъ давно начатый рядъ людей, которыхъ гордость житейская заставляла забывать, что они—*земля и пепель*. Задолго прежде насъ жили и гордились тысячи тысячъ такихъ же неразумныхъ мечтателей, какъ мы. Задолго прежде нашего времени повторялась наша исторія: красота искала первенства, вниманія и даже нечестиваго поклоненія; знатность рода посягала на права, принадлежащія заслугамъ и доблестямъ; богатство подавляло умъ и совѣсть; честь и слава лили кровь рѣкою; санъ и достоинство выходили за предѣлы требованій человѣческихъ; мудрость не находила себѣ цѣны, и въ безуміи призывала на судъ свой Премудрость божественную. Все это было и повторялось тысячекратно. Чѣмъ же все оканчивалось? Смерть всѣхъ и все превращала въ прахъ и пепель. Братъ — Христіанинъ! То были наши дѣды и прадѣды. Гордое время наше хвалится тѣмъ, что новое поколѣніе бываетъ умнѣ стараго... Чего же ожидать отъ насъ—поколѣнія новаго? Ужели повторенія старыхъ грѣховъ и заблужденій?

Ахъ, почто гордится земля и пепель! Аминь.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ.

Отыдите проклятіи..

Придите благословеній..

Будетъ время необыкновенное, время безпрерывныхъ, величайшихъ чудесъ. Будетъ день, и день той знаемъ будетъ Господеви, и не день и не ночь, и при вечеръ будетъ свѣтъ (Зах. 14, 7). Можетъ быть также радостно и свѣтло взойдетъ надъ сынами человѣческими послѣднее утреннее солнце, такъ же спокойно покатится къ западу, но—одно мгновение, и—небеса съ шумомъ мимо пойдутъ, стихіи сжигаемы разорятся (2. Петр. 3, 10.), и все повергнется въ ужасающій беспорядокъ! Солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды будутъ съ небесе спадающе (Марк. 13, 24), и на земли будетъ туга

языкомъ отъ печалія и шума морскаго и возмущенія (Лук. 21, 27). Будетъ время скорби,—скорбь, якова не бысть, отнелъже создася языкъ на земли, даже до времени онаго (Дан. 12, 1). Издыхающимъ челоуькомъ отъ страха и чаянія грядущихъ на вселенную, силы небесныя подвижутся (Лук. 21, 27.). И возстанетъ Михаилъ князь великій, стояи о сынѣхъ людей (Дан. 12, 1.). И тогда явится знаменіе Сына челоуьческаго на небеси. Самъ Господь въ повелѣнїи Архангеловъ и трубъ Божіей снидетъ съ небесе (1. Сол. 4, 16). И тогда восплачутся вся колѣна земная, и узрятъ Сына челоуьческаго грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою мноюю (Мат. 24, 30). И пошлетъ Ангелы своя, и соберетъ избранныя своя отъ четырехъ вѣтрѣ, отъ конца земли до конца неба (Марк. 13, 27.). Такъ будетъ въ послѣдній день! Соберетъ избранныя своя!... Гдѣ же будутъ неизбранныя? Ужели они избѣгутъ грядущихъ ужасовъ? Или сгорятъ вмѣстѣ съ стихїями? Нѣтъ, явятся и они несчастныя, туда, куда устремится все; вельмъ бо подобаетъ явится предъ судищемъ Христовымъ (2 Кор. 5, 10). Пошлетъ Сынъ челоуьческій Ангелы своя, и соберутъ отъ царствїа Его вся соблазны и творящихъ беззаконїе, и свернутъ ихъ

(Мат. 13, 41.)... О, лучше бы имъ не являться! — Между тѣмъ, какъ это происходитъ на землѣ, въ землѣ, въ тоже время совершается величайшее таинство. Въ послѣдней трубѣ, вси сущїи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божїя, и услышавше оживутъ, и возстанутъ нетлѣнни, и изыдутъ (1 Кор. 15, 52. Іоан. 5, 25. 29). вмѣстѣ съ этимъ, всѣ живые *измѣнятся* въ тотъ же нетлѣнный образъ, и всѣ соберутся въ одинъ несмѣтный и неизчетный ликъ... Откроется СУДЬ!

Чье сердце, самое закоснѣлое въ безопасности и безстрашіи, не затрепещеть, чей духъ не возмутится при неслыханномъ, невиданномъ и невообразимомъ зрѣлищѣ всего человѣчества, представшаго на судъ Божїй? По обычному порядку чувствъ и дѣлъ человѣческихъ, можетъ быть, свои станутъ съ своими, ближніе съ ближними.. Можетъ быть радостно встрѣтятъ живые воскресшихъ, умершіе не умиравшихъ.. Вдругъ невѣдомая сила исторгнетъ ихъ другъ у друга и разлучитъ на вѣки.. *И разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлищъ, и поставитъ овцы одесную Себе, а козлища ошуюю* (Мат. 25, 32. 33). Явятся двѣ половины человѣчества, два разряда подсудимыхъ, и два суда Божїи: судъ *страшный* и судъ *радостный*.

Страшный судъ! *Страшный судъ!* такъ привыкли мы отзываться о судѣ Божіемъ. Христіанинъ, что же страшнаго для тебя на судѣ Божіемъ? Судъ Божій—не судъ человѣческій. Тебя тамъ не обвинять напрасно по неурзумѣнью дѣла, по голосу пристрастія, по вліянію сторонняго могущества. Судъ Божій долженъ не страшить, а радовать тебя. Но гдѣ же этотъ безтрепетный подсудимый, къ которому бы можно было говорить подобнымъ образомъ? На мѣстѣ Христіанина вездѣ виденъ только грѣшникъ. О, нѣтъ, не напрасно судъ Божій мы называемъ судомъ страшнымъ. Онъ дѣйствительно для грѣшнаго человѣка есть судъ страшный, потому что онъ судъ обличенія, судъ безстрастія, судъ неизмѣннаго рѣшенія, потому наконецъ, что онъ—судъ осужденія.

Страшный судъ. Если бы слово Божіе и не сказало намъ, что *грѣхъ отъ діавола есть* (1. Іоан. 3, 8), то зная, какъ онъ дѣйствуетъ въ мірѣ, мы сами могли бы придти къ этому заключенію, всматриваясь въ обнаруженіе его въ насъ, преимущественныя условія коего суть мракъ и тайна—область сокровеннаго князя тьмы. Служа Богу и работая втайнѣ грѣху, человѣкъ доколѣ живетъ на землѣ, дотолѣ постоянно находятся въ нѣко-

торомъ нравственномъ раздвоеніи, виѣшность отдавая Богу, внутренность—грѣху. Отсюда характеръ жизни его лицемѣріе. Подъ симъ-то нечистымъ покровомъ человѣкъ какъ бы ни былъ далекъ отъ Христа, все же можетъ казаться Христіаниномъ,—чаще для другихъ, нерѣдко—для самого себя. Подъ симъ-то покровомъ онъ не боится никакого суда земнаго, кромѣ слабаго суда совѣсти, который, къ несчастію, не всегда страшитъ его. Но—вотъ открывается судъ Божій.. Судія *приводитъ тайная тьмы, и объявляетъ совіты сердечныя* (1 Кор. 4, 5). Что за стыдъ, что за позоръ—необъяснимые языкомъ человѣческимъ! *Всѣ неплодныя дѣла тьмы бываемая тай о нихъ же срамно есть и глаголати*, всѣ душетлѣнныя мечтанія, всѣ жгущія кровь и душу ощущенія, сокровеннѣйшіе помыслы и замыслы, клеветы и пересуды, обманы и татьбы—все, все будетъ выставлено, выложено на всеобщій смотръ.. Куда скрыть лице? Чѣмъ заградить себя отъ ослѣпительнаго свѣта истины? Какъ закрыться отъ множества милліоновъ устремленныхъ на тебя очей?.. Грѣшника обвинитъ неслезанно тягостное, невыносимое чувство, когда онъ увидитъ себя одинокаго, безъ покрова, безъ защиты, нагаго тѣломъ и душой. Поздно уже тогда будетъ ему

искать спасенія во лжи, принимать личину невинности, прибѣгать къ клятвѣ, искать соумышленныхъ свидѣтелей. Отъ лица всевѣдущей правды Божіей съ трепетомъ отбѣжитъ всякое лукавство? Таково положеніе бѣднаго грѣшника, привыкшаго здѣсь притворствоваться и лицемѣрить. *Страшный судъ!*

Страшный судъ. Съ тѣхъ поръ, какъ первый судія былъ вмѣстѣ и первый подсудимый, т. е. со времени перваго преступленія и перваго оправданія человѣческаго, грозный голосъ правды постоянно умолкалъ на судѣ человѣческомъ. Хорошо сознавая всю немощь природы своей, каждый судія охотно преклонялся на сторону снисхожденія и помилованія. Подъ сей духъ снисходительности болѣе или менѣе написаны всѣ законы человѣческіе и такимъ образомъ суда безстрастнаго между людьми быть не можетъ. Но не безстрастія только нѣтъ на судѣ человѣческомъ,—на немъ часто недостаетъ и непристрастія. Не рѣдко правосудіе закрываетъ глаза предъ знаменитостію, силою, властію и другими могущественными двигателями воли нашей. И вотъ грѣшникъ, приученный къ такимъ судамъ, является на судѣ Божій, *идъже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкупль предстоятъ,*

царь и воинъ, богатый и убойй въ равнѣмъ достоинствѣ. Куда ни обратитъ несчастный подсудимый умоляющій взоръ свой, нигдѣ не видитъ лица состраждающаго, руки помогающей! Ко Ангеломъ очи возводящи, бездѣльно молится, къ чело-вѣкомъ руки простирающе, неимать помогающаго! Вся тварь погружена въ трепетное безмолвіе предъ судомъ Творца и Зиждителя и Бога нашего, и никто не можетъ заступиться за несчастливца, — ни другъ, ни братъ, ни отецъ, ни начальникъ, ни царь, ни Ангелъ Божій! Все смолкнетъ и преклонится предъ Вѣчною Правдою... *Страшный судъ!*

Страшный судъ.. И человѣческій судъ принимаетъ иногда видъ страшнаго суда Божія. Также строги и неподкупны бываютъ судіи и законы. Также никто не хочетъ или не смѣетъ подать голоса въ защиту обвиняемаго. Но случается, что избавленіе приходитъ со стороны, — совершенно нечаянно. Какое нибудь внѣшнее событіе или обстоятельство, непредвидѣнное и нисколько не зависящее ни отъ судей, ни отъ подсудимаго, можетъ остановить приговоръ судный. По крайней мѣрѣ, на судѣ человѣческомъ до послѣдней минуты у осуждаемаго все еще остается въ душѣ утѣшительная надежда. Увы, братія мои! на судѣ *Страш-*

номъ нѣтъ мѣста никакой надеждѣ. Никакія силы земныя и небесныя, никакое стеченіе обстоятельствъ не остановятъ послѣдняго приговора. Съ перваго появленія грѣшника на судѣ, имъ овладѣетъ неописанное горе и отчаяніе; и ничѣмъ, ничѣмъ не усладится горькая чаша его смертнаго унынія!.. *Страшный судъ!*

Страшный судъ! Но что всего страшнѣе на страшномъ судѣ,—это приговоръ суди, которымъ окончательно рѣшится участь грѣшниковъ: *Отыдите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный!*.. Твой ли это голосъ, сладчайшій Иисусе? Тотъ ли это звукъ тихій и кроткій, которымъ Ты нѣкогда призывалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ? Тотъ ли это голосъ отца и друга, который мы слышали отъ Тебя въ Сіонской горницѣ и на горѣ Масличной?.. И такъ и у Долготерпѣливаго есть мѣра терпѣнію! И у Кроткаго и Смирннаго сердцемъ нашлось грозное слово строгаго наказанія! *Отыдите отъ Мене!*.. Мы не можемъ сдѣлать и малѣйшаго намека на то, какую величайшую печаль содержать въ себѣ сіи простыя слова: *Отыдите отъ Мене!* Можетъ быть не одному изъ насъ приводилось испытывать состояніе человека, на рукахъ котораго умираетъ другой че-

ловѣкъ, связанный съ нимъ всѣми узами земной привязанности. Въ неисчетное множество разъ горестивѣе будетъ разставаніе грѣшника съ Богомъ на вѣки! *Отыдите отъ Мене проклятіи!*—И мнози рекутъ Ему: *Господи, Господи!* Мы твои, мы Христіане, мы носили въ себѣ Твоего Духа, въ Твое имя пророчествовахомъ, Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ... И исповѣсть имъ: яко николиже знахъ васъ. *Отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Мат. 7, 22)!.. Ядохомъ предъ Тобою и пидохомъ, заговорятъ другіе, и на распутіихъ нашихъ учили еси.. И речетъ глаголю вамъ, не вѣдѣхъ васъ, откуда есте. *Отступите отъ Мене вси дѣлатели неправды* (Лук. 13, 26. 27.)! *Отыдите отъ Мене проклятіи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его.* Рѣшеніе безвозвратное! И идутъ сіи въ муку вѣчную.. Братія! мы прислушались къ словамъ симъ, и не разумѣемъ ихъ истиннаго, ужаснаго смысла. И идутъ въ муку вѣчную.. Разсудокъ отказывается отъ уразумѣнія плачевной вѣчности; воображеніе теряетъ образы для представленія ея мученій. Есть болѣзни, въ коихъ секунды считаются часами, минуты днями, — такъ онѣ мучительны и

страшны! Но подобнаго той, адской, болѣзни мы ничего здѣсь не испытали и испытать не можемъ. Господь описалъ ее подъ образомъ вѣчнаго горѣнія. Довольно и сего. Духъ трепетно мятется, языкъ сохнетъ и гортань пламенѣетъ при живомъ представленіи безпредѣльнаго огненнаго моря, въ которомъ глубоко—глубоко... отсюда палимые, отсюда задушаемые.. въ мракѣ, въ шумѣ, въ страхѣ, въ тоскѣ, въ замираніи, въ безпрестанномъ ужасѣ, изнывая и истаеая.. съ воемъ, стономъ, съ воплемъ, со скрежетомъ будутъ страдать. Боже мой!—кто же?.. И не будетъ смѣны часовъ, дней, лѣтъ и тысячелѣтій! Одна страшная, неослабная, безнадежная, безконечная, вѣчная мука! *Страшный судъ! Страшный судъ!*

Но что же вы трепещете, любящіе Бога и вѣрующіе въ Иисуса? *Восклонитесь и воздвигните главы ваша: зане приближается избавленіе ваше* (Лук. 21, 28). Христіане! Самъ Господь утѣшаетъ и ободряетъ насъ. *Восклонитесь и воздвигните главы ваша*, сказалъ Онъ смущеннымъ ученикамъ послѣ того, какъ возвѣстилъ о грядущемъ судѣ своемъ. Не для всѣхъ послѣдній судъ будетъ судомъ страшнымъ. Найдутся люди (дай Богъ, чтобъ ихъ было какъ можно больше!), для коихъ

послѣдній судъ будетъ судомъ вождельнно-радостнымъ. Тайновидецъ говорилъ, что онъ зрѣлъ духовъ, которые просили у Бога откровенія суда Его (Апок. 6, 10). То были души мучениковъ, избѣенныхъ за слово Божіе, коимъ судъ Божій несъ вѣчное, нескончаемое блаженство. Но что такое и каждый истинный Христіанинъ, какъ не мученикъ за слово Христово? Для послѣдователя Иисусова вездѣ гоненія, вездѣ мучители! И день пришествія Христова долженъ казаться ему днемъ радостнѣйшаго избавленія его отъ враговъ его.

Первый гонитель его есть его собственная падшая, растлѣнная природа. Она постоянно, неутомимо преслѣдуетъ его. Нѣтъ минуты, въ которую бы доблестный ратникъ могъ спокойно отдохнуть отъ труда и изнурительнаго бдѣнія. Подвижники благочестія не знали, что дѣлать съ собою, упадали духомъ, и плакали кровавыми слезами надъ своимъ безсиліемъ. Отъ юности мнози борются насъ страсти, и не та, такъ другая, не другая, такъ третья, постоянно возносятъ въ насъ свою преступную голову, и посмѣваются всѣмъ усиліямъ добрѣтельной воли. Ты хочешь смирить свою буйную строптивую природу, и лишь только начнешь достигать своего желанія, является зло-

торжествующая гордость духа. Лишь только побѣдишь гордость духа его ницетою, смотришь — закрадывается въ сердце похоть; и нѣтъ, и нѣтъ здѣсь отрадной минуты для послѣдователя Иисова! Но, вотъ настаетъ послѣдній судъ. *Восклонитесь и воздвигните главы ваша* вы, утомленные трудники Христа ради! Зане приближается избавленіе ваше. *Блаженни вы плачущи, кротцыи, милостивии, миротворцы!* *Блаженни вы, нищии духомъ!* *Блаженни вы, чистии сердцемъ!* Зане приближается избавленіе ваше. Послѣдній судъ положить конецъ вашей мучительной борьбѣ съ самими собою, и увѣнчаетъ васъ вѣнцемъ побѣды. *Вождельный, радостный судъ!*

Другой гонитель благочестія есть повсюдное царство лжи и неправды. Не достанетъ слезъ для достойнаго оплаканія несчастнаго извращенія самыхъ первыхъ и святыхъ основаній жизни, — извращенія, столь давно терзающаго родъ человѣческій. Вспомните, гдѣ и какъ началась нынѣшняя наша неправедная дѣятельность. *Не смертію умрете* (Быт. 3, 4), говорилъ родоначальникъ лжи, и ложь его, къ несчастію всего человѣчества, сдѣлалась самымъ многоплоднымъ съменемъ. Мы трепещемъ, когда безтрепетный бра-

тоубійца говорить Богу. *не вѣмъ! Еда стражъ брату моему есмь азъ* (—4, 9.)? Какъ скоро и какъ сильно возрасло проклятое сѣмя! *Исполнися земля неправды отъ людей* (—6, 13) говорилъ Господь, и водами потопа, по видимому, смылъ ложь и неправду съ лица земли. Но чтоже? Проходить нѣсколько вѣковъ, и опять *хвалится во злобѣ сильный; беззаконіе весь день, неправду умышляетъ языкъ его; яко бритву изощрену творитъ леть; любитъ злобу паче благостыни, — неправду, неже глаголати правду; любитъ вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ* (Пс. 6, 15. 3—6); *болитъ неправдою, зачинаетъ бользнь и раждаетъ беззаконіе* (Пс. 7, 15); *пишетъ лукавство* (Исаі. 10, 1.) *зиждетъ домъ съ неправдою* (Іер. 22, 13); *съетъ на браздахъ неправды* (Сир. 7, 3), и проч. Видя повсюду разливающійся потокъ неправды, ревнители Божіей истины — Пророки — скорбѣли, и раздирались сердцемъ. И въ наше время ревнитель Божій, алчущій и жаждущій правды, поищетъ ее, и, можетъ быть, съ отчаяніемъ воскликнетъ: *оставиша завѣтъ Твой сыны Израилевы; остахъ азъ единъ.. возьми и отъ мене душу мою! Яко нльсмь и азъ лучший*

отецъ моихъ (3 Цар. 19, 4.). Царство неправды со всѣхъ сторонъ окружаетъ и гнететъ бѣднаго правдолюбца, мучить, терзаетъ его, не оставляетъ ему минуты утѣшительной, на каждомъ шагу его оказываетъ ему новыя и новыя оскорбленія. Но самое большее, самое худшее оскорбленіе — то, когда неправда преодолѣтъ мужество праведника, и увлечетъ за собою поборника истины.. плачевнѣйшее зло! Но — *восклонитесь и воздвигнете главы ваша, вы алчущіи и жаждущіи правды! Блажени вы, яко насытитесь.* Блажени вы! Вы не будете болѣе видѣть отвратительнаго лика посмѣвавшейся вамъ неправды, не будете слышать злораднаго, язвительнаго шума ея, не будете терпѣть ея наглыхъ, безумныхъ нападеній; *зане приближается избавленіе ваше!* Откроется послѣдній судъ, и вы увидите во всемъ боголѣпномъ торжествѣ и величїи вѣчную правду, о которой ревновали, о которой болѣли здѣсь сердцемъ. Она васъ утѣшитъ, увѣнчаетъ, воцаритъ съ собою, просвѣтитъ васъ, яко солнце. **Вождельный, радостный судъ!**

Есть еще одинъ гонитель и вмѣстѣ мучитель Христіанъ, о которомъ нельзя не упомянуть въ виду раскрывающейся судомъ Божиимъ вѣчности.

Это—духъ вѣка, вѣка нашего, временнаго. Подражая своему князю, онъ также, *яко левъ рыкая ходитъ искій, кого полотити* (1. Петр. 5, 8.), злобно и яростно нападаетъ на христолюбцевъ, хитро и лукаво стережетъ ихъ.. У него повсюду раскинута невидимая, погибельная сѣть соблазновъ и искушеній. Много нужно крѣпости и силы духа, чтобы противостоять и противодѣйствовать сему врагу. *Въ мѣръ скорбни будете*, говорилъ Спаситель (Іоан. 16, 33), *будете ненавидами всѣми имени Моего ради* (Мат. 10 22); *отъ сонмищъ ижденутъ вы* (Іоан. 16, 2), сочтутъ васъ *лицемѣрами, святошами, полуумными, съ которыми стыдно имѣть дѣло.. Но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ мѣръ* (Іоан. 16. 33) Господи! какъ же дерзать, когда мѣръ уже и того, и того побѣдилъ?—побѣдить и насъ! Можетъ быть, съ Твоею поспѣшествующею помощію, мы бы и выдержали его нападенія, если бы духовный взоръ нашъ былъ силенъ прозрѣвать въ *глубины сатанины*. Но гдѣ взять столько опытности и осмотрительности, чтобы не принять иногда врага за друга, злодѣя за доброжелателя, изверга за брата! Духъ вѣка ослѣпляетъ, оглушаетъ насъ, преслѣдуетъ насъ всячески, всюду и всегда, отъ первыхъ дней жизни нашей до по-

слѣднаго дыханія. Мы въ немъ живемъ, имъ дышемъ; мы невольники, рабы неискупные; видимъ пропасть, и не можемъ не бѣжать въ нее. Бѣдные страдальцы! *Восклонитесь и воздвините главы ваша; зане приближается избавленіе ваше. Блажени вы изгнаніи правды ради! Блажени вы возненавидѣнные челоуѣками, отлученные, поносимые, злословимые Сына челоуѣческаго ради* (Лук. 6, 22.)! Будеть время лучшее,—настанеть Судъ Божій. Предъ очами всѣхъ міролюбцевъ міръ окончательно обличень будетъ *о грѣсь и о правдѣ и о судѣ* (Іоан. 16, 8). Небо приметъ васъ, ревновавшихъ о немъ на земль, и *ваше* будетъ *царствіе небесное* (Мат. 5, 10)! Что блаженнѣ радости—царствовать, и царствовать на небѣ, и царствовать вѣчно?.. Стократно вождельный радостный судъ!

Возрадуйтесь же за той день и взырайте всѣ явные и потаенные мученики за слово Христово! Се бо мзда ваша многа на небесъхъ (Лук. 6, 23). *Мзда многа..* Малое слово, но безконечно—великая мысль прикрыта имъ. Господь не любилъ говорить много о томъ, какую радость готовить Онъ своимъ избраннымъ. *Ваше есть царствіе Божіе, насытитесь, возсмытесея* (Лук. 6).. *Яко*

тіи утѣшатся, насладятъ землю, помиловани будутъ, Бога узрятъ, сынове Божіи нарекутся (Мат. 5), сторицею примутъ, и животъ вѣчный насладятъ (Мат. 19, 29), будутъ ѣсть и пить на трапезь Господней (Лук. 22, 30), возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ (Мат. 8, 11), будутъ со Христомъ, почтены будутъ Отцемъ Небеснымъ (Іоан. 12, 26), просвѣтятся яко солнце (Мат. 13, 43) и т. под. Но всѣмъ этимъ далеко не высказывается величіе мзды небесной. *Непщую, яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явится въ насъ* (Римл. 8, 18), говорилъ предвкусившій сладость благъ вѣчныхъ, Апостоль, но что за слава сія?—также оставилъ, необъясненнымъ—безъ сомнѣнія потому, что и объ этомъ *не лѣтъ есть челоувку глаголати. Не у явится, что будемъ*, говоритъ Тайновидецъ. *Въ-мы же, яко егда явится (Господь), подобни Ему будемъ* (1 Іоан. 3, 2). Всякой ли способенъ понять, что за высочайшее блаженство заключается въ семъ обѣтованіи: *Подобни Ему будемъ*. . Восторгнись духомъ Христіанинъ! Иногда ты ревновалъ о челоувческой именитости, чести, силѣ, славѣ,—искалъ подражать уму, слову, дѣлу себѣ подобнаго смертнаго и земнороднаго,—домогался

видѣть то, чѣмъ славится суета человѣческая.. Отряси тину очесе умнаго! Мы увидимъ Сущаго, я—подобни Ему будемъ!—Ты желалъ раскрыть безпрепятственно силы безсмертнаго духа твоего,—все узнать, все сдѣлать,—возвратить себѣ истинно—человѣческое, вышешірное, достоинство,—явиться предъ лицомъ Божиимъ достойнымъ образа Божія, тобою носимаго.. Радуйся и веселися! *Вѣмы, яко егда явится, подобни Ему будемъ*,—станемъ выше всего, о чемъ теперь едва помыслить можемъ.—Послушай, вакъ весело и привѣтливо раздается давно знакомый намъ тихій и кроткій гласъ Сладчайшаго Спасителя нашего: *приидите благословеннии Отца Моего! Насльдуйте уготованное вамъ Царствіе отъ сложенія мира* (Мат. 25, 34).. Какимъ языкомъ высказать ту радость, которая должна освѣтить лица благословенныхъ Отцемъ небеснымъ?. *И идутъ.. праведницы въ животъ вѣчный* (46).. *Ей, да будетъ тако благоволеніе предъ Тобою надъ всѣми нами, Авва Отче!*

Что же, братія? Какъ намъ назвать послѣдній судъ Божій? Что онъ для насъ: страшный или вождельбно-радостный?. Вотъ предметъ, о которомъ стоитъ подумать среди праздничнаго шума слѣдующихъ дней. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Помилуй мя падшаго!

»Приде проповѣдникъ покаянія, добрѣйшій постъ,
 —всечестный, преподобный, святой.« Такъ отзы-
 вается о постѣ сама св. Церковь, его установив-
 шая. И всякое другое время для грѣшника должно
 быть временемъ покаянія, тѣмъ болѣе—то время,
 въ которое Церковь высымаетъ къ намъ проповѣ-
 дника, проповѣдника хотя безмолвнаго, но
 тѣмъ едвали еще не болѣе назидательнаго.. Про-
 повѣдь сія началась давно, и мы уже три седми-
 цы слушаемъ ее. Какъ бы по нѣкоей лѣствицѣ
 вела насъ Церковь къ посту. *Истинный постъ по*

ея словамъ, *есть злыхъ отчужденіе, а именно; воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе,—оглаголанія, лжи и клятвопреступленія.* Сихъ оскудѣніе постъ истинный *есть и благопріятный* (на стиховнѣ самогласенъ Понед. 1-й нед. поста). Согласно съ этимъ, примѣръ фари-сея училъ насъ воздержанію языка, примѣръ мы-таря—ярости отложенію, примѣръ блуднаго сына—похотей отлученію, всѣ отъ вѣка почившіе—оглаголанія, лжи и клятвопреступленія,—самыхъ общихъ и обыкновенныхъ проявленій душевнаго невоздержанія—отлученію, страшный судъ—сихъ всѣхъ оскудѣнію. Послѣ этого намъ оставалось только начать поститься. Но мы не поняли бы ни причины, ни слѣдствій, ни духа, ни цѣли поста, еслибы не восполнили постническихъ уроковъ своихъ еще однимъ урокомъ—о незабвенномъ для всего человѣчества, началѣ поста. Въ настоящій день Церковь взяла на себя преподать намъ и этотъ урокъ. Для сего она призываетъ насъ къ воспо-минанію одного изъ самыхъ трогательныхъ собы-тій своей исторіи. На ея голосъ предъ мысленнымъ взоромъ нашимъ отверзаются врата глубочайшей древности, и мы видимъ садъ прекрасный и вос-хитительный, какой только можетъ представить

мысль. Вокругъ сада—пустыня, и въ ней—два изгнанные челоѡка.. Слышится скорбный голосъ: *увы мнѣ, прелестію лукавою увѣщанну бывшу и окрадену, и славы удалену! о Раю! Ктому твоя сладости не наслаждуся! Ктому не узрю Господа и Бога моего и Создателя! Въ землю бо пойду, отъ нея же и взять быхъ. Милостиве, щедрый! вопію ти: помилуй мя падшаго* (Стих. на вечерни Сыр. Нед.)! Это голосъ несчастнаго прародителя нашего. Мы узнаемъ его,—и наше сердце исполняется горчайшимъ чувствомъ.. Такъ, вотъ гдѣ начались тѣ болѣзненные стenanія и рыданія, подъ звуками коихъ проходить теперь вся жизнь наша! Такъ, здѣсь-то въ первый разъ челоѡкъ узналъ то лишеніе, испыталъ то недовольство, которое теперь, встрѣчая насъ на лонѣ матернемъ, провождаетъ чрезъ всю жизнь—въ лоно земли!. Такъ, здѣсь-то началась вся эта суетная жизнь наша со всѣми ея скорбями и нуждами, страстями и надеждами, невоздержаніемъ и постомъ, грѣхомъ и покаяніемъ, вѣрою и молитвою!. Событіе для невоздержнаго челоѡчества въ высшей степени поучительное!

О Раю! Увы мнѣ! Ктому твоя сладости не наслаждуся! Ктому не узрю Господа и Бога мое-

го! съ землю бо пойду. Если на этотъ, всему роду человѣческому родный вопль растерзаннаго сердца не отзовется, обличенный уже при устѣхъ мытаря и фарисея, отысканный уже на странѣ далече и поставленный среди овецъ и козлищъ, грѣшникъ,—для Церкви останется въ слѣдующую недѣлю огласить его язычникомъ и мытаремъ. . Все, что для человѣчества можетъ быть самаго умилительнаго и поразительнаго въ его прошедшемъ, все это заключается въ воспоминаніи перваго грѣха перваго покаянія человѣческаго!—Такъ или иначе плакалъ нашъ праотецъ, но несомнѣнно, что несчастнаго должны были занимать два предмета: настоящее бѣдствіе и прошедшее блаженство. Первое должно было производить въ душѣ его постоянное сокрушеніе, послѣднее — постоянное обращеніе къ Раю. Сіи—то два состоянія его печальнаго духа, какъ два неустранимые стража, должны были сопутствовать раскаянію падшаго въ теченіе всей его жизни. Они же должны быть общими и постоянными и для всѣхъ грѣшниковъ, хотящихъ путемъ покаянія достичь спасенія, слѣд. и для насъ съ тобою, наслѣдникъ праотеческаго паденія!

1. И такъ, первый урокъ, изгнаннаго изъ Рая

радости, праотца, завѣщанный имъ потомству, есть сокрушеніе. Что такое сокрушеніе? Сокрушить—значить: сломать, разбить; и такъ, когда говорится о сокрушеніи души, то чрезъ это разумѣется такое состояніе ея, въ которомъ она не чувствуетъ полноты бытія своего, не находитъ въ себѣ цѣлости, а все какъ будто чего-то не достаетъ ей, какъ будто что отнято отъ нея. Нѣтъ въ ней, потому, ни полной радости, ни полного наслажденія, ни полного и свободнаго употребленія силъ. А если такъ, то прежде всего рождается вопросъ: правильно ли и хорошо ли такое состояніе души? И не будетъ ли несправедливостію противъ собственной природы нашей и противъ Бога, давшаго ее, искать состоянія сокрушеннаго? Было бы—, но только не въ насъ, а въ человѣкѣ невинномъ, поселенномъ въ раю сладости, и окруженномъ всякими, и одними только благами. Когда же Господь восхотѣлъ наказать падшаго лишеніемъ и недовольствомъ, то всякая попытка человѣка—прискаты себѣ на землѣ наслажденіе полное, благо высшее есть нарушеніе и оскорбленіе правды Божіей. Не услаждать долженъ человѣкъ горькую жизнь свою, а оплакивать, стремясь къ жизни

лучшей, блаженнѣйшей; и сокрушеніе потому должно быть необходимостію его жизни.

Но найдутся люди, которые въ недоумѣніи будутъ спрашивать: да о чемъ же крушиться? «Слава Богу, у насъ все есть, мы живемъ, какъ слѣдуетъ, и Богъ насъ любитъ, люди къ намъ добры, міръ Божій прекрасенъ..» Конечно, слава Богу, благодарствующему и милующему! Но случается же иногда и во снѣ увидѣть, что у насъ всего много, что насъ всѣ любятъ, что мы находимся въ Раю и проч. И еслибы тогда намъ пришло на мысль спросить себя: каково намъ, мы не затруднились бы отвѣчать самымъ благопріятнымъ для себя образомъ. Увы, бр! Давно намъ говоритъ Церковь, что жизнь наша — сонъ, что предметы міра видимаго — тѣнь, образъ, что все, принимаемое нами за неизмѣнную и непреложную дѣйствительность, — мечта и обманъ. Стоитъ только проснуться, — прозрѣть въ жизнь вѣчную и вполне откроется вся теперешняя *суета суетствій*..

У насъ все есть. Что же у насъ есть? Прежде всего у насъ есть жизнь.. Нѣтъ, у насъ нѣтъ жизни. У насъ только — смерть. Жизнь находится въ высшемъ распоряженіи, и дается намъ только на время. И такъ, первое и драгоцѣннѣйшее наше благо

находится въ чужомъ распоряженіи, и мы можемъ лишиться его ежедневно, ежеминутно! Не должно ли это сокрушать насъ?—У насъ есть блага міра... Но если нѣтъ жизни — самаго высшаго блага, то что и говорить о другихъ благахъ? Мысль, что я могу въ эту же минуту лишиться жизни, не должна ли отравлять всѣ мои наслажденія? Но и сами по себѣ блага міра уже ли могутъ удовлетворить духъ нашъ, жаждущій блаженства неизмѣннаго, вѣчнаго? Какое благо земное постоянно? *Какая житейская сладость пребываетъ печали непричастна? Кая ли слава стоитъ на землѣ непреложна? Вся стѣни немощнѣйша, вся соній прелестнѣйша!* Что можетъ ручаться, что и завтра я также буду доволенъ и счастливъ, какъ сегодня? Не было ли примѣровъ, что люди нынѣ были въ славѣ и величіи, а завтра, поруганные и изувѣченные, испрашивали себѣ кусокъ хлѣба?— Не одна и измѣнчивость наслажденій должна сокрушать насъ... нѣтъ, наслажденія и блага земныя въ самомъ существѣ своемъ суть предметы жалкіе и ничтожныя. Отчего учащаемое наслажденіе дѣлается скучнымъ и даже противнымъ? Отъ того, что чрезъ повтореніе мы получаемъ возможность разсмотрѣть его ближе и вѣрнѣе, увидѣть въ немъ

самую жалкую суету. Что значать эти, такъ часто слышимыя, восклицанія : скучно, грустно? Ничего болѣе — какъ то, что теперь у насъ нѣтъ блага истиннаго, совершеннаго! Какъ же, послѣ этого, не сокрушаться, ощущая въ себѣ неистребимую потребность дѣйствительнаго истиннаго наслажденія, и не находя его нигдѣ?.

Но наше благо, скажутъ иные, въ совѣсти, которая говоритъ намъ, что мы живемъ, какъ слѣдуетъ?.. Какая жь это совѣсть, братія, говоритъ такимъ образомъ? Вѣрно усыпленная привычкою и поблажкою, которая сонныя видѣнія принимаетъ за предметы дѣйствительные?.. Вѣрно упоенная самолюбіемъ и страстію, которая не видитъ ничего ни ясно, ни опредѣленно? *Аще исполните вся повелѣнная вамъ, иже возлюбите, яко раби неключимы есмь,* (Лук. 17, 10). — вотъ какое правило даетъ намъ Спаситель. Почему такъ мы должны смотрѣть на себя? Потому что дѣло добродѣтели, есть предметъ, о которомъ всего менѣе можно говорить съ увѣренностію. Намъ представляется, что мы живемъ, какъ слѣдуетъ? Напротивъ! У насъ нѣтъ, можетъ быть, ни одной минуты, которую бы мы провели, какъ должно. Если не злое дѣло, то злая мысль, если не мысль пря-

мо худая и порочная, то разсѣянность и отсутствіе мысли доброй, если не разсѣянность, то наше внѣшнее положеніе, обличающее суету и пристрастіе къ временному и преходящему порядку вещей, — что-нибудь, вѣрно, есть недостойное нашего высокаго назначенія. Если не собственнымъ желаніемъ, то увлеченіемъ, мы ежеминутно сходимъ съ пути добра, и нѣтъ силъ противиться потоку зла, влекущему насъ въ погибель! Ужели это не должно сокрушать насъ, — насъ, которые должны будемъ нѣкогда дать отвѣтъ за всякое слово, за всякую мысль на судѣ Божіемъ (Мат. 2. 36.)?

Н а с ъ Б о г ъ л ю б и т ъ .. тѣмъ болѣе мы должны сокрушаться, сознавая, какимъ зломъ мы платимъ Ему. Притомъ же, изъ чего ты заключилъ, что Богъ тебя любитъ? Можетъ быть онъ только терпитъ тебя? Онъ не лишаетъ тебя Своихъ даровъ природныхъ и благодатныхъ? Но и отверженные духи не лишены нѣкоторыхъ даровъ Божіихъ.. Скажи, можетъ ли Господь любить оскорбителя своей премудрости, правды и любви? Нѣтъ, сокрушеніе, и одно сокрушеніе должно быть у грѣшника.

Л ю д и к ъ н а м ъ д о б р ы .. Во первыхъ, зачѣмъ это: *къ намъ?* Тутъ еще не много утѣшенія.

Ты спроси: добры ли люди вообще одинъ къ другому? И уже не спрашивай: добры ли люди, какъ люди сами въ себѣ? Не смотря на то, что любовь Божія такъ явственно, такъ увлекательно и досто-подражательно указала имъ въ себѣ самой образецъ чувствованій, мыслей и нравовъ, поведенія и обращенія съ своими братіями по естеству и благодати, истощивъ себя въ полнѣйшей и совершеннѣйшей преданности на служеніе человѣку, враждебное смиренію и миролюбію, сѣмя злаго сѣятеля разрастается до днесь по всему существу человѣка и по всему семейству человѣчества, самолюбіемъ, завистію, враждою и т. п. Самое чистое, какое только слышалось въ устахъ человѣческихъ, сознаніе принуждено было потому говорить: *никто-же благъ, токмо единъ Богъ* (Лук. 18. 19). Не должно ли такое представленіе сокрушать насъ даже и тогда, когда бы люди дѣйствительно были добры къ намъ? Но кто поручится и за это? Можетъ быть они только ласковы, можетъ быть только вѣжливы, можетъ быть только расчетливы? можетъ быть добры на время,—до случая?—добры по неволѣ?—добры не къ намъ, а къ тому, что около насъ? и т. под. Не утѣшительно, а надобно сознаться, что истинная лю-

бовъ есть достояніе неба, а не земли. Какъ же не сокрушаться теперь, когда, въ душѣ всегда будетъ оставаться подозрѣніе къ добродушію другихъ?

Мірѣ Божій прекрасенъ. Конечно, это величайшее и послѣднее утѣшеніе для грѣшника, желающаго избыть суеты и зла. Но и мірѣ перестанетъ быть прекраснымъ для того, кто въ душѣ своей носитъ грѣховное безобразіе. И мало ли мы слышимъ жалобъ на невинную природу! Холодъ, жаръ, сырость, вѣтеръ, дождь, огонь, земля, воздухъ—все, какъ бы нарочно по чьему-то повелѣнію, вооружается противъ насъ. Таковъ для падшаго человѣка прекрасный мірѣ Божій! И красота его не освобождаетъ грѣшника отъ сокрушенія.

Чтоже? Ужели нѣтъ для насъ въ этомъ мірѣ ничего радующаго? Дѣйствительно нѣтъ изъ всего, что даетъ мірѣ собственнаго. Но въ мірѣ есть нѣчто чуждое ему (Іоан. 18, 36), чего онъ не могъ ни произвести, ни дать человѣку. Это, чуждое міру, есть св. Церковь. Только она можетъ радовать душу. Но и Церковь не избавитъ грѣшника отъ сокрушенія; напротивъ она болѣе всѣхъ заставитъ его сокрушаться. —

И такъ, куда бы ни обратился падшій человѣкъ, вездѣ его ожидаетъ сокрушеніе.

»Вскую совѣта горькаго послушала еси, и бо-
 »жественнаго повелѣнія была еси преслушна —
 »увы мнѣ! — смиренная душе, Бога оскорбившая?
 »Сладокъ вкусъ плодъ разума во эдемѣ явимися
 »насыщшемуся снѣди, въ желчь же бысть конецъ
 »его! — Гряди душе моя страстная, плачи твоя дѣя-
 »нія днесь, поминающе первое обнаженіе въ эде-
 »мѣ, имъ-же изгнана еси отъ сладости, и непре-
 »станныя радости.. Луже блаженный! Садове бо-
 »госажденіи! Рая красото! Нынѣ о мнѣ слезы про-
 »ливаете, отъ листовъ, якоже отъ очію, обнажен-
 »нѣмъ и страннѣмъ славы Божія. (Кан. Сырн.
 »вед.). Милостиве, щедрый! вопію ти: помилуй
 мя падшаго!

2. Другой урокъ, преподаемый намъ падшимъ праотцемъ нашимъ, есть постоянное мысленное обращеніе, наше къ раю — новому, небесному, вѣчному, который пріобрѣтенъ для насъ Иисусомъ Христомъ (Лук. 23, 44, Апок. 11, 7). Нуженъ ли намъ этотъ урокъ? И безъ него не всякій ли о томъ только и думаетъ и молится, какъ бы получить царство небесное, — быть въ раю? Но, Бр! Если мы могли недоумѣвать, о чемъ

намъ сокрушаться, то явно, что у насъ нѣтъ живаго и пламеннаго желанія будущаго блаженства. Отъ чего это странное и непостижимое несогласіе наше съ самими собою? Отъ простой причины. Мы живемъ настоящимъ, а рай еще впереди—въ будущемъ,—представляется какъ-то неясно, неопредѣленно, слабо дѣйствуетъ на насъ, а потому и мало занимаетъ насъ. Въ этомъ случаѣ мы гораздо далѣе уходимъ отъ него, чѣмъ ушелъ нашъ праотецъ. Онъ поселился и жилъ *прямо рая сладости* (Быт. 3, 24). и безъ сомнѣнія сколько жилъ, столько плакалъ о немъ. Мы же, не умѣя составить живаго о немъ понятія, склонны бываемъ болѣе ревновать о изобрѣтательности потомковъ Каина,—чувствуя потребность заглушить вопиющую жажду духа, — оставляемъ *источники воды живыя* и обращаемся къ *сшуденцамъ истльнїя*, въ которыхъ вода и мутная и гнилая и горькая, но все же вода, мнящаяся утолять его жажду, Что же, если эта вода—ядъ? А она дѣйствительно ядъ. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ повиненъ грѣху и смерти, всѣ земные источники блаженства отравились смертнымъ ядомъ. Болѣе или менѣе его, замѣтнѣе или скрытнѣе дѣйствуетъ онъ, скорѣе или медленнѣе— все это уже мало

значить, главное дѣло, что онъ ядъ, и что упившись имъ, мы уже не будемъ пить воды живой. Одно такое представленіе должно уже ослаблять въ насъ жажду земнаго наслажденія, и возбуждать желаніе блаженства вѣчнаго. Но не облѣнимся повнимательнѣе и побезпристрастнѣе вглядѣться въ истлѣнные студенцы земнаго наслажденія, чтобы уже никогда не вѣрить ихъ преувеличенной чистотѣ и глубинѣ, сладости и питательности!—Двѣ стороны существа нашего трудятся надъ ископаніемъ ихъ,—природы: *тѣлесная* и *духовная*. И у той и другой есть свои источники наслажденія, стяжанные часто неимовѣрнымъ усиліемъ и пожертвованіемъ,—свои мнимые рай, наслажденіе которыми заставляетъ человѣка забывать о благахъ истиннаго рая небеснаго.

У тѣла нашего есть слѣдующіе студенцы мимолетнаго счастья: здоровье, насыщеніе, успокоеніе и услажденіе чувствъ.

Здоровье есть необходимое условіе всѣхъ земныхъ наслажденій, и, конечно, само потому есть благо великое; можно бы при этомъ указать на людей, которые считаютъ его цѣлю всего, что видѣлаютъ. Но—скажите: что за благо то, котораго нельзя ни сознать, ни ощутить, и которое болѣе

всего занимаетъ насъ тогда, когда, его нѣтъ у насъ? А таково точно здоровье. Притомъ же, не соедините съ нимъ никакихъ другихъ удовольствій, — оно вамъ наскучить. И такъ, это не Рай. Насыщеніе не тогда только благо, когда предваряется голодомъ, и до тѣхъ поръ продолжается, пока человѣкъ не насытится — это болѣе дѣло необходимости.. рай самый жалкій! — Покой, подобно насыщенію, пріятенъ особенно только послѣ усталости, и продолженный болѣе, нежели сколько нужно для отдыха, производитъ тяжесть и непріятность. рай мгновенный и очень опасный!. Но если здоровье, насыщеніе и покой не доставляютъ полного наслажденія, то все же (особенно въ совокупности) несомнѣнно суть великое благо; и есть много людей, которые ничего болѣе не желаютъ, какъ только одного: быть здоровыми, сытыми и покойными.. Но люди, которымъ неизвѣстны потребности духа и неба, ужели суть указатели требованій всего человѣчества?. Между тѣмъ стѣитъ только услышать хотя разъ неизреченно-радостный голосъ Духа сыноположенія, даже гораздо менѣе, — стѣитъ только прислушаться къ повѣданію небесъ о славѣ Божіей, и еще менѣе—къ одному богохвалебному пѣнію безсловесной жизни, чтобы за-

быть и пищу и сонъ, и идти въ слѣдъ влекущаго неба! Самые тѣ люди, которые, повидимому, блаженствуютъ у своихъ студентовъ, не чувствуютъ ли иногда недостаточности своего постоянного довольства? Сегодня здоровъ, сытъ и покоенъ, завтра—еще здоровѣе, сытѣе, покойнѣе, послѣ завтра—тоже самое.. Наконецъ, это становится тяжелымъ, а можетъ стать и совсѣмъ несноснымъ. Сердце выражаетъ внутреннее недовольство духа скукою, отъ которой не свободны самые грубые люди. Чтожъ это за наслажденія, въ которыхъ скрывается тайное терзаніе? Не таковъ рай. Тамъ *нѣтъ болѣзни, ни печаль, ни воздыханіе; тамъ сладость безконечная и веселіе вѣчное!*—Не находя наслажденія полного ни въ сытости, ни въ спокойствіи, человѣкъ роется глубже въ своей чувственной природѣ, и отыскиваетъ новый источникъ наслажденія,—новый копаетъ студенецъ истлѣнія: онъ занимается *у с л а ж д е н і е м ъ ч у в с т в ѣ*; и въ семъ заманчивомъ занятіи на время какъ будто забываетъ требованіе блаженства вѣчнаго, время малое, и то — искупаемое большею частию лишеніями и страданіями! Не нужно говорить о томъ, какъ грубо и недостойно человѣка богоподобнаго, и какъ бѣдственно ему услажденіе низ-

шихъ чувствъ его: тѣлеснаго ощущенія, обонянія и вкуса. Услажденіе зрѣнія и слуха гораздо выше и досточтимѣе;—это лучшее благо природы тѣлесной. Но и въ немъ нѣтъ для человѣка полного довольства; напротивъ, оно еще болѣе и явственнѣе всѣхъ другихъ чувственныхъ наслажденій сопряжено съ скорбію. Мы смотримъ на небо, на море, на прекрасный лугъ, на шумный лѣсъ, и ощущаемъ въ себѣ не столько радости, сколько томленія. Душа чего-то ищетъ, куда-то стремится, облакается въ думы и воспоминанія, скорбитъ и изнемогаетъ. Мы слушаемъ вой вѣтра, громъ тучи, звонъ колокола, пѣніе, музыку,—и испытываемъ тоже самое—и радость и печаль. Мало ли примѣровъ, что люди плачутъ отъ самаго прекраснаго, усладительнаго пѣнія?.. Что же все это значить? Это значить, Бр., что безсмертный духъ нашъ, прикованный къ страстной плоти и тлѣнному міру, заключенный въ грѣхъ и суету, въ беспорядокъ и безобразіе, слышитъ тогда стройный голосъ своей горней отчизны, видитъ, хотя неясно и неполно, ея неописанную красоту, воспоминаетъ свой, мимолетно прошедшій и вѣчно будущій, *Рай*, а потому и наслаждается и скорбитъ вмѣстѣ. И такъ, самое лучшее и выс-

шее наслажденіе чувствъ нашихъ есть явное указаніе на небесное наслажденіе, котораго оно есть только бѣдное подобіе. Такъ должно смотрѣть и на всѣ прочія чувственныя наслажденія; это суть подобія блаженства вѣчнаго, — прямыя или косвенныя напоминанія о немъ, и призыванія насъ къ нашему вождельнному отечеству. А потому тѣмъ оно и да будетъ для всѣхъ насъ! Пусть каждый поставитъ за необходимость, при всякомъ наслажденіи земномъ припоминать наслажденія неба, уготованныя для него, — пусть, при самомъ высшемъ удовольствіи, всегда имѣетъ въ мысли свое паденіе, свое изгнаніе изъ рая сладости, и вмѣстѣ съ праотцемъ взываетъ къ Подателю благъ небесныхъ: *помилуй мя падшаго!*

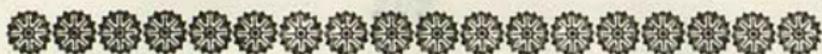
У духа нашего есть также свои особенныя, — высшія, духовныя наслажденія, но и онѣ всѣ обличаютъ въ себѣ такую же суету и недостаточность, какъ и наслажденія чувственныя. Духъ человѣка, не находя желаннаго удовлетворенія въ удовольствіяхъ плоти, и даже тяготясь ими, ищетъ студенцовъ наслажденія глубочайшихъ, совершенныхъ. Въ немъ есть неискоренимая потребность привязанности къ чему-нибудь, въ которой онъ и думаетъ находить сродное себѣ благо и счастье.

Отсюда-то являются въ немъ всѣ тѣ безчисленныя страсти, въ коихъ разлито по малой каплѣ мнимое блаженство наше. Первый предметъ привязанности человѣка здѣсь безъ сомнѣнія есть самъ человѣкъ, и первая страсть его есть потому самаюлюбіе, изъ котораго выраждаются наслажденія гордости, тщеславія, праздности, скупости, учености... *студенцы истальнія!* Имъ ли утолить жажду безсмертнаго духа? Самое лучшее изъ нихъ—наслажденіе знанія скоро, очень скоро, дѣлается скучнымъ и неудовлетворительнымъ; умъ и всѣ изобрѣтенія его вскорѣ кажутся слишкомъ обыкновенными, и перестаютъ занимать насъ; душа стремится далѣе—къ таинственному созерцанію. И здѣсь-то, повидимому, настааетъ для нея полное блаженство, но.. порывъ проходить, и мы по прежнему бѣдныя искатели блаженства! Человѣкъ самъ сознаетъ скудость наслажденій самолюбія, и потому обыкновенно ищетъ привязанности другихъ, —любови, столько извѣстной всѣмъ и каждому! Это послѣдній источникъ земнаго счастья. Въ немъ преимущественно мечтаются человѣку и рай и ангелы... Увы! Какой это рай? Нѣтъ, это скрытый адъ,—мѣсто, нерѣдко, безконечнаго мученія и беспокойства! Въ немъ

есть и свой огонь палящій и изсушающій и свой червь, неумолимо грызущій, и своя тьма кромѣшная, въ которой блаженствующій часто не видитъ ни себя, ни Бога!. Какіе это ангелы?. Нѣтъ, это тѣ же грѣшныя люди, такіе же бѣдныя, такіе же страстные!. Не таковъ рай небесный! Не таковы небожители! Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, что и здѣсь — въ высшемъ наслажденіи духовной природы нашей — опять есть явный намекъ на блаженство небесное. А это снова говоритъ о той непреложной истинѣ, что всѣ земныя наслажденія суть только грустныя напоминанія о вѣчныхъ наслажденіяхъ райскихъ, которыхъ мы должны желать всѣмъ сердцемъ, и которыхъ не можемъ замѣнить никакими наслажденіями суеты. Да будетъ же, братія, этотъ взглядъ на мірскія наслажденія нашимъ постояннымъ и неизмѣннымъ убѣжденіемъ! Онъ научитъ насъ наслажденію чистому и святому, — сдѣлаетъ насъ способными и понять и принять высокое и блаженное радованіе о Христѣ, — всегда насъ утѣшитъ и успокоитъ, — весело проведетъ насъ посреда сѣни смертныя, *«и возделънное отечество подастъ намъ, рай паки жителей насъ сотворяя.»*

Таковы два урока падшаго прародителя наше-

го.—Въ день прощанія нашего съ грѣхомъ и суетою,—въ день, когда нерѣдко суетное веселіе людей напрягается до послѣдней возможности, является предъ нами онъ, первенецъ земнородныхъ, за минутное веселіе плоти и невоздержное услажденіе чувства, за горестное увлеченіе красотою и самомечтательностію, словомъ: за преступное покушеніе создать самому себѣ свой рай въ раю Божіемъ, изгнанный изъ него и заплатившій слезами цѣлой (почти тысячелѣтней) жизни! Живой урокъ для всего рожденнаго имъ *по виду своему и по образу своему* (Быт. 5. 3.) челоѣчества, первый грѣшникъ и первый кающійся, грѣхомъ призвавшій кару, — покаяніемъ милость Божию на весь родъ нашъ, онъ сталъ у самаго входа нашего въ храмъ говѣнія и покаянія съ своими незабвенными уроками. Заплатимъ за любовь признательностію. Братія! Не будемъ учениками разсѣянными и лѣнивыми! Урокъ заданъ. Будемъ же учить. Аминь.

ВЕСЕЛА

ВЪ ПЯТОКЪ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ В. ПОСТА.

(на повечеріи).

Мужа кровей и лъстива гнушается Господь.

Пс. 5, 7.

Внимая Евангельскому чтенію о страданіи (*) Господа нашего Иисуса Христа, предложенному нынѣ въ утѣшеніе и подкрѣпленіе кающемуся сердцу нашему, мы, послѣ сладчайшаго имени *Иисуса*, всего чаще встрѣчали зловѣщее имя *Пилата*.

(*) Именемъ сего *страданія* (*passio* — *passia*) называется и совершаемое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ югозападной Россіи повечернее богослуженіе первыхъ 4-хъ пятковъ В. поста, на которомъ попеременно читаются, вмѣсто канона, повѣствованія 4-хъ Евангелистовъ о страданіяхъ, крестной смерти и погребеніи Господа нашего.

Искупительная смерть Господа нашего освѣтила собою темную личность игемона Іудейскаго болѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ того. *Понтійскаго Пилата* знаютъ теперь всѣ вѣрующіе отъ мала до велика, и множество невѣрующихъ. Человѣкъ этотъ правилъ Іудеею около десяти лѣтъ, и черезъ три года послѣ событій, столько памятныхъ человѣчеству, подпалъ суду Кесареву по поводу одного народнаго сборища въ Самаріи, которое тотъ принялъ за гражданскій мятежъ, и разсѣялъ военною силою. Кромѣ сего, извѣстны изъ свѣтской исторіи еще три подобныхъ же случая, вызванные распорядительными мѣрами Пилата, изъ коихъ въ одномъ онъ смирилъ народъ силою, а въ двухъ долженъ былъ уступить силѣ. Евангеліе также упоминаетъ (Лук. 13, 1.) объ одномъ примѣрѣ жестокости Пилата, когда онъ *смыслъ кровь* приносившихъ жертву съ кровію жертвоприношеній, по неизвѣстному намъ случаю.

Что это за человѣкъ былъ, какъ бы намѣренно выдвинутый божественнымъ промысломъ на поприще священной исторіи, чтобы послужить дѣлу, къ которому, повидимому, такъ мало былъ приготовленъ и своимъ настроеніемъ духа и своимъ опытомъ жизни. Ни одинъ изъ Евангелистовъ

не произнесъ прямого слова осужденія на Пилата. Въ единогласно утверждаютъ, что онъ призналъ и всенародно исповѣдалъ Иисуса Христа невиннымъ, и старался освободить его. Единственное заключеніе изъ сего то, что онъ, если не былъ прямо добрый, то вѣрно былъ не злой человекъ. Сію черту характера Пилатова злоусердные защитники всего, что порицаетъ Церковь, возвышаютъ до положительной доброты. На подобный, мнимо-безстрастный взглядъ, пресловутый игемонъ представляется честнымъ, великодушнымъ, безпристрастнымъ, умѣреннымъ, благоразумнымъ, чуть не философомъ,—именно такимъ, какимъ только могъ быть язычникъ, Римлянинъ, важный сановникъ и образованный человекъ того времени. Таковъ ли былъ Пилатъ?

И связавше Его ведоша, и предаша Его понтийскому Пилату Игемону (Мат. 27.). Въ нынѣшнемъ чтеніи, на семь мѣстѣ Евангелія, въ первый разъ встрѣчаемся мы съ пререкаемымъ отъ давнихъ временъ именемъ Пилата. Жилище правителя Іудей, обитавшаго болѣею частію въ Іерусалимѣ, въ Евангеліи называется *Преторомъ*. День, въ который привели Иисуса къ Пилату, былъ пятокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ канунъ Пасхи. Приведшіе сами

не вошли въ преторь, да не осквернятся (Іоан. 18, 28), ибо вечеромъ въ тотъ день должны были быть Пасху. Приведенный же, какъ осужденный уже на казнь, не былъ сочтенъ достойнымъ такого различительнаго вниманія, и сданъ на руки язычникамъ, оставленный не только своими (Іоан. 19, 1.) по духу, но и своими по крови. Отсюда начинаются дѣйствія игемона.

Изыде же Пилатъ къ нимъ воиъ, говорить евангелистъ Іоаннь. Намъ необходимо видѣть въ совокупности сказанія всѣхъ евангелистовъ о Пилатѣ, служащія, естественно, дополненіемъ одно другому. Зналъ ли Пилатъ, если не лично, то хотя по слуху, преданнаго въ его руки, неизвѣстно. Спѣшность, съ которою Іудеи вели дѣло осужденія Его, и требованіе немедленнаго окончанія его наканунѣ или лучше—по римскимъ понятіямъ—въ самый день великаго Праздника, во всякомъ случаѣ должны были обратить его вниманіе на Лице, съ которымъ такъ неожиданно пришлось ему имѣть дѣло. Не знаемъ въ точности, гдѣ искать причины страннаго обыкновенія того времени казнить смертію преступниковъ передъ самымъ Праздникомъ, въ обычаяхъ ли завоеванной страны, или въ тактикѣ завоевателей. Вѣроятноѣ послѣднее. Въ та-

комъ случаѣ рабы неключимые ловко воспользовались печальнымъ правомъ своего рабства, чтобы удовлетворить постыдному чувству зависти и мести противъ Того, Кто, по ихъ же обвинительнымъ словамъ, искалъ освободить ихъ. Игемона должно было радовать такое послѣднее уничиженіе подвластнаго ему народа. Не стѣсняясь ни мало неумѣстнымъ совпаденіемъ уголовного суда съ наступающимъ праздникомъ, ни обиднымъ мнѣніемъ народа о святилищѣ правосудія и святости самого судіи, Игемонъ охотно выходитъ къ народу на улицу, и спрашиваетъ: *кую рѣчь приносите на челоуѣка сего* (Іоан 18.) Или крайнему ожесточенію или чувству политическаго стыда надобно приписать то, что народъ не далъ Игемону прямаго отвѣта, а сказалъ уклончиво: *аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ предали его тебѣ* (10). И какъ было, въ самомъ дѣлѣ, сказать язычнику, что обвиняемый называлъ себя *Сыномъ Божіемъ*, чужеземцу — что онъ выдавалъ себя за *Христа* и чиновнику Кесаря, — что онъ присвоивалъ себѣ *царство*? Не менѣе того могло казаться, что предавшіе Иисуса не хотѣли объясняться съ игемономъ потому, что сознавали недостаточность вводимыхъ на Него обвиненій. Пилать, съ своей стороны, могъ ду-

мать, что Иудеи не признають за нимъ права суда, а только одинъ долгъ подтверждать ихъ рѣшенія судебныя, и что въ настоящемъ случаѣ хотятъ дѣйствовать имъ, какъ слѣпымъ орудіемъ, для погубленія чловѣка, непріятнаго имъ, возложивъ формально всю вину на него. Отвѣчая на лукавство лукавствомъ, Игемонъ сказалъ: *поймите его вы и по закону вашему судите ему*, договаривая мысленно: «если считаете мой судъ не нужнымъ». Говоря так. обр., онъ очевидно вызывалъ народъ на самоуправство, или на пользованіе по закону правомъ побивать камнями самосудно тяжкихъ преступниковъ. Что послѣднее было возможно, съ тѣмъ соглашается и евангелистъ (Іоан. 18, 32), объясняющій инаковый исходъ дѣла только прямымъ намѣреніемъ Самого Господа умереть на крестѣ. Но Пилать зналъ, что Иудеи не предали бы въ его руки своего соотечественника, если бы считали вину его достаточною для одной собственной расправы, и потому не болѣе, какъ издѣваясь надъ ними, предлагалъ имъ право самимъ быть судіями Его. Какъ и слѣдовало ожидать, народъ отказался отъ сомнительнаго права. При чемъ открылось, что дѣло шло не о судѣ, а прямо объ осужденіи на смерть. *Намъ недостойтъ убити никогоже* (Іоан. 18.), отвѣ-

чали Иудей. Но и Пилать могъ сказать тоже самое, что безъ суда и ему недостойтъ убити никого же. Предупреждая это, Иудей стали излагать вины человека, преданнаго въ руки власти. Ихъ оказалось четыре: 1) *развращаетъ народъ*; 2) *возбраняетъ Кесареву дань даяти*; 3) *улагаетъ себе Христа*; 4) — *царя быти*. Представитель Кесаря естественно обратилъ вниманіе на то изъ обвиненій, которое прямѣе другихъ относилось къ верховной власти. Онъ возвратился въ Преторъ, позвалъ Иисуса, и спросилъ Его: *ты ли еси царь Иудейскъ?* (Мат. Мар., Лук., Иоан.) Слово *Иудейскій* (*Иудеомъ* Лук.) Пилать прибавилъ отъ себя. Точность допроса требовала, чтобы онъ спросилъ: дѣйствительно ли ты называешь себя царемъ, и какой, или чей ты царь? Предполагая, что Пилать не хотѣлъ осудить Иисуса Христа, въ словахъ его можно видѣть намѣреніе дать обвиняемому случай отвѣтить: я не царь Иудейскій, и за тѣмъ объявить народу, что игемонъ не имѣеть никакого дѣла ни до чего, что не есть Иудейское, Но, кажется, проще думать, что Пилать, *сѣдавшій, яко зависти ради предаша Его* (Мат.) *Иудей*, не обращалъ должнаго вниманія на силу и точность показаній ихъ, и, увидавъ Иисуса Христа, столь мало походившаго на домогателя и

притязателя земной власти, внутренно посмѣялся взводимому на Него обвиненію, но вмѣстѣ съ тѣмъ посмѣялся, какъ это водится у людей съ легкою мыслию, и Лицу, которому придавалось такое важное значеніе. «Итакъ, это ты — царь Іудейскій!». Какъ бы такъ можно перевести мысль его. Думается даже, что словомъ: *Іудейскій* онъ хотѣлъ высказать свое нескрываемое презрѣніе къ Іудеѣ, и злорадовательно сочеталъ его съ личностію Того, Кто казался бѣднымъ простолюдиномъ, спѣша воспользоваться благопріятнымъ случаемъ посмѣяться надъ самолюбіемъ беззащитнаго народа, раскрывшаго передъ нимъ свою глубокую рану въ такомъ жалкомъ видѣ! Но неожиданный отвѣтъ подсудимаго показалъ гордому правителю, что дѣло, возникшее передъ нимъ, важнѣе, нежели онъ думалъ, и что имъ стоитъ заняться. *О себѣ ли ты сіе млаголещи, или иній тебѣ рекоша о мнѣ?* (Іоан.), т. е. самъ ли ты считаешь меня виновнымъ въ присвоеніи себѣ титула *царя Іудейскаго*, или передаешь только обвиненіе другихъ? такъ отвѣчалъ Пилату Христосъ. Инымъ, самозваннымъ судіямъ Евангелія, въ семъ отвѣтѣ-вопросѣ Подсудимаго видится неумѣстная дерзость, другимъ—закискиваніе милости у судей.. У нихъ уходитъ изъ виду странность Пилатова

вопроса, долженствовавшая удивить Того, Кто могъ ожидать себѣ лишь обвиненія въ богохульствѣ, и заставлявшая Его требовать отъ игемона необходимаго объясненія словъ его, имѣвшихъ не одинаковую важность въ томъ или другомъ смыслѣ. Добросовѣстный слѣдователь, понимающій важность своего положенія предъ человѣкомъ, котораго ищутъ *убити*, долженъ былъ съ терпѣніемъ отвѣчать либо то, либо другое Подсудимому, что бы тотъ, съ своей стороны, могъ знать, чѣмъ и какъ защититъ себя отъ напраслины. Пилать, по видимому, то самое и хотѣлъ сдѣлать. *Еда азъ жидовинъ есмь*, сказалъ онъ Господу, чтобы имѣть о тебѣ свое мнѣніе—подразумѣвалось. *Родъ твой и архіерее предаша тя мнѣ..* Слѣд. они же передали мнѣ и возносимое на тебя обвиненіе. Едва удерживался Игемонъ, чтобы не сказать: развѣ меня, также какъ васъ, занимаютъ дѣла ваши, мнѣнія, взаимныя обвиненія и междоусобицы? *Что еси сотворилъ?*—прибавляетъ онъ, спѣша покончить допросъ, видимо наскучившій ему. Уже онъ не говоритъ Подсудимому ни о притязаніи его на царствованіе, ни о другихъ винахъ, считая все это незаслуживающимъ вниманія, а просто спрашиваетъ, что онъ сдѣлалъ, т. е. что сдѣлалъ предосудитель-

наго? Но говоря такимъ образомъ, и, такъ сказать, заминая дѣло, игемонъ думалъ ли, что онъ честно исполнялъ долгъ свой,—понималъ ли, что тотъ, кто сиѣшитъ оправдать безъ изслѣдованія, также можетъ и обвинить безъ изслѣдованія, по одной прихоти минуты? Онъ продолжалъ, конечно, считать малозначительнымъ, однимъ изъ многихъ и нерѣдкихъ между Іудеями, настоящій случай, и ожидалъ, безъ сомнѣнія, услышать въ отвѣтъ что Онъ ничего не сдѣлалъ и ни въ чемъ не виноватъ. Но Сей не воспользовался незаконною возможностью избѣгнуть отвѣтственности по представленнымъ обвиненіямъ. Онъ отвѣчалъ: *царство мое нльсть отъ міра сего. Аще отъ міра сего было бы царство мое, слуги мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ Іудеомъ; нынѣ же царство мое нльсть отсюда* (Іоан. 18.). Можно вѣрить, что Пилать радъ былъ такому признанію Подсудимаго не потому только, что оно подтверждало его мысль о неважности случившагося, но главнымъ образомъ потому, что избавляло его отъ необходимости вникнуть въ дѣло. Онъ увидѣлъ, что обвиняемый считаетъ *Іудеевъ* чужими себѣ, сего довольно было для него, чтобы убѣдиться, что о *царствѣ Іудейскомъ* тутъ не можетъ быть и рѣчи. Это все ихъ

религіозныя распри, думаетъ человѣкъ міра. Какое мнѣ дѣло до царства, которое *нѣсть отсюду?* И какое жъ это царство? *Убо царь ли еси ты?* спрашиваетъ онъ, видимо посмѣваясь надъ новымъ и неизвѣстнымъ въ мірѣ царствомъ. Знаю, думаетъ онъ, что ты отвѣтишь мнѣ: царь, но царь— для меня совсѣмъ не опасный. Допрашиваемый не отрекся того, что Онъ—*царь*, и объяснилъ, какъ понимаетъ Онъ свое царствованіе. Оказалось, что въ такомъ царѣ дѣйствительно нѣтъ никакой политической вины. Отъ *свидѣтельствованія истины* до обладанія, и отъ *слушанія гласа* до рабскаго подчиненія такъ далеко, что игемонъ могъ совершенно не беспокоиться болѣе на счетъ видовъ Человѣка, выдаваемого ему за самозванца и возмутителя. Слушая—а вѣривъ, не слушая—объясненіе Господне, Пилать говорилъ мысленно: какое мнѣ дѣло до истины, о которой ты свидѣтельствуешь? *что есть истина?* Здѣсь не объ истинѣ рѣчь, а о царствѣ. Довольно для меня, что ты не царь, и не *царь Иудейскій*. Произнесши свои знаменитыя слова: *что есть истина*, Пилать оставилъ Иисуса въ преторѣ, вышелъ опять къ Иудеямъ, и сказалъ имъ: *азъ ни единыя вины обрѣтаю въ человѣцѣ семъ* (Іоан. 18. 38.).

На семь желанномъ отвѣтъ Пилата отраднo
отдохнуть скорбному слову. Итакъ, Пилать не
находить виновнымъ Преданнаго въ его руки,
какъ преступника! У какого христоролюбца не
возбудится при этомъ законная доля признатель-
ности къ Игемону, объявившему всенародно, что
онъ не обрѣтаетъ вины во Христвъ. Но таково,
братія, все, посѣянное *на камени* а не *на зем-
ли блазнь* (Лук. 8, 8.), что и оно само не растеть,
и къ нему ничего не пристаеть! Таже призна-
тельность заставляеть ожидать, что Признанный
невиннымъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и оправданъ.
Сдѣлалъ ли это Пилать? Даже—думалъ ли о томъ?
Личина добродушія, такъ часто прикрывающая со-
бою прямое бездушіе, легко обманываетъ простое
и вѣрящее сердце. Слушая слова Пилата, не со-
мнѣваешься, что онъ хотѣлъ, но не могъ освободи-
ть Иисуса Христа. Увы! Истинна свидѣтельству-
еть другое.—На утвержденіе Игемона о невинно-
сти Иисусовой, *Архіереи и Старцы* (Мат. Марк.)
еще съ большей настойчивостію стали увѣрять его,
что обвиняемый *развращаетъ люди по всей Иудей,
наченъ отъ Галилеи* (Лук.). Услышавъ слово:
Галилея, Пилать спросилъ: *аще человекъ Гали-
леанинъ есть, и разумьвѣ, яко отъ области Про-*

довы есть (Лук.), возымѣлъ счастливую для себя мысль передать неудорѣшимое дѣло въ руки своему врагу. Но чтобы не остыдить себя передъ нимъ, онъ захотѣлъ увѣрится, точно ли Подсудимый Галилеянинъ есть. *И вниде въ Преторъ паки, и глагола Иисусови: откуда еси ты? Иисусъ же отвѣта не даде ему (*) (Иоан.)*. Пилать могъ подумать, что Обвиняемый возгордился отъ прежняго, ласковаго, обращенія его съ Нимъ и, можетъ быть, отъ слышаннаго со стороны мнѣнія о Его невинности, и хотѣлъ утратить Узника. *Не слышиши ли, koliko на Тя свидѣтельствуютъ (Лук.)?* сказалъ онъ. Но Иисусъ продолжалъ молчать. *И не отвѣща ему ни къ единому глаголу, яко дивитися шемону зъло (Лук.). Мнѣ ли не глаголеши? гнѣвливо произнесъ Пилать. Не вѣси ли, яко власть имамъ распяти Тя, и власть имамъ пустити Тя (Иоан.)? Господь уже говорилъ другимъ судіямъ: аще реку вамъ, не имете вѣры, ни отпустите*

(*) Стихи 9—11 (Иоан. гл. 19) хронологически мы ставимъ прежде стиховъ 1—8 на томъ основаніи, что въ нихъ Иисусъ Христосъ представляется все еще находящимся внутри Претора, что, конечно, предшествовало изведенію Его вонъ (ст. 5), а также и—потому, что странный вопросъ Пилата: *откуда еси ты*, всего лучше объясняется обстоятельствомъ, упомянутымъ въ евангеліи Лук. 23, 6.

(Лук. 22, 68). Онъ зналъ, что и Пилать тоже не отпуститъ Его, потому, можетъ быть, и не хотѣлъ напрасно терять съ нимъ слова. Но когда игемонъ съ гордостью указалъ Ему на свою власть надъ Нимъ, какъ бы укоряя Его въ невѣдѣніи такого простаго обстоятельства, то неумолчный Свидѣтель истины замѣтилъ мечтательному властелину, что онъ не имѣетъ надъ Нимъ *ни единыя власти*, что та власть, которою пользуется теперь, не отъ него исходитъ, а *свыше*, и что не тотъ, кто употребитъ ее неправильно а тотъ, кто направитъ ее на зло, *болій грѣхъ имать* (Иоан. 18). Намъ, ученикамъ и, такъ сказать, питомцамъ Евангелія съ перваго раза понятно что такое: *грѣхъ*, и что означаетъ: *свыше*. Но позволительно думать, что язычникъ, должностный чиновникъ и при томъ человекъ военный, иначе понималъ слова Господни. *Свыше* не значило ли для него прежде всего: отъ Кесаря, а *грѣхъ* не былъ ли равносильнъ: судебной несправедливости, и простое *свидѣтельство истины* не казалось ли ему угрозою?. Какъ и всѣ ограниченные люди, Пилать сколько былъ дерзокъ, столько же и робокъ. Угрожаемый съ двухъ сторонъ, онъ радъ былъ случаю избыть ответственности за исходъ дѣла, по меньшей мѣрѣ непри-

ятнаго, а, какъ по всему было видно, — и опаснаго, и потому поспѣшилъ препроводить Иисуса къ тетрарху Галилейскому. *Мужъ кровей и льсти* не подумалъ и не сообразилъ того, что власть, которой онъ передавалъ Подсудимаго, при меньшей свободѣ дѣйствій и при большемъ сочувствіи толпѣ, могла уступить воплямъ, хорошо извѣстной ему, *зависти* (Мат.), и осудить на смерть признаннаго имъ неповиннымъ!. Мы спрашиваемъ послѣ сего, могъ ли Пилать дѣйствительно думать объ оправданіи Христа?

Повесшій поруганіе во дворцѣ Ирода, но и тамъ ни въ чемъ необвиненный, Сынъ *Благословеннаго* (Марк. 14, 61), ставшій *клятвою* по насъ (Гл. 3, 13), возвратился въ Преторь. Вмѣстѣ съ Иисусомъ ходили къ Ироду и Архіереи съ Книжниками, *прилежно вадяще на нь* (Лук.). Пилать въ этотъ промежутокъ времени могъ, если бы хотѣлъ, на свободѣ обдумать всѣ послѣдствія своихъ распоряженій относительно человека, какъ онъ долженъ былъ убѣдиться, необыкновеннаго, противъ котораго возстало все представительство страны, взводя на него неслыханныя обвиненія, и требуя его смерти. Игемонъ могъ (и былъ обязанъ) собрать подробныя свѣдѣнія о томъ, кого народъ считалъ по

крайней мѣрѣ *Пророкомъ*, и ради котораго не да-
 лѣе, какъ шесть дней назадъ, *потрясся весь градъ*
 (Мат. 21, 10.). Сдѣлалъ ли это Пилать, не зна-
 емъ. Несомнѣнно, что онъ болѣе прежняго сталъ
 думать о случаѣ налагавшемъ на него тяжкую от-
 вѣтственность. Онъ самъ уже созываетъ *архіереи*
и князи и люди (Лук.), и обращается къ нимъ
 съ слѣдующею рѣчью: *Приведосте ми челоуька*
сего, яко развращающа люди: и се азъ предъ ва-
ми истязавъ, ни единыя же обрѣтаю въ челоуь-
къ семъ вины, яже на нѣ вадите, но—ни Прооъ: по-
слахъ бо Ею къ нему, и се ничесоже достойно
смерти сотворено есть о немъ (Лук.). Какого,
 еще болѣе благопріятнаго, случая искать было
 Игемону для того, чтобы освободить, дважды при-
 знаннаго невиннымъ, челоуька? Стоило только пря-
 мо объявить народу, что онъ отпускаетъ Ею..
 Онъ и сказалъ это, правда, но присовокушилъ къ
 тому одно слово, которое совершенно выдало его
 двоедушіе, и обнаружило всю пустоту ума его.
Наказавъ убо Ею, отпущу (Лук.). За что же
 наказывать невиннаго? и какъ же отпустить на-
 казаннаго? Положимъ, что послѣднее бывало и
 бываетъ часто, но—первое?. Одно можно сказать
 въ извиненіе игемона, что онъ рѣшался на такую

несправедливость изъ состраданія къ самому же Подсудимому, желая разжалобить народъ горестною участію наказываемаго, и вмѣстѣ дать ему малое удовлетвореніе, чтобы отклонить отъ притязанія на большее. Но не имѣлъ ли Игемонъ власти прямо *пустить* обвиняемаго, какъ и хвалился этимъ? Нѣтъ, не было у бездушнаго судіи и бесовѣстнаго блюстителя закона, искренняго желанія защитить невиннаго. Его мысль наказать обличаетъ въ немъ *мужа кровей*, а его обѣщаніе отпустить—*мужа льсти*. Ибо и, наказавъ, не отпустилъ, какъ увидимъ.

Словеса устъ премудраго благодать: устнѣ же безумнаго потопятъ его. Начало словесъ устъ его безуміе, и послѣдняя устъ его прелестъ лукава. Безумный умножаетъ словеса. Не разумъ чловѣкъ, что бывшее и что будущее (Еккл. 14, 12—14). По истинѣ не разумѣлъ и Пилать ни *бывшаго*, ни *будущаго*, а *словеса умножалъ!* *безуміе* было начало *словесъ его* о наказаніи невиннаго, *прелестъ лукава* будутъ *послѣдняя устъ его*, какъ сейчасъ увидимъ. Собственныя *устнѣ* Пилата *потопятъ его* со всѣмъ его (если только оно было) желаніемъ помочь Преданному въ его руки. Вмѣсто зрѣлаго обсужденія, какъ дитя, увлекается

игемонъ первую, попавшею ему, мыслию. Не успѣлъ онъ еще привести въ исполненіе свое обѣщаніе наказать, какъ у него уже готово, и объявляется собравшемуся народу новое соображеніе относительно Христа. *Есть обычай вамъ, говоритъ онъ, да единого (связия Мат. 27.) вамъ отпущу на пасху: хотите ли убо, да отпущу вамъ Царя Иудейска (Іоан. 18.)?* Какой духъ погибельный научилъ Пилата въ третій разъ дѣйствовать вопреки своимъ собственнымъ утвержденіямъ? Недовольно того, что онъ невиннаго человѣка отсылалъ на судъ своему врагу, уже изъ однихъ личныхъ отношеній къ нему, могшему сдѣлать ему зло,—недовольно, что обѣщался наказатъ его, нѣтъ, онъ и прямо приравнялъ его къ злодѣямъ! *Кого хотите отъ обою отпущу вамъ: Варавву ли, или Иисуса, глаголемаго Христа (Мат.)?* Варавва былъ разбойникъ (Іоан.), за нѣкую крамолу, бывшую во градѣ, и убійство сверженный въ темницу (Лук.); а въ Иисусѣ не обрѣтено ни единыя вины, и Онъ не былъ не только въ темницѣ, но и подъ судебнымъ приговоромъ еще въ то время! Какъ же можно было сопоставить два, столь различныя, лица? Но сказано: *устнѣ безумнаго потопятъ его..* Послѣ того какъ злослужливый Игемонъ самъ

навелъ народъ на мысль выбирать между двумя жертвами, отсутствующею и присутствующею, можетъ быть позабытою, и служившею предметомъ настоящаго волненія, не трудно было подущаемою толпѣ возопить: *Варавву* (Мат.): *Не сею, но Варавву* (Іоан.): *Возми сею, отпусти же намъ Варавву* (Лук.)!. А можетъ быть за минуту передъ тѣмъ о Вараввѣ никто и не думалъ и не жалѣлъ и не имѣлъ никакого повода просить,—не только самого Игемона, но послѣдняго сторожа темничнаго! Но ужасный защитникъ невиннаго какъ бы рѣшился навести наущаемый первосвященниками народъ на злодѣяніе. *Пилатъ же отвѣщавъ лаци рече имъ, хотя отпустити Іисуса* (Лук.): *что убо хотите сотворю, его же глаголете Царя іудейска* (Марк.)? *Пропни Его* (Марк.)! *Да распятъ будетъ* (Мат.)! *Распни, распни его* (Лук.)! вопіялъ народъ, постоянно раздражаемый укорительнымъ напоминаніемъ о *Царь іудейскомъ*, или умышленно выставляемомъ впередъ *мужемъ кровей и льсти*, или не умышленно износимомъ *безумнымъ* изъ потопляющихъ его устенъ.. *Онъ же третицею рече къ нимъ: что бо зло сотвори сей* (Мат., Мар., Лук.)? Но менѣе бы разглагольствовалъ, а болѣе дѣйствовалъ человекъ, обле-

ченный полновластіемъ! Теперь поздно спрашивать: *что или кое зло сотвори*, тогда какъ зла Несотворившій поставленъ былъ въ одинъ рядъ со злодѣемъ! народъ же не слушалъ, а *излиха вопіялъ: да пропятъ будетъ* (Мат.)! *Ничтоже достойно смерти обрѣтохъ въ немъ* (Лук), возражаетъ упорный игемонъ.. Такъ, мы вѣримъ искренности его многократныхъ завѣреній, но тѣмъ болѣе укоряемъ его въ измѣнѣ своему, поистинѣ святому, долгу. Когда въ Подсудимомъ не найдено ничего, достойнаго смерти, то ясно, что никто не можетъ требовать его на смерть, и верховный блюститель правды долженъ стоять твердо на одномъ и томъ же. Къ сожалѣнію, безъ пользы настойчивый характеръ сталъ на другомъ «одномъ и томъ же». Онъ опять возвратился къ своему плачевному плану—удовольствоваться и удовольствоваться наказаніемъ невиннаго. *Наказавъ убо его отпусти* (Лук.), повторилъ онъ.

Сказалъ и сдѣлалъ. Припомнимъ, что народъ не просилъ Игемона наказывать преданнаго въ руки его, за что же бьетъ Его тотъ? Ни за что, или лучше—за то, что такъ разсудилось *мужу кровей*. Правда, тысячи мучениковъ христіанскихъ свидѣтельствуютъ, что у Римлянъ было въ обычаѣ,

прежде изнесенія смертнаго приговора подсудимому, подвергать его наказанію или, правильнѣе, истязанію, т. е. вынудительному средству отвортить смерть виновнаго доведеніемъ его до отреченія отъ своихъ мыслей. Могло статься, что такую мѣру внушало и челоуѣколюбіе, но намъ извѣстно, что во множествѣ случаевъ она оказывалась напрасною и бесполезною жестокостию права, или права. Какое же значеніе она могла имѣть здѣсь, гдѣ нечего было вымогать у Истязуемаго тѣлеснымъ страданіемъ? Никакого, кромѣ свидѣтельства легкомыслія и безсердечія *безумнаго, не разумьющаго ни бывшаго, ни будущаго.* Пилать во второй разъ возвращается въ преторъ. Народъ имѣетъ время зрѣлѣе обсудить, затѣянное вельможами и старѣйшинами, дѣло. Это единственное послѣдствіе распоряженій Пилатовыхъ, изъ котораго могло выйти нѣчто доброе. Народъ, впрочемъ, могъ и не знать, что Іисусъ преданъ истязанію. Происходившее во внутреннемъ дворѣ претора (Марк.) не было видно ему. Онъ ожидалъ одного, что обвиненный будетъ наконецъ преданъ его волѣ, зная, въ какой степени *превозмогаху гласи ихъ и архіерейстїи* (Лук.). Тѣмъ временемъ даетъ себѣ покой и Пи-

лать, не смущаемый мыслию, что по его слову
 истязуется безвинно Страждущій. Въ утѣшеніе се-
 бѣ представимъ, что въ печальныя сіи минуты и
 онъ утѣшалъ себя представленіемъ, что жестокая
 несправедливость его къ Подсудимому спасетъ, по
 крайней мѣрѣ, Ему жизнь. Но можно спросить
 правителя: отъ кого спасетъ Страдальца его жесто-
 кость? Не отъ его ли самаго? Ибо ему прямо сказа-
 но: *намъ недостойтъ убити никогоже*. Развѣ лгалъ
 предъ Христомъ и самимъ собою этотъ мужъ
 льсти, когда говорилъ: *власть имамъ распяти Тя и*
власть имамъ пустити Тя. Да, лгалъ. Иначе что
 же значить, что онъ самъ выдумалъ себѣ страхъ, и
 выдумкою же старался избавиться отъ него? Нѣтъ,
 онъ не имѣлъ той власти, которою хвалился. Иначе,
 помнилъ бы, что кромѣ его дѣйствительно *недо-*
стойтъ убити никому другому и никого. За то
 онъ имѣлъ другую власть, которою не хвалился,—
 власть дѣйствовать по внушенію прихоти. Нѣтъ
 спора, братія, что и сія незаконная власть была
 также дана Іудейскому игемону *свыше*. Ибо кто
 есть той иже рече и бысть, *Господу не пове-*
льшиу (Пл. Іер. 3, 37)? Спасителю міра сужде-
 но было не только умереть за грѣхи людей, но и
 понести муку наказанія и позоръ поруганія. Но

мы имѣемъ дѣло съ Пилатомъ, какъ человѣкомъ, и судимъ его не какъ орудіе божественнаго промысла, а какъ играмище собственныхъ страстей и недостатковъ. И что-же мы видимъ далѣе? Игемонъ отдалъ Иисуса воинамъ съ прямою цѣлю наказать Его, по обычаю, бичеваніемъ. Но воины были такого же легкаго духа, какъ и ихъ начальникъ и избивши безотвѣтнаго Страдальца, посмѣвательно сдѣлали изъ него *царя Іудейскаго* (присемъ мы вспомнимъ, что Пилать первый пустилъ въ ходъ это потѣшное, на его взглядъ, имя), и издѣвались надъ тѣмъ, чего не могли понять. Еще менѣе падеть на нихъ вина, если припомнимъ, что имъ примѣромъ въ томъ послужилъ Иродъ, осмѣявшій Христа *съ вои своими* (Лук.). Вѣроятно, это послѣднее обстоятельство было передано Пилату, и его невысокая и неглубокая душа плѣнилась находчивостію тетрарха Галилейскаго, и пожелала — по крайней мѣрѣ, позволила себѣ, — видѣть и въ преторѣ то же зрѣлище поруганія надъ «Царемъ Іудейскимъ». Иначе, какъ объяснить, что самъ игемонъ вывелъ потомъ Иисуса къ народу въ ложной багрянницѣ и терновомъ вѣнцѣ? Если воины произвели этотъ жалкій смѣхъ сами отъ себя, безъ его вѣдома, то къ его выходу во дворъ претора они

поспѣшили бы конечно скрыть отъ начальника свою безчеловѣчную забаву. Если же не скрыли, — то или потому, что дѣлали ее съ его же приказа, или потому, что были увѣрены, что подобная шутка ему понравится. И точно, она ему нравилась. *Изыде убо паки вонъ Пилатъ, и глагола имъ се извожду Его вамъ вонъ, да разумьете, яко въ Немъ ни единыя вины обрѣтаю* (Іоан.). Необрѣтаю вины, и извожду вамъ!. Кто можетъ говорить подобнымъ образомъ? конечно — только *мужъ кровей и льсти*. *Изыде же вонъ Іисусъ, нося терновень вѣнецъ и бауряну ризу. И глагола имъ Пилатъ: се человекъ* (Іоан.).

Се человекъ! Сколько смысла могло быть въ словахъ сихъ! И сколько, дѣйствительно, хочется видѣть въ нихъ! Можетъ быть и Пилатъ, подобно Каіафѣ, пророчествовалъ невольно въ чрезвычайный день тотъ. Но, оставивши неприкосновеннымъ пророчественное значеніе приснопамятныхъ словъ, спросимъ у Пилата, что онъ думалъ, произнося ихъ? Ахъ, едва ли онъ думалъ о чемънибудь, что занимаетъ насъ. Онъ могъ все еще вообразать себя между своими пособниками на дворѣ претора, и мысленно участвовать въ ихъ безчеловѣчныхъ шуткахъ. *Се человекъ*, по намѣренію

его значило не болѣе: «а вотъ и онъ самъ!»— Предположимъ на минуту, что игемонъ хотѣлъ возбудивъ состраданіе въ народѣ плачевнымъ зрѣлищемъ: какой же смыслъ имѣло то, что, во 1-хъ, изводя Иисуса вонъ, онъ говорилъ: *се извожду его в амъ?* Вывести имъ не значило ли же сдать-ся на ихъ требованіе? къ чему же тогда и возбуждать состраданіе?—во 2-хъ, что поспѣшилъ прибавить свое любимое: *не обрѣтаю въ Немъ вины?* Извожу вонъ измученнаго и опозореннаго, и признаю однакоже невиннымъ.. *да разумѣете!* Хорошъ способъ—вразумлять, выставляя себя мучителемъ и вмѣстѣ оправдателемъ, и вызывая у всѣхъ столь естественный, мысленный вопросъ: какая надобность была—наказывать?—въ 3-хъ, что онъ рѣшился такъ смѣло и нагло осмѣять передъ всѣмъ народомъ и передъ цѣлою страню. «Царство Иудейское?» Какая бы ни была вражда у Иудеевъ къ Обвиняемому, одна эта горькая насмѣшка надъ ихъ политическимъ положеніемъ могла вдругъ обратить ихъ раздраженіе на другой предметъ, и доказать забывающемуся *чужеземцу*, что они—*свои* въ землѣ, хотя и поработченной, а онъ—пришлецъ. Могъ ли какой бы то ни было, уважающій себя и свое мѣсто, правитель поступить такимъ образомъ, и, посту-

пая, разсчитывать на смягченіе чувства народнаго? Пилать однако поступилъ. *Се человекъ*, пропзнесь онъ, указывая на Того, Кто не имяше вида ни доброты, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ,—Кто по истинѣ былъ прореченный оный человекъ—въ язвъ сый, и въдыи терпѣти болѣзнь, обезчещенный, озлобленный, наказанный, мученный, не отверзающій устъ своихъ, и яко овца на заколеніе ведомый! Отвратимъ на время взоръ свой отъ Пилата. . предъ нами—ОНЪ, обозванный царемъ *Иудейскимъ*—истинный царь чело-вѣчества, уже онъ ведется на смерть. Еще мало, и возмется отъ земли животъ Его (Ис. 53). Еще мало, и кому не увидимъ Его (Іоан. 14, 19.)! Зачѣмъ онъ въ багряницѣ и вънцѣ передъ народомъ, который вопіетъ: не имамы царя? Зачѣмъ онъ поруганъ, когда ругатели того не искали, и зачѣмъ осуждается, когда судія того не хочеть? Для чего неотступно требуютъ Его смерти тѣ, коимъ жизнь Его давала столько залоговъ успѣшной борьбы съ притѣснителями? И какъ можетъ искать освобожденія человекъ съ такою важно политическою виною тотъ, кто первый поставленъ блюсти верховныя права Кесаря?. Нѣтъ, тутъ есть тайна, мѣты вѣчными умолчанная (Рим. 14, 24.), тайна

скорбнаго значенія и багрянницы и вѣнца и всего царства Іудейскаго. *Даждь намъ царя, да судитъ ны,* говорили *мужи израилевы* Самуилу, желая имѣть, *якоже и прочіе языки,* у себя царство. *Послушай гласа людей,* отвѣчалъ *Господь Богъ Самуилу,* вопрошавшему волю Божію относительно воли народа, *не тебе уничижиша, но Мене, яко не царствовать Ми надъ ними..* И царство явилось у Іудеевъ. И множество разъ они вопіяли къ Богу, по предреченію Пророка, *отъ лица царя своего,* и не были услышаны Господомъ, *яко сами избрали себѣ царя!* Не смотря на то, постоянно оставалось при нихъ ихъ первоначальное, пререкавшее волю Божіей, желаніе: *царь да будетъ надъ нами.. и изыдетъ предъ нами, и поборетъ побореніемъ о насъ* (1 Цар. 8, 5—20)! Какое горькое посмѣяніе тщеславія народнаго! Вотъ сей «Царь Іудейскъ» *и зыде предъ ними, пося терновень вѣнецъ и багрянну ризу..* Кто Онъ? Тотъ же самый *Господь,* котораго *уничижиша мужи Израилевы, яко не царствовать ему надъ ними!* Все ихъ странное, печальное и видимо не угодное Богу царство шло самымъ неправильнымъ путемъ, пока не достигло того, что имъ вывели и показали ихъ Царя, вѣнчаннаго терномъ! Сей по-

сльдній Царь дѣйствительно поборетъ побореніемъ о нихъ. Но какая это борьба! Кто измѣритъ, кто оцѣнитъ, кто расскажетъ ее?

Егда же видѣша его архіереи и слуги, возопиша глаголюще: распни, распни Его (Іоан.). Если бы и было у Пилата дѣйствительно намѣреніе смягчить народъ, то послѣдствія показали, какъ ошибочно разсчитывалъ онъ. Можно сказать, что онъ ускорилъ только своимъ поступкомъ смертный приговоръ Обвиненнаго. *Они же прилежашу, сказано, гласы великими, просяще Его на распятіе.* Какъ бы сознавъ свою неспособность, игемонъ пытается еще разъ стать всторонѣ отъ дѣла, которому не видитъ другаго исхода, кромѣ прямого отреченія отъ собственнаго мнѣнія, такъ торжественно высказаннаго. *Почмите его вы, и распните* (Іоан.), объявилъ онъ, повидимому, съ негодованіемъ. Но, говоря это, онъ хорошо звалъ, что изъ словъ его не можетъ выйти ничего. Ибо ему объявлено было уже на подобное предложеніе, что имъ *не достоитъ убити никоюже*. Когда звалъ, для чего же говорилъ? Бываютъ случаи, что сильное горе, испугъ и отчаяніе заставляютъ человѣка, такъ сказать, потеряться и несознательно повторять одно и то же, попавшее разъ на уста, слово. Но

былъ ли Пилать въ подобныхъ обстоятельствахъ душевной тѣсноты, что бы намъ искать объяснять ими его, ни къ чему не ведущее, тождество? Нѣтъ, опять намъ думается, что язычникъ, римлянинъ и человѣкъ міра только безучастно чудился, а нисколько не склонялся сердцемъ къ тому, что вокругъ него происходило, и словамъ своимъ, конечно, не придавалъ никакого вѣса. И какія это слова были? *Азъ не обрѣтаю въ немъ вины* (Іоан.). Все тоже бесполезное и бесплодное пустое заявленіе мнѣнія! *Не обрѣтаю вины*, а наказалъ, а осмѣялъ, а сказалъ: *поймите Его вы, и распяте!* Когда представитель верховной власти признаетъ и объявляетъ кого-нибудь невиннымъ, то долженъ говорить о немъ другимъ: вы не можете ни *пойти*, ни *распяты* его; онъ невиненъ. Если это сдѣлаете, то дадите отвѣтъ мнѣ; ибо я, *имѣющій власть распяты и пустити, не обрѣтаю въ немъ вины*. Братія! Далека отъ насъ мысль порицать человѣка, даже Пилата, голословно. Хотѣлось бы видѣть въ немъ, если уже не заступника невинныхъ, если не правдолюбца, то хотя сострадательнаго человѣка. И какъ не желать вѣрить искренности его толикократаго завѣренія передъ всѣми о невинности Іисуса Христа. Но отъ сего

завѣренія, пусть искренняго, до прямой защиты невиннаго у Пилата оставалась непроходимая бездна! Во все продолженіе событій, съ конми связывается его печальное имя, въ немъ постоянно видишь человѣка, который, по любимому выраженію нашему, какъ бы самъ не свой. Одно онъ говоритъ, другое думаетъ, одно дѣлаетъ, другое говоритъ. И смѣетъ и робѣетъ. И судитъ человѣколюбиво и поступаетъ безжалостно. Откуда сіи странныя явленія? Можно бы такъ объяснять ихъ: Какъ человѣкъ, равнодушный ко всему духовному, онъ конечно не въ состояніи былъ сочувствовать ни обвинителямъ, ни Обвиненному, но въ первый разъ встрѣтившись лицомъ къ лицу съ обстоятельствомъ такого страннаго значенія и такой таинственной важности, а главное дѣло—съ человекомъ, какого еще не видалъ въ жизни, объявившимъ, что онъ и родился и пришелъ въ міръ для свидѣтельствованія истины, Пилатъ самъ невольно свидѣтельствовалъ истину, но повясть существеннаго значенія ея для жизни, ея тождества съ жизнію, онъ не былъ въ состояніи, и взмѣнялъ ей ежеминутно не только подъ давленіемъ перевозмогающихъ причинъ, но и просто безъ всякой причины.—На послѣднее увѣреніе игемона

о невинности Христа Іудеи отвѣчали, что у нихъ есть законъ, и что въ силу сего закона Обвиненный долженъ есть умереть, яко Себе Сына Божія сотвори (Іоан.). Въ понятіяхъ безбожнаго (Еф. 2, 12.) язычества того времени, божество вообще стояло не высоко. Гордость римскихъ императоровъ отняла и послѣднюю призрачную честь у боговъ. Въ самой Іудеѣ, по повелѣнію Ирода, воздвигались храмы Кесарю. Не могъ по тому смутиться Пилать, услышавъ, что кто-то называетъ себя *Сыномъ Божиимъ*. Его должно было встревожить другое, а именно, что со стороны народа заявлено было прямое отрицаніе судебной важности миѣнія игемона, важнѣе котораго оказался законъ! Такая смѣлость народа, вызванная, безъ сомнѣнія, долговременнымъ колебавіемъ и нерѣшительностью самого же Пилата, устратила властителя, понявшаго, что онъ потерялъ свой вѣсъ. *Егда убо слыша Пилать сіе слово, паче убояся* (Іоан.). Наконецъ ему представили во всей очевидности вредныя послѣдствія его заступничества за Христа. *Аще Сеюпустиши, нѣси другъ Кесаревъ: всякъ, иже царя себе творитъ, противится Кесарю* (Іоан. 18). Такъ говорили злостные друзья Кесаря. Теперь игемонъ могъ

слышать уже не одно неуваженіе къ его мнѣнію, а прямое опроверженіе его. Кто противится Кесарю, тотъ не можетъ казаться невиннымъ представителю Кесаря. Это, конечно, несправедливо въ отношеніи къ обвиняемому лицу, но справедливо, вообще—говоря, и на столько сильно, что самый ревностный защитникъ того, кто не отрекся, что онъ *царь*, долженъ былъ бы уступить. Пилать же не былъ имъ. Исходъ дѣла отселѣ не подлежалъ сомнѣнію; *устояху гласи архіерейстим* (Іоан. 18).

Начинается послѣднее правительственное дѣйствіе Игемона, требуемое закономъ. Пилать вмѣстѣ съ Обвиненнымъ идетъ на мѣсто называемое: *каменопостланное*, по Еврейски: *Гавваѣ*, и садится на судейскомъ сѣдалищѣ. Былъ уже шестой часъ дня, т. е. около полудня. Въ виду всегорестнаго зрѣлища хотѣлось бы плакать и бить въ перси, а не слѣдить за Евангельскимъ рассказомъ съ холодностію сторонняго наблюдателя. Но мы въ настоящемъ собесѣдованіи имѣемъ дѣло собственно съ лицомъ Пилата, а не самымъ событіемъ, и потому терпѣливо слушаемъ, что еще будетъ говорить бездушный игемонъ. *И глагола Иудеомъ: се царь в а ш ъ* (Іоан.)! Какъ ни пытаться

объяснить подобную рѣчь въ устахъ Пилата, трудно найти разумную причину ей. Ни народъ не назвалъ ни разу Иисуса царемъ своимъ, ни Иисусъ не назвалъ себя царемъ народа. Напротивъ, обѣ стороны говорили о *царствѣ* въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Главною же виною преданнаго въ руки власти поставлено было то, *яко себе Сына Божія сотвори*. Но и допустивши, что Пилатъ, на основаніи самой угрозы Іудеевъ, сопоставившихъ имена царя и Кесаря, понялъ *царство*, о которомъ шла рѣчь, какъ *царство Іудейское*, все же не понятно, какъ онъ могъ рѣшиться произнести всенародно: *се царь вашъ*, если не говорилъ этого вопросительно. Совершенно неумѣстной, и какъ бы невозможною, кажется намъ тутъ съ его стороны насмѣшка или надъ, народомъ или надъ Жертвою, уже обреченною на смерть. Вѣроятно ему хотѣлось еще разъ вызвать народъ на торжественное отреченіе отъ всякой мысли о своемъ *царствѣ* съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность передачею самаго судебнаго акта въ Римъ успокоить Кесаря. На извѣстную рѣчь Игемона народъ не далъ желаннаго отвѣта. Онъ только возопилъ яростно: *возми, возми, распни Его* (Іоан.)! Увѣренный, что пользуется совершенною безопасностію

на своемъ судейскомъ сѣдалищѣ, Пилать простеръ свое наглое пренебреженіе къ народу до послѣдней степени, и — достигъ своего! *Царя ли вашего распну*, сказалъ онъ. Не знаемъ, чѣмъ отозвалось на эту грубую обиду народное чувство. Архіереи имѣли духъ отвѣтить: *не имамы царя, токмо Кесаря*. И что другое было говорить имъ? у нихъ еще въ свѣжей памяти было время, когда первосвященникъ былъ вмѣстѣ и царемъ, и сравнительно съ которымъ имъ предпочтительнѣе казалось теперь зависѣть отъ отдаленнаго Кесаря, и притомъ иноплеменника, нежели отъ своего едиnorodца и, по ихъ мнѣнію, еще — Галилеянина и еще — тектонова сына (Мат. 13, 55), никѣмъ несвидѣтельствованнаго (Іоан. 8, 13; 9, 29.), и даже ни чему не учившагося (—7, 15.)! И кто знаетъ, не было ли у Пилата тайнаго желанія поддержать безвѣстнаго искателя (по его мнѣнію) царства въ укоризну дома Иродова и въ посрамленіе Первосвященниковъ? Не повторялось ли тысячу разъ въ исторіи человѣчества обстоятельство, что въ круговоротъ чьихъ нибудь личныхъ разчетовъ, возбуждаемыхъ соперничествомъ, попадалась жертва не виновная ни въ чемъ и не причастная ничему?. Но богословствуя, мы могли бы сказать, что здѣсь жертвою Боже-

ственныхъ совѣтовъ становились самые расчеты человѣческаго соперничества. — Надобно думать, что двумя обращеніями къ народу не ограничилось судопроизводство игемоново. Есть поводъ заключать, что Пилать опять предлагалъ народу на выборъ между Исусомъ и Вараввой (Мат. 27, 21), къ чему вѣроятно приведенъ былъ совѣтомъ жены своей, просившей его не дѣлать никакого зла *Праведнику* (Мат.). Это единственный (слабый и поздній—впрочемъ) голосъ, вознесенный въ защиту Невиннаго въ ту страшную *годину и область темную* (Лук. 22, 53). Но игемону слѣдовало избрать иной путь для расположенія народа къ умѣренности и справедливости; ибо избранный теперь не привелъ уже его разъ ни къ чему, кромѣ бѣльшаго ожесточенія. Неизвѣстно, при семъ послѣднемъ дѣйствіи суда, давалъ ли судія возможность Подсудимому защищать себя прямымъ словомъ къ обвинителямъ, и не къ сему ли времени должно относиться, удивившее Пилата молчаніе Господа на столько слышимыхъ Имъ свидѣтельствъ (Лук.)? Ибо во все предшествовавшее время Онъ былъ внутри претора, откуда труднѣе слышать обвиненія—не всѣ, конечно, заявляемыя крикомъ и не тогда, когда и судія и Подсудимый

не видны обвинителямъ. Потому, можетъ быть, и удивился игемонъ *зло*, что въ самую рѣшительную для Обвиняемаго минуты Онъ оказалъ такое равнодушіе къ своей судьбѣ. Не видно также, продолжалъ ли и *на судищи* стоять предъ Игемономъ Господь нашъ все въ томъ же посмѣвательномъ образѣ *царя Іудейскаго*, или чувство приличія и законности внушило правителю отказаться отъ неумѣстнаго зрѣлища напраснаго поруганія надъ несчастливцемъ. Убѣдился наконецъ суемысленный игемонъ, что при всѣхъ своихъ соображеніяхъ онъ *ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ* (Мат.), и, не находя болѣе никакой возможности поправить дѣло, для успокоенія своей совѣсти, прибѣгаетъ къ дѣйствию, сколько знаменательному для страны, управляемой имъ, столько же и естественному для язычника, воспитаннаго на лицедейныхъ урокахъ мірскихъ зрѣлищъ, — *пріемъ воду, умы руку предъ народомъ, глаголя: неповиненъ есмь отъ крове Праведнаго сего* (Мат.). Последнее сказано имъ, конечно, со словъ жены своей, и можетъ быть прямо въ оправданіе себя передъ нею. Но стихія, движущая безсмысленный механизмъ, имѣетъ ли сама осмысленную волю? Нѣтъ, ее движетъ высшій,

направляющей Умъ.. Осуждаемый на смерть за грѣхи людскіе пріемлетъ отъ власти, *данной* чело-вѣку *свыше*, всенародное свидѣтельство не только своей *невинности* предъ судомъ чело-вѣческимъ, но и своей *праведности* предъ судомъ божественнымъ. Что касается лично Пилата, какъ чело-вѣка, то удобнѣе, безъ сомнѣнія, было ему *умыть* *руки отъ крове*, нежели остановить пролитіе кро-ви.. И не стоитъ онъ того, чтобы заниматься бо-лѣе его душевнымъ состояніемъ. *Вы узрите* (Іоан.), заключилъ *мужъ кровей и льсти*, умывъ, невинныя въ его благомъ исповѣданіи, руки. Угроза кому-то за дѣло, исключительно зависѣв-шее отъ него самого, или даже притязаніе на пророчество, замыкають собою тотъ, поистинѣ терновый, вѣнецъ, который чело-вѣкъ случая, обра-щеннаго высшею волею въ непреложную судьбу, возложилъ себѣ на главу въ памяти всего чело-вѣчества. И *посуди Пилатъ быти прошенію ихъ* (Лук.): *отпусти же бывшаго за крамолу и убійст-во* *всаждена въ темницу, его же прошаху: Исуса же предаде воли ихъ* (Лук.), — *да распнется* (Іоан.).

Еще нѣсколько словъ, и лице Игемона Іудейскаго скроется отъ насъ въ тотъ же мракъ, изъ

котораго выступило для совершенія урочнаго дѣла. Можно быть увѣреннымъ, что человѣкъ такой, какъ Пилать, оставался совершенно спокоенъ духомъ послѣ того, какъ яростная толпа народная увлекла Праведника на смертную казнь. Если бы не (вѣроятные) упреки жены въ невниманіи къ ея просьбѣ, то можно быть увѣреннымъ, что онъ забылъ бы тотчасъ же все, случившееся въ день тотъ. Единственная, послѣдующая, забота его состояла въ томъ, чтобы и на мѣстѣ казни всѣ знали, что осужденный на смерть есть *царь Иудейскій*—что онъ столько разъ повторялъ, напрасно ожидая, повидимому, отъ кого-нибудь подтвержденія словамъ своимъ. Въ наукѣ о душевныхъ болѣзняхъ есть особое имя для такой настойчивости на одномъ и томъ же утвержденіи. Архіереи говорили Пилату, что надписаніе вины распятаго сдѣлано не точно. Но игемонъ удовольствовался отвѣтомъ *еже писахъ, писахъ* (Іоан.). Чего больше было въ этомъ отвѣтѣ: гордости, лѣности, упрямства, лукавства, шутки, рѣшить трудно. Не то же ли самое лежало въ основаніи и столькихъ его завѣреній: *вины не обрѣтаю въ Немъ?* Не говорилъ ли онъ и тогда мысленно: *еже рѣхъ, рѣхъ, и переговаривать не хочу?*—Три раза еще,

уже по смерти Господа, упоминается въ евангельскихъ повѣствованіяхъ имя Пилата, какъ дѣйствующаго лица, и во всѣхъ трехъ случаяхъ онъ является все тѣмъ же холоднымъ язычникомъ, не сочувствующимъ ничему, что выходитъ за предѣлы первыхъ потребностей жизни и первыхъ обязанностей службы. Ему говорятъ, что нужно перебить голени распятымъ, чтобы ускорить смерть ихъ. . Перебейте, отвѣчаетъ онъ. У него просятъ тѣло умершаго Іисуса для погребенія. . Возьмите, говоритъ онъ. Ему докладываютъ, что хорошо бы сторожить гробъ Погребеннаго до третьяго дне. . *Имате кустодію, идите, утвердите, яко же вѣсте,* какъ бы сквозь сонъ отвѣчаетъ онъ, не обративъ нисколько вниманія на странную заботу Архіереевъ и Фарисеевъ. . Одинъ изъ Евангелистовъ (Марк.) замѣчаетъ впрочемъ, что Пилатъ удивился скорой смерти Іисуса Христа, и призывалъ нарочно сотника, чтобы увѣриться въ томъ. Любопытство такого рода осталось бы необъяснимымъ, если бы мы не знали, что поводомъ къ нему послужило требованіе тѣла *Распятаго* въ частныя руки, вызывавшее *мужа лъсти* на опасеніе, какъ бы вмѣсто умершаго не взять былъ живой. . Забота подобнаго рода о чемъ го-

ворить болѣе: о намѣреніи ли спасти невиннаго Праведника отъ смерти, или о желаніи покончить съ Нимъ разъ и навсегда?

Мы не должны забывать однакоже, что Пилать *меньшій грѣхъ имать*, нежели, предавшіе Христа въ его руки, Іудеи (Іоан.). Мы можемъ утѣшать себя мыслию, что въ своемъ донесеніи Кесарю, Пилать на столько возвысилъ лице Господа нашего, что тотъ рѣшался воздать Ему Божескія почести.. Мы желали бы всячески, наконецъ, повѣрить одному, темному и несвидѣтельствованному, сказанію, что бывший игемонъ Іудеи увѣровалъ во Христа, и даже пострадалъ за него.. Что желаніе и радостиѣ той мысли, что всѣ, *невѣдльвшіе что творятъ*, прощены Отцемъ за молитву Сына?. Менѣе темное сказаніе передаетъ, что Пилать, находясь въ ссылкѣ, которой подвергся на равнѣ съ Иродомъ, своимъ минутнымъ другомъ въ печальный оный день, не могши переносить скуки и тѣсноты обстоятельствъ, лишилъ себя жизни; къ чему неизвѣстнаго происхожденія преданіе Запада присовокупляетъ, что тѣло убійцы Христова долго не принимали ни суша, ни море. Не дивно было бы, если бы человѣкъ, равнодушный ко всему, что истинно, и что ложно въ мірѣ семъ, оказался

наконецъ равнодушнымъ и къ самому міру.. И не до конца странно, если земля, во исполненіе опредѣленія Господня, *возмущалась мужемъ кровей и лъсти*. Но оставимъ неизвѣстное, братія, и обратимъ въ урокъ себѣ извѣстное. Пилать былъ неспособный начальникъ, бездушный чиновникъ, беспечный судія, невѣрующій эгоистъ, жестокой сердцемъ, слабый волею, легкій умомъ.. Очевидно, кому изъ насъ всего болѣе надобно осмотрѣться, чтобы и малѣйшая тѣнь сходства съ христуубійцей не пала на его.. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЕРВУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Стойте въ вѣрѣ.. Вѣрою бо стоите.

(1 Кор. 16. 13. 2. Кор. 1. 24)

—

Едва ли гдѣ нибудь въ христіанскомъ мірѣ слово: православіе находитъ себѣ столько сочувствія, пользуется такимъ всенароднымъ значеніемъ, какъ въ благословенномъ и богоизбранномъ и богохранимомъ отечествѣ нашемъ. Узами совершеннѣйшаго, неразрывнаго единства связано оно съ православіемъ — сильнымъ и всегда бодреннымъ зиждителемъ и хранителемъ его цѣлости, благоденствія и славы. Церковь православная, Царь православный, Русь православная — все это слова, при которыхъ ра-

достно трепещеть сердце Русское, отъ которыхъ не отказывалось никогда, и за которыя будетъ ратовать во всю высоту, глубину и широту Русской силы, Русской мысли и Русской жизни. Исторія съ своей стороны связала ихъ навсегда цѣпью событій, разрѣшающихся доселѣ своими многоплодными послѣдствіями, и сочетавающихся такимъ образомъ глубокую древность съ отдаленнѣйшимъ потомствомъ въ единое тѣло государственное и въ едино тѣло Христово. *Недѣля Правословія* — потому должна быть близкою каждому сыну Церкви и Отечества. Не считаемъ нужнымъ призывать вѣрующихъ къ сочувствію съ Церковію въ настоящій торжественный день, когда и безъ того для очень многихъ, если не для всѣхъ, участіе въ церковномъ торжествѣ составляетъ предметъ усиленнаго желанія. Торжествуя и радуясь въ священнодѣйственномъ служеніи, Церковь однакоже не перестаетъ по обыкновенію заботиться въ своемъ учительномъ служеніи. Восхитительно для нея хвалить и ублажать православіе наше, но отяготительно носить на матернемъ лонѣ своемъ и одного не знающаго, или не ревнующаго о своемъ православіи.

Православіе, или правильное вѣрованіе въ Бога

и Его царство, современно первому обнаруженію въ человѣкѣ разумной жизни. *Сотвори Богъ человека право*, говоритъ слово Божіе (Эккл. 7. 30), слѣд. въ началѣ бытія своего человѣкъ не иное могъ имѣть и вѣрованіе въ Бога, какъ только правое или православное. Но прежде нежели *положилъ Господь око свое на сердцахъ людей, заплътъ вѣчный постави съ ними, и судьбы своя показа имъ, и рече имъ: вземлите отъ всякія неправды* (Сир. 17. 12.), уже извѣстна была въ царствѣ Божіемъ неправда; и прежде нежели *созда Богъ человека въ неистление* (Пр. Сол. 2. 23), уже былъ его тлитель. Отцу лжи, неустоявшему въ истинѣ (Іоан. 8. 44), тяжело было видѣть правоту человѣческую. Человѣкоубійца искони началъ убійство свое затемнѣніемъ въ человѣкѣ здраваго смысла и извращеніемъ чистыхъ и свѣтлыхъ его понятій о Богѣ, о немъ самомъ и о мірѣ. Главнѣйшее изъ дѣлъ діавола, для разрушенія коихъ *явился Сынъ Божій* (1 Іоан. 3, 8),—родоначальное въ ряду ихъ, есть искаженіе въ людяхъ боговѣдѣнія и богочтенія. Съ словомъ лжи и клеветы выступилъ онъ въ исторію человѣчества, и до тѣхъ поръ наполнялъ ее своимъ тлетворнымъ лукавствомъ, пока совершенно не уничтожилъ, не обезсилилъ

и не обезславилъ лучшаго и драгоцѣннѣйшаго достоянія человѣка на землѣ—вѣры въ Бога. Ко времени пришествія Сына Божія на землю, на ней почти совсѣмъ исчезла правая вѣра. Лжевѣріе и безвѣріе въ мірѣ языческомъ, суевѣріе въ народѣ Іудейскомъ — заступали мѣсто божественнаго, Откровеннаго вѣрованія. Отець лжи воздвигалъ одно на другомъ погибельныя дѣла свои, и хотѣлъ по нимъ взойти на небо, быть подобнымъ Вышнему.. *Солла неправда себѣ* (Пс. 26. 12)! *Видѣхъ Сатану, яко молнію съ небесе спадша*—свидѣтельствовала (Лук. 10. 18) Насадитель новаго, праваго вѣроученія. Истина скоро восторжествовала надъ неправдою. *Малыишее отъ всѣхъ стѣменъ, царство Христово, вскорѣ возрасло больше всѣхъ земей, и стало древомъ, яко приити птицамъ небеснымъ и витати на вѣтвѣхъ его* (Мат. 13. 32). Не могъ змій древній (Апок. 12. 9) быть равнодушнымъ къ новому насажденію Божію, и якоже *Еву прелести лукавствомъ своимъ, такъ искалъ истлѣть разумъ вѣрующихъ отъ простоты, яже о Христвѣ* (2 Кор. 11. 3.). *И егда видѣвъ, яко низложенъ бысть на землю.. разнився на жену* (т. е. Церковь Христову, родившую сына мужеска), *и иде сотворити брань со оставшимъ стѣ-*

менемъ ея, иже соблюдаютъ заповѣди Божія, и имѣють свидѣтельство Иисусъ Христово (Апок. 12. 17). Сей выходъ его на погибельное дѣло извѣстенъ былъ уже Апостоламъ. Они сѣяли повсюду сѣмя доброе, а между тѣмъ невѣдомо откуда, по предсказанію Господа (Мат. 13. 25 39), на пивѣ Божіей вырастали плевелы. *Отъ насъ изыдоша, но не бѣща отъ насъ* (1-юан. 2, 19). — свидѣтельствовалъ Апостолъ о сынахъ неприязни своего времени. *Подобаетъ въ васъ и ересею быти* (1-Кор. 2, 19.) *Отъ васъ самѣхъ востануть мужіе, маломоущіе развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе* (Дѣян. 20. 30.) — предсказано было другимъ апостоломъ о будущемъ времени. Сія, какъ бы необходимая при свѣтѣ божественной истины, тѣнь заблужденія въ послѣдующія времена извѣстною стала подь общимъ именемъ ереси и неправославія. По неизбѣжному ходу язи, одна ересь разрушалась и смѣнялась другою, и нѣсколько разъ неправославіе угрожа- ло совершенно подавить и истребить правую вѣру, возставая на нее и словомъ и оружіемъ. Последнее и сильнѣйшее покушеніе его въ Греческой Церкви было подь видомъ Иконоборства. Когда клеветникъ братіи нашей (Апок. 12. 20)

увидѣлъ, что всѣ прямыя средства его къ поврежденію православія оказываются недействительными, — клевета его не пристаеетъ, и врата *адовы не одолювають Церкви* (Мат. 16. 18), — изъ своихъ глубинъ (Апок. 11. 24) изнесъ коварство новаго рода. Онъ зналъ, что вѣра скоро перестанетъ быть правою, если перестанетъ быть живою и наглядною для человѣка, а потому изыскалъ средство охладить въ Христіанахъ теплую вѣру въ ихъ Испытателя, обративъ ее въ предметъ или холоднаго размышленія или мечтательнаго вымышленія, — разорвавъ живую связь минувшаго съ настоящимъ, чувственнаго съ духовнымъ. Неpravославіе этого рода казалось самымъ чувствительнымъ для св. Церкви. Оно уничижало святыню ея, попирало безцѣнный ликъ Богочеловѣка, возставало на седмивѣковое вѣрованіе и постановленіе христіанское; но этого мало, — оно грозило уничтожить все внѣшнее богопочтеніе и богослуженіе, — отнять всякую важность и силу у церковныхъ опредѣленій, и предать дѣло вѣры Христовой на произволь всѣхъ и cadaго. Ревность двухъ благочестивыхъ царицъ остановила разрушительный потокъ зла. Чудо подало руку помощи христіанскому усердію; и въ сей самый день ко всеоб-

щей радости Христіанскаго міра, послѣ многолѣтнихъ смуть церковныхъ, возстановлено было богомудрое почитаніе св. иконъ, — и древнее отеческое и Апостольское православіе утвердилось навсегда въ Церкви Греческой.

Вѣкомъ позже сего вѣчнопамятнаго событія православная Вѣра озарила наше Отечество. Мысль о православіи была тогда еще самымъ живымъ убѣжденіемъ въ Церкви, и мы призваны были наслѣдовать и сохранить ее. Во всемъ боголѣпномъ величіи сіе призваніе высказалось тогда, когда Церковь Греческая принуждена была одну за другою пить горькія чаши земнаго неблагополучія. Духъ лжи уже давно несъ на нее тучу новаго лжевѣрія, и вскорѣ заставилъ вмѣсто вѣшняго могущества и блеска сосредоточиться въ скромной, внутренней, силѣ единенія, терпѣнія и самоотверженія. Въ это время наше Отечество призвано было уничижаемую православную Вѣру прославить и вознести на возможную высоту земнаго почитанія, и стать крѣпкимъ оплотомъ всего Христіанскаго міра противъ разливавшагося Магометанства, болѣе положить успешное начало сокрушенію несдыханной до толъ гордыни Человѣческаго нечестія, явно и злобно посмѣвавшагося

дѣлу Христову. Благословенное Отечество! Что славнѣе и вождѣннѣе твоего высокаго призванія? — Когда виды человѣческіе отторгнули отъ единства съ Вселенскою Церковію цѣлую половину Христіанъ, захотѣвшихъ изъ царства Божія сдѣлать царство человѣческое, отрицая независимость древле-апостольскаго церковнаго управленія, и посягая на самую чистоту вѣроученія, православіе также оперлось на насъ, и Церковь Русская замѣнила Римскую, оказавшуюся неспособною къ вселенскому единенію. Опять на насъ печать видимаго избранія Божія! — Бѣдствія за бѣдствіями возникали потомъ между неправославными Христіанами. Злоупотребленіе привлекло на себя обличеніе; обличеніе вызвало раздраженіе; раздраженіе произвело отступленіе. Кровь христіанская полилась за мнимое дѣло Божіе, по обоестороннему заблужденію междуусобствовавшихъ. Обѣ стороны ревновали о православіи, но ни та, ни другая не имѣла его, обѣ и разошлись потомъ, давъ другъ другу волю думать и вѣрить, жить и дѣйствовать, какъ кому угодно. Горестное зрѣлище! Церковь Русская призвана была въ это время указывать заблуждающимъ истинное православіе во всемъ его величіи и чистотѣ Апостольской. Обѣ

стороны неправославныя имѣли ее въ виду, и, но уже столько увлечены были своимъ дѣломъ, что не могли ни понять, ни оцѣнить ее. — Врагъ царства Божія не остался доволенъ и тѣмъ зломъ, въ какое повергнулъ западныхъ братій нашихъ. Ему хотѣлось довести незаконное дѣло свое до послѣдней лъсти, горшей всѣхъ прежнихъ. Отрекшаяся отъ древняго Апостольско-отеческаго духа и законоположенія, новая, челоѣкоименная, церковь въ самомъ началѣ своемъ раздробилась на секты, одна другой враждебныя, и, неуправляемая никакимъ закономъ, для всѣхъ общимъ и обязательнымъ, начала подрывать и разрушать Вѣру Христову. Уже два вѣка проторгается изъ нея духъ совершеннаго отступленія отъ Христа. Страшныя потрясенія жизни народной, оглашающія въ наше время весь міръ, суть прямыя порожденія ея уклоненія, скажемъ болѣе, ея отвращенія отъ православія. Горько еще разъ — *согла неправда себѣ!* Не имѣемъ нужды прозрѣвать въ сокровенное будущее... Много печальнаго и плачевнаго заключаетъ въ себѣ и настоящее. — Съ особенною любовію возвращаемся къ Православному христоносному Отечеству нашему. Какое богатство силы, мира, довольства, просвѣщенія, законности и по-

рядка заключено въ немъ! Волны мятежей и междоусобныхъ браней, терзавшихъ цѣлые вѣки не-православный западъ, извѣстны намъ были только по слуху. Но во времена всеобщаго, неумиримаго нестроения народовъ, не разъ уже Промыслъ призывалъ насъ къ возстановленію правъ Божіихъ надъ человѣкомъ, и къ возвращенію человѣку его богоподобнаго достоинства. Высокая и блаженная доля! Кто не видитъ, въ какой близости поставлены мы къ дѣлу Божію на землѣ? Кому не понятна слѣд. и та глубокая и крѣпкая связь, въ которой находятся и должны всегда находиться въ отечествѣ нашемъ благочестіе съ благоденствіемъ, православіе съ правдою и славою народной жизни?. Все, чего можно пожелать человѣку и человѣческому обществу, все намъ дано и дается православіемъ! Оно даетъ мысли нашей высоту и широту, сердцу—теплоту, любовь и радость, волю—благопокорливость и самоотверженіе, характеру—силу, стойкость и рѣшительность, чувству—безстрастіе, совѣсти—миръ, тѣлу—мужество, крѣпость и здравіе, слову—власть и силу, обществу—жизнь, свободу, радушіе, довѣріе, семейству—любовь, терпѣніе и взаимное уваженіе, прошедшему—чистую и благодарную память, будущему

— благую надежду.. Сія-то совокупность всѣхъ истинно-человѣческихъ достоинствъ, истекающихъ изъ православія и ведущихъ къ оправданію и вѣчной славѣ, и составляетъ величіе Россіи въ страхъ врагамъ царства нашего и въ позоръ Врагу царства Божія.— Да будетъ это всегдашнимъ убѣжденіемъ твоимъ, православный сынъ Церкви и Отечества!

Но то, что хорошо можно знать, не всегда также хорошо можно чувствовать. Православіе, какъ и все царствіе Божіе, *внутри насъ есть*: (Лук. 19. 21), и не ищетъ себѣ человѣческаго превозношенія, — напротивъ стремится низлагать всякое превозношеніе; отъ того ни само не представляется въ ослѣпительномъ блескѣ, ни исповѣдникамъ своимъ не позволяетъ блеснуть пустымъ и холоднымъ свѣтомъ. Не всѣхъ, потому, оно можетъ занимать въ полную мѣру своего достоинства. Для однихъ можетъ представляться не такъ близкимъ, для другихъ не такъ занимательнымъ, для третьихъ не такъ важнымъ, для четвертыхъ не такъ приятнымъ, и т. д. Что сказать? Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, вѣчная Истина, Премудрость, Любовь и Жизнь, не всѣхъ желанія и надежды могъ удовлетворить. *Царство Мое нсть отъ міра*

сего (Иоан. 18. 36), *Не вѣста, чесо просита* (Марк. 10. 38)—говорилъ Онъ, и подобными отъзвами разрушалъ всѣ неосновательныя надежды и предположенія на счетъ лица Его и служенія, и многихъ совершенно отдаилъ отъ Себя. Однакоже Его ученіе, Его служеніе, Его лице для всѣхъ и отвергавшихъ его было необходимо и спасительно.

Православіе находится въ такой связи со всѣмъ, чему научилъ и что совершилъ Господь, что одного безъ другаго и представлять не должно. Если близко всякому дѣло Христово, то несомнѣнно также близко и православіе. Вина не въ православіи, что оно не кажется намъ близкимъ. Солнце,—которое насъ живить, воздухъ,—которымъ мы дышемъ, также можно счесть предметами не близкими тому, кто не думаетъ о нихъ. Мы приблизили къ себѣ много такого, чего бы надобно стыдиться или ужасаться, и безъ сожалѣнія оставляемъ самое драгоцѣннѣйшее сокровище ума и сердца. Кто виновать?

Главнымъ образомъ потому, что не близко,—православіе представляется и не занимательнымъ для насъ. Не занимательно ученіе о Богѣ, о Искупителѣ, о нашей жизни, о нашей смерти,—судьбѣ временной и вѣчной,—словомъ: не зани-

мательно то, внѣ чего для безсмертнаго и богоподобнаго духа нашего нѣтъ и быть не можетъ ничего занимательнаго!. Не унижаемъ ли мы въ себѣ черезъ это своего человѣческаго достоинства, и не уподобляемся ли тѣмъ, предъ которыми Господь запрещалъ Апостоламъ метать *бисеры* своего божественнаго ученія (Мат. 7. 6). Экклесіясть, испытавшій все занимательное въ мірѣ, всему придавалъ одно и тоже поучительное имя: *суета суетвій*. Если въ его время—образнаго и прикровеннаго видѣнія предметовъ божественныхъ—такими пустыми казались всѣ дѣла человѣческія, то Христіанину ли, котораго *житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3. 20), который знаетъ небо едва не такъ же, какъ свою землю, и призывается къ соцарствованію съ Богомъ—ему ли ревновать о суетѣ и пустотѣ болѣе, чѣмъ о вѣчной жизни и ея ходатаиць—православной Вѣрѣ? Мудрецу древнему казалось, что только *родъ переходитъ и родъ приходитъ, а земля во вѣки стоитъ* (Эккл. 1. 4).. Не только земля—*небеса съ шумомъ мимоидутъ* (2 Петр. 3. 10), земля и яже на ней дѣла сгорятъ—*іота же едина или едина черта не преидетъ отъ закона* (Мат. 5. 18) т. е. отъ ученія Христова. Вотъ, какое отно-

шеніе между тѣмъ, что должно занимать, и что дѣйствительно занимаетъ насъ. Если при всемъ томъ православная Вѣра не кажется занимательною, и мысль о православіи не трогаетъ сердца — повторимъ: кто виноватъ?

Отъ того, что у насъ есть слишкомъ много занимательныхъ на землѣ предметовъ, поглощающихъ наше вниманіе и отстраняющихъ отъ насъ все прочее, намъ кажется, что православіе не довольно важно для того, чтобы приковать къ себѣ мысль и сердце Христіанина. Но Господь самъ заботился о томъ, чтобы Его ученіе было понято и сохранено именно въ томъ видѣ, въ какомъ преподано, обличалъ лжемудрованіе и перетолковываніе, завѣщавалъ хранить слово Свое, повелѣвалъ учить блюсти все, что Онъ заповѣдалъ, обѣщавъ послать (и послалъ) Духа Святаго, чтобы Онъ вспомянулъ все сказанное Имъ. Не видно ли, что по мысли и заповѣди Христовой не все равно, правильно или нѣтъ сохраняется ученіе Его? Апостолы съ величайшею заботливостію и опасливостію различали правое или здравое ученіе отъ суемыслия и заблужденія, ясно давая разумѣть этимъ, что правое ученіе или православіе должно быть предметомъ первой важно-

сти для вѣрующихъ. Всѣ вѣка Христіанскіе свидѣтельствуя, что Православіе всегда было душою и жизнію Христовой Церкви. Пастыри и Учители ея первымъ долгомъ своего служенія почитали распространять, укоренять, прояснять и защищать православіе. Пасомые и учимые сочувствовали имъ отъ всего сердца и помогали всѣмъ, чѣмъ могли. Мученики и Исповѣдники лили кровь, полагали душу свою за него. Подвижники благочестія изъ него выступали, и имъ подкрѣпляли себя на подвигъ. Церковь соглашалась лучше пожертвовать своимъ благоденствіемъ и своею свободою нежели согласиться на неправославіе. Въ чемъ же причина такой привязанности Церкви къ православію? Въ томъ, что и Церковь и православіе суть одно и тоже; Вѣра, Православіе, Церковь, Христось, — все это одно безъ другаго быть не можетъ. Кто вѣритъ, что есть Богъ, единый и опредѣленно себя открывшій людямъ, тотъ долженъ вѣрить, что одно только можетъ быть и ученіе Его, просвѣщающее и спасающее насъ. Когда же — такъ, то безъ всякаго сомнѣнія православіе должно быть почитаемо и блюдомо нами какъ важнѣйшая изъ человѣческихъ драгоценностей, какъ памятникъ искупленія нашего въ прошедшемъ и залогъ блаженства въ будущемъ.

Едва ли не главная причина того, что православіе иногда не пользуется достойною себя честью, заключается въ его мнимой тяжести и непріятности. — Прежде всего оно не нравится тѣмъ, что имѣетъ тонъ рѣшительный и настойчивый, а потому стѣснительный, — дѣлаетъ вовсе неумѣстными и незаконными обыкновенныя выраженія нашего слабomyслия: «можетъ быть, кажется, вѣроятно» и т. д. Можно ли же, говорить недовольный имъ, столько брать на себя и столько требовать отъ другаго?.. Недовольный забываетъ, что имѣетъ дѣло съ Богомъ и Его рѣшительною неизмѣнною волею, — не знаетъ повидимому, что также настойчиво (съ тѣмъ только различіемъ, что рѣдко законно) требуетъ себѣ вѣры и всякое вѣдѣніе человѣческое. Потомъ — православіе отталкиваетъ отъ себя тяжестью своихъ предписаній и строгостию взысканій. Частовременное и продолжительное богослуженіе, еще болѣе продолжительныя посты, исповѣдь, церковныя эпитиміи, ограниченія семейныхъ и общественныхъ отношеній, духъ, вообще самопожертвовательный и подвижническій и т. под. самое нѣгѣшнее *Горжество Православія*, возглашающее однимъ изъ христіанъ вѣчную память и многія лѣта, а другимъ анаѹему —

все это заставляет слабыхъ духомъ и сильныхъ плотію и кровію чуждаться, если не прямо бояться, православія. Но здѣсь частію имѣется въ виду уже не православіе, а вообще ученіе Христово. Въ такомъ случаѣ достаточно привести на память слова Апостола: *Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако* (Римл. 9. 20)? Развѣ христіанинъ можетъ съ неудовольствіемъ говорить о томъ, что установилъ Іисусъ Христосъ?.. — Частію, необдуманное недовольство выходитъ здѣсь съ клеветою на духъ православной Церкви, кроткій и снисходительный иногда до того, что самые недовольные ея строгостію укоряютъ ее въ слабости и излишней уступчивости. Чего же впрочемъ хотѣлъ бы недовольный православіемъ отъ постановлений Церкви? Поддержки ли того, чему онъ самъ не радъ, и отъ чего Отказаться заставляютъ его умъ и совѣсть? Подчиненія ли его, рѣдко хорошо соображенному и вѣрно направленному, а чаще дѣтски — прихотливому желанію, понятію, взгляду? Безпечной ли невнимательности къ его поведенію и образу жизни, и предоставленія того на собственный произволь? Церковь не была бы Церковію, еслибы согласилась на это, и не была бы православною, еслибы не охраняла

святости и нерушимости своихъ древнихъ Апостольскихъ постановленій;—не была бы матерію чадолюбивою, еслибы позволила своимъ чадамъ сойдти съ спасительнаго узкаго пути жизни, и стать на широкій, ведущій въ пагубу;—не была бы невѣстою Христовою, если бы не заботилась о своей чистотѣ и непорочности; словомъ, потеряла бы всякое значеніе и уваженіе въ человѣчествѣ,—что и сбылось, къ сожалѣнію всего христіанскаго міра, надъ лжеименною Церковію П р е о б р а з о в а н н о ю.

Что бы ни изобрѣли и не сказали вопреки православію "лѣность, чувственность, самолюбіе, самообольщеніе, гордость, ожесточеніе, легкомысліе и празднословіе, православная Вѣра всегда останется побѣдительницею, свѣтлою и боголѣпною. «Сія вѣра Отеческая! Сія вѣра Каѳолическая! Сія вѣра вселенную утверди!» Отзовемся, православные чада Церкви, на сей восторженный возгласъ ея полвымъ и совершеннымъ сочувствіемъ! Вѣра православная—наша, наша — по рожденію, по воспитанію, по благодатному дѣйствованію на насъ, по управленію нами нравственному, по напутствованію насъ и сопутствованію намъ въ жизнь вѣчную. Она приняла насъ отъ утробы матерней, она

проведеть—и въ утробу земную. Она хранила насъ отъ бѣдъ жизни, она станетъ защищать и отъ мукъ смерти. Она стояла за насъ на судѣ людскомъ,—заступится и на судѣ Божіемъ.. Её возлюбимъ, её прославимъ, ёю освятимъ всѣ дѣла свои, и на нее возложимъ послѣднее упованіе. «Вѣруй въ Мя, рекль еси о Христе мой, живъ будетъ и не узритъ смерти во вѣки. Аще убо вѣра, яже въ Тя спасаетъ отчаянныя, се вѣрую — спаси мя, яко Богъ мой еси и Создатель. Вѣра же вмѣсто дѣлъ да вмѣнится мнѣ, Боже мой! Не взыщеша дѣлъ отнюдъ оправдающихъ мя. Но та вѣра моя да довлѣетъ вмѣсто всѣхъ, та да отвѣщаетъ, та да оправдитъ мя, «та да покажетъ мя причастника славы Твоя вѣчныя!» Аминь.

ВЕСЕДА

ВЪ ПЯТОКЪ ВТОРОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

(На Пассіи).

О Іудина окалства!

Стихир. въ Вел. Среду.

По мѣрѣ того, какъ искупительное служеніе Господа нашего Іисуса Христа близилось къ концу, событія ветхаго и новаго завѣта изъ мрака сѣней и гаданій выступали въ ясность и вразумительность. Лице самаго *великаго Пророка* изъ разногласной молвы переходило въ опредѣленный обликъ *Христа*, сына Давидова, Царя и возстановителя народа. Малое общество избранныхъ Имъ стало показываться начаткомъ величайшаго буду-

шаго общества Христіанскаго. Послѣдніе дни жизни Господа нашего освѣтили для насъ почти неизвѣстныя до толѣ лица Св. женъ, слѣдовавшихъ за Христомъ, Іосифовъ, и Клеопъ, Симоновъ и Лонгиновъ. Въ самомъ обществѣ Апостоловъ многіе именно въ это только время высказали себя особенными чертами ума и сердца. — таковы: *Петръ, Іоаннъ, Филиппъ, Іуда не-искаріотскій*, и самъ несчастный *Искаріотскій Іуда*. Нѣкоторые изъ нихъ такъ рѣзко, гласно, необыкновенно и поучительно выявили себя, что съ тѣхъ поръ сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія въ Христіанскомъ мірѣ. Возьмемъ въ урокъ себѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и ихъ исторію, тѣсно связанною съ послѣдними судьбами земной жизни Христовой, займемъ христоролюбивую мысль. — На сей разъ ограничимся печальнымъ и страшнымъ лицомъ ученика, который призванъ былъ къ высочайшей почести и славы *ясти и пити на трапезь Господа*, но — *ядвий съ Нимъ, воздвигъ на Него пяту свою* (Іоан. 13. 18.). О Іудина окаянства! О плачевнаго событія плачевнѣйшее дополненіе! Не доставало только того, чтобы Праведникъ, незаконно обвиненный и осужденный, непризнанный, неутѣшенный благодарностію и соучастіемъ, оста-

вленный, возненавидѣнный, былъ враждебно преданъ своимъ другомъ и наперсникомъ.. Чаша беззаконія дополнилась и этою горчайшею каплею. Человѣческое ли дѣло — изъ друга стать злодѣемъ, изъ питомца — предателемъ? Божеское ли дѣло — избрать въ число Апостоловъ «раба, льстеца, навѣтника и неправедника»? Божеское дѣло — влечь самаго закоренѣлаго грѣшника ко спасенію; человѣческое (къ сожалѣнію) — противъ самаго усиленнаго влеченія найти въ глубинѣ падшей природы нашей погибельную силу стать упорно, и стоять до послѣдней степени. Не хотая смерти грѣшника, но еже обратится, и живу быти ему (Іезек. 33. 11.), безъ сомнѣнія употреблялъ всевозможныя средства къ тому, чтобы не погубить избраннаго, но зло шло своимъ неудержимымъ путемъ и влекло несчастнаго къ своему виновнику..

До послѣднихъ дней жизни Господа Іуда былъ извѣстенъ только по имени и по мѣсту своего рожденія, чѣмъ онъ отличался отъ другаго, соименнаго, ему Апостола. За шесть дней до Пасхи, онъ высказалъ себя въ первый разъ тѣмъ *Іудой*, отъ котораго теперь отвращается всякая душа христіанская. Признательная къ благодѣяніямъ

Исуса Христа, сестра Лазарева Марія на одной вечери, въ дому Симона прокаженнаго, принесла алавастръ мѣра нарднаго пистикіа многоцѣнна. И сокрушивши алавастръ, возмываше на главу (Марк. 14. 3.). Его, и помаза нозѣ Его, и отре власы своими (Іоан. 12. 3.). Не всѣ, видѣвшіе это, одобрили великодушный порывъ благодарнаго сердца. Бяху же нѣцыи ученицы (Мат.) негодующе въ себѣ, и глаголюще (Марк.): чего ради мѣро сіе не продано бысть на трехъ стѣхъ пѣныязь, и дано нищимъ (Іоан.)? Нищелюбивая душа, говорившая такимъ образомъ, принадлежала Іудѣ Симонову Искаріотскому (Іоан.). Господь сказалъ заботливому ученику: оставите ю: что ей труды даете? Дѣло бо добро содѣла о Мнѣ. Еже возможе, сія сотвори: предвари помазати тѣло Мое на погребеніе (Марк.). Сердцевѣдецъ какъ бы не вѣдалъ ничего далѣе того, что содержали въ себѣ слова ученика. Но бездна зла скрывалась подъ ними. Сіе же рече, говоритъ соученикъ мнимаго нищелюбца, не яко о нищихъ печашеся, но яко тѣтъ бѣ, и ковчежець имѣяше, и вмѣтаемая ношаше (Іоан.). Справедливо слово Писанія: корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, его же нѣцыи желаяще заблудиша отъ вѣры, и

себе привоздиша болѣзнемъ множимъ (1 Тим. 4. 10). Именно, эти самые бѣдственныя плоды въ несчастномъ Апостолѣ выростили изъ себя оный корень! Сребролюбіе сдѣлало его татемъ, татьба сдѣлала лжецомъ, ложь—лицемѣромъ, лицемѣрие сдѣлало безсердечнымъ, безсердечіе—немилосердымъ, немилосердіе—предателемъ, предательство—безумцемъ, и—онъ заблудилъ отъ вѣры, къ которой былъ призванъ любовію Христовою. Вся сія лѣствица погибели видна была уже на оной вечери. «Нравъ сребролюбія Іудина исполнь безумія! Ввѣренъ бывъ единому токмо ковчезцу, всяко не приклонилъ къ милосердію: но заключилъ жестокаго сердца своего утробу, предавъ Единаго Благоутробнаго.» *О Іудина окаянства!*

Немедленно послѣ событія на Виѳанской вечери,—тогда, гов. Евангелистъ (Мат.), шедъ единъ отъ обоюнадесяте алаголемый Іуда Искаріотскій ко Архіереомъ (Мат.) и воеводамъ (Лук.), рече: что ми хотите дати, и азъ вамъ предамъ. Его (Мат.). И возрадовашася, и совѣщаша ему сребренники дати (Лук.); и поставиша ему тридесять сребренникъ (Мат.). Несытая душа удовольствовалась и этою ничтожною платою. И исповѣда: и искаше удобна време, да предасть имъ Его

безъ народа (Лук.). Куда скрылось все, что доселѣ грѣло и живило душу Апостола? Гдѣ благодарность? Гдѣ любовь? Гдѣ страхъ? Гдѣ память величайшихъ событій прошедшаго? Гдѣ надежда на величайшую славу будущаго?.. Все исчезло отъ какого-то тлетворнаго дуновенія!. Мы бы не поняли всей глубины Іудина окаянства, еслибы не узнали отъ Евангелиста объ ужасной его причинѣ,—о томъ, что *видѣ Сатана во Іуду*.. (Лук.) Какое страшное стяжаніе для сребролюбца! О сердце христіанское и Христу—унаслѣдованное! Посмотри, какая пропасть прикрывается тѣмъ тонкимъ и шаткимъ и хрупкимъ слоемъ не въ Бога богатящей (Лук. 12. 21.) жизни, по которому такъ любимъ ходить мы, и который называется *корыстолюбіемъ и стяжательностію*! Еще одно лишнее прибрѣтеніе, еще одно богопротивное попеченіе, еще одно бѣдственное омраченіе ума, и—конецъ всему! Корыстолюбецъ неудержимо летитъ вмѣстѣ съ Іудою туда, куда не дай Богъ и смотрѣть, не только что—летѣть? Несчастный думаетъ стяжаніемъ утолить алчбу духа,—наполнить пустоту сердца.. Все, что приобрѣтаетъ онъ для этого, идетъ въ ковчежець, въ душу же входитъ.. Избави насъ отъ него Богъ!..

И вечера бывшей, діаволу уже вложившу въ сердце Іудѣ Симонову Искаріотскому, да Его предасть (Іоан.), Господь, въ отвѣтъ на неслышимую просьбу сатаны сѣять учениковъ Его, яко пшеницу (Лук.), умылъ ноги ученикамъ; при этомъ сдѣлалъ первый намекъ на предателя, сказавши: *и вы чисти есте, но не вси* (Іоан.). Окончивъ умовеніе, Господь продолжалъ наставлять ихъ взаимной любви и миролюбію. Но душа Его скорбѣла о большемъ злѣ, нежели каково тщеславное соперничество. *Аще бо вѣсте, блажени есте, аще творите я. Не о всѣхъ васъ глаголю.. Азъ бо вѣмъ ихъже избрахъ: но да сбудется Писаніе: ядый со мною хлѣбъ, воздвиже на Мя пяту свою* (Пс. 49, 10). Отсель глаголю вамъ: прежде даже не будетъ, да егда будетъ, вѣру имете, яко *Азъ есмь..* Видимо, пречистую Душу тѣснило тайное горе.. *Аминь аминь, глаголю вамъ: приемай аще кого пошлю, Мене приеметъ: а приемай Мене, приеметъ Пославшаго Мя..* Еще болѣе видно.... И точно: *сія рекъ Іисусъ, вомутися духомъ* (Іоан.), и, *возлежащимъ имъ и ядущимъ* (Марк.), *свидѣтельствова* (Іоан.), и рече: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко единъ отъ васъ предасть Мя* (Мат. Марк. Іоан.), *ядый со Мною* (Марк.).

Се рука предающаго Мя со Мною есть на трапезѣ
 (Лук.). И Сынъ убо Человѣческій идетъ по реченно-
 му (Лук.), якоже есть писано о Немъ (Мат. Марк.);
 обаче горе чловѣку тому (Лук.), имѣже Сынъ
 Человѣческій предается: добрѣе было бы ему, аще
 бы не родился чловѣкъ той (Мат. Марк.)! И
 тѣмъ начаша искати въ себя, который убо отъ
 нихъ хочетъ сіе сотворити (Лук.), — сзирахуся
 между собою, недоумляющеса (Іоан.), — начаша
 скорбѣти злыю (Мат.), и глаголати единъ по еди-
 ному: еда азъ, и другій: еда азъ (Марк.) есмь
 Господи (Мат.)? Онъ же отвѣщавъ рече имъ: единъ
 отъ обоюнадесяте, омочивый со Мною въ солмо
 (Марк.) руку (Мат.), той Мя предастъ (Мат.).
 Но, вѣрно, не всѣ видѣли, кто былъ сей омочи-
 вый. На усиленный вопросъ и двухъ наиболѣе лю-
 бимыхъ учениковъ Господь отвѣтилъ: той есть,
 ему же Азъ омочивъ хлѣбъ подамъ (Іоан.). Но
 отвѣтъ сей вѣроятно слышалъ только тотъ, кто
 предложилъ вопросъ. Осталось по прежнему не-
 извѣстнымъ лице предателя. Не смотря на то,
 вниманіе всѣхъ невольно устремлялось на Іуду,
 который почему-то доселѣ укрывался отъ общаго
 всѣмъ вопроса: еда азъ есмь Господи. И такъ
 нельзя было не сказать и ему того же, что го-

ворили другіе. *Еда азъ есмь, Равви?* сказалъ онъ (Мат.). Холодная душа! Всѣ говорили Христу: *Господи!*—Онъ одинъ говоритъ: *Равви!* (У него оставалось уже только сознаніе ученическаго отношенія къ Спасителю. *Ты реклъ еси* (Мат.), сказалъ ему Господь. *И омовъ хлѣбъ, даде Іудѣ Симонову Искаріотскому* (Іоан.). Двойной отвѣтъ. Но—или сказанное Іудѣ было сказано такъ тихо, что не могли его слышать другіе, или встревоженное чувство учениковъ требовало отвѣта болѣе прямого и рѣшительнаго, чѣмъ тотъ, которымъ Іуда отсылался на судъ собственныхъ словъ своихъ, заставляемъ былъ всмотрѣться въ свое внутреннее убѣжденіе или состояніе духа. — во всякомъ случаѣ — видимымъ образомъ говорилъ, что Господь хочетъ скрыть имя предателя. Тайну же поданнаго хлѣба сердечнодовѣрчивый тонъ Господа не позволялъ любимому ученику объявить во всеуслышаніе. Оттого и словъ Спасителя къ Іудѣ: *еже твориши, сотвори скоро, никтоже разумъ отъ возлежащихъ, и нѣцыи даже мняху, понеже ковчегецъ имяше Іуда, яко глаголетъ ему Іисусъ: купи, еже требуемъ на праздникъ, или нищимъ да нѣчто дастъ* (Іоан.). Опять—нѣцыи, и опять нищій, и опять Іуда съ ковчегецемъ! И еще

разъ не хотѣлъ Господь обличить злодѣя, напротивъ намѣренно теперь прикрылъ его, чтобы не дѣлать никакого насилія свободно раскрывавшемуся преступному замыслу. Но въ какой ужасающей очевидности долженъ былъ понять свое дѣло самъ предатель! *О Иудина кающаяся!* Чѣмъ болѣе понималъ, тѣмъ болѣе укрѣплялся въ намѣреніи! И чѣмъ болѣе Господь прикрывалъ его, тѣмъ болѣе ожесточалась и раздражалась душа его. Ей нужно было чрезвычайное потрясеніе. Если бы Господь прямо высказалъ то, что думалъ Иуда, общее возстаніе Апостоловъ можетъ быть потрясло бы каменную душу. Но Господь говорилъ тихо и кротко, Предатель и желалъ и ожидалъ противнаго, чтобы найти подкрѣпленіе своей злобѣ. Не находя этого, онъ самъ навязывалъ Господу то, что желалъ; отъ-того и видѣлъ въ словахъ Его то, чего не было. Намекъ его принималъ за упрекъ, жалѣніе за насмѣшку, предреченіе — за угрозу! Общее подозрѣніе собесѣдниковъ, сопровождаемое пытливымъ словомъ или грознымъ взоромъ, дѣлало положеніе его невыносимымъ. Онъ возненавидѣлъ и Господа и апостоловъ! Оставалось только внутренней адъ выявить внѣшнимъ дѣломъ.. *И омовъ хлѣба, даде Иудѣ..* Въ

ярости Іуда протянулъ руку, и—встрѣтилъ, давно уже сторожившаго за нимъ, еще злѣйшаго христоненавистника, нежели онъ самъ! Подобное возрадовалось подобному, и—*по хлѣбъ тогда вииде въ онъ сатана!* Уже разъ входилъ (Лук. 22. 31) въ нечистый храмъ нечистый царь. Но, надобно думать, божественное таинство Причащенія заставило его выйти изъ злополучнаго апостола. Теперь, за дерзко-простертою рукою измѣнника, онъ снова занялъ свое мѣсто. Христоненавистный духъ, искони нетерпѣвшій Бога, повлекъ христоненавистнаго человѣка отъ Христа. *Примъ же онъ хлѣбъ, абіе изыде.*—Страшное событіе! Отъ трапезы Господней немедленный переходъ къ трапезѣ бѣсовской (1. Кор. 10. 21.)! О, къ какому злу способна грѣховная природа человѣческая!—Братія! Іуда былъ апостоль, — ходилъ три года съ Іисусомъ Христомъ, былъ свидѣтелемъ безчисленныхъ чудесъ милосердія и всемогущества Божія, — былъ вмѣстѣ съ другими предметомъ самаго живаго дружескаго вниманія Господа, — алъ съ Нимъ, и—*воздвигъ на него пяту!* «Небесный хлѣбъ во устѣхъ носай, на Спаса предательство содѣла!» Какъ не трудно послѣ этого нашему безсилію и ослѣпленію войти въ губительное сообщество съ діаволомъ, и, оста-

вивъ вечерю любви, устремиться ко врагамъ Иисуса! «Да никтоже, о вѣрніи, владычнія вечери тайно ненаучень, никтоже отнюдь, яко Иуда, льстиво но да приступить къ трапезѣ!» (На стих. Вел. Четв.).

Бль же ночь, егда изыде (Іоан.). Безцѣнная ночь! Она была послѣдняя, въ которую Творецъ міра подь немоцію естества нашего искаль на нашей землѣ Себѣ покоя!.. Но еще Онъ не сомкнуль очей, какъ начался ужасный день! Усердіе предателя ускорило бѣдственный часъ.—Прямо отъ вечера бывшій апостоль направиль стопы свои къ врагамъ Учителя. Онъ вѣдалъ мѣсто, на которомъ множицею собирашеса Иисусъ со ученики своими (Іоан.), и рассчитывалъ, что въ наступающую празднственную ночь Онъ вѣрно будетъ тамъ же. Не обманулся въ расчетѣ. Мѣсто было—вертоградъ Геосиманскій. *Приемъ убо спиру и отъ архіерей и фарисей* (Іоан.) книжникъ и старецъ (Марк.) *юдскихъ* (Мат.) *слуги* (Іоан.), *идяше предъ ними* (Лук.) *со свѣтилы и свѣщами* (Іоан.). Все это составило *народъ много со оружіемъ и дреколми* (Мат. Марк.). Чтобы успѣшнее кончить свое несчастное дѣло, *предаяй даде знаменіе своимъ спутникамъ глаголя: егоже аще любжу, той*

есть (Мат).. О *Иудина* *окалства!* Можно ли бы-
 ло придумать что-нибудь злѣе, преступнѣе, без-
 совѣстнѣе и безчеловѣчнѣе этого способа преда-
 тельства! Ужели бы не нашлось тысячи другихъ
 средствъ указать толпѣ на Господа?—средствъ и
 гораздо проще и гораздо удобнѣе лобзанія, под-
 вергавшаго лобзателя опасности быть подъ но-
 жемъ Петровымъ, если и согласиться, что не-
 счастный уже потерялъ вѣру во всемогущество Ии-
 сусово? Нѣтъ, погибельный наставникъ Иудинъ
 требовалъ, чтобы злоба высказала себя самымъ
 крайнимъ, послѣднимъ образомъ—такъ, какъ нель-
 зя было высказать ее и его духовной природѣ,
 открыто ожесточенной и богохульной. И вотъ
 лобзаніе любви и мира предназначается къ тому,
 чтобы имъ передать Господа злорадостной, тор-
 жествующей ненависти. — *Той есть, имите Его!*
 Какая увѣренность и самонадѣянность у того, кто
 завтра оставленъ будетъ лживымъ мужествомъ на
 отчаянное терзаніе самого себя! О, погибельныя
глубины сатанны! О, коварство безчеловѣчное!
 Доколѣ нужно было посредство злой воли, до-
 толѣ несчастный ослѣпленный человѣкъ разду-
 ваемъ былъ яростію и рѣшимостію, надмѣваемъ
 силою и смѣлостію.. А что станется съ нимъ пос-

дѣ, когда онъ болѣе не будетъ нуженъ? — *И вѣдите: Его сохранило* (Марк.). Заботливость, стоявшая лучшаго назначенія и употребленія! Она исходила изъ двухъ источниковъ, — одинъ другаго худшихъ и погибельнѣйшихъ: Опасеніе — какъ бы не лишиться бѣдственныхъ сребренниковъ — ее вызвало, мщеніе возненавидѣнному Учителю — высказало!. Все, что есть лучшаго и уважительнѣйшаго въ человѣческихъ отношеніяхъ, все опозорено и обезчещено предателемъ! *О Иудина окаянства!*

— Какъ было условлено, такъ и сдѣлано. Лишь только толпа достигла мѣста, гдѣ былъ Иисусъ, *абіе предади Его приступи ко Иисусови цѣлова ти Его* (Лук.). *Иисусъ же рече ему: Иудо! Лобзаніемъ ли Сына Человѣческаго предаши* (Лук.)? Слова: *Сынъ человѣскій* должны были напомнить единому отъ обоюнадесяти все блаженное время его пребыванія съ Иисусомъ Христомъ, обыкновенно называвшимъ Себя этимъ именемъ. Но уже и память отказывалась служить плѣнному діаволомъ сердцу! Какъ бы ничего не слыша, предатель *абіе приступль къ Нему, глагола Ему: Равви! Равви!* (Марк.). *Радуйся!* (Мат.) *И—облобыза Его!* — Привѣтъ дружбы и лобзаніе любви за-

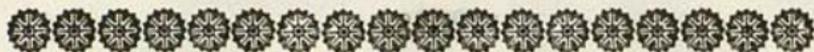
ставили незлобиваго Агнца забыть все, что они скрывали въ себѣ плачевнаго и ужаснаго. Какимъ и всегда былъ, Онъ остался кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ, до конца возлюбльшимъ своя, не пререкъ ни возопилъ, и на извѣтъ неблагодарности и мести отвѣчалъ ласковымъ и добросердечнымъ привѣтомъ: *Друзе, твори, на нѣже еси пришелъ* (Мат.)! По условному знаку, *спирани* тысящникъ и *слуги* Иудейскія приступили къ Иисусу, чтобы взять Его, и когда брали и вязали, *Иуда, иже предаше Его, стояше съ ними* (Юан.). Холодная безтрепетная душа! *Вси бѣжаша*, сказано объ ученикахъ Господа. Для чего же остался и стоитъ сей ученикъ? Его удерживаетъ заботливость, чтобы Господа вели *сохранно*. Безъ сомнѣнія для этой цѣли онъ вмѣстѣ съ толпою шелъ обратно въ Иерусалимъ, пока не сдалъ Пѣвника и не получилъ сребренники. Такъ совершилось преступное дѣло пребеззаконнаго дѣлателя! — Души Христолюбивыя! Если бы мы въ самомъ пылу своей какой-нибудь, также беззаконной и богоненавистой, страсти услышали сладчайшій голосъ Иисуса: *Друзе!* — достало ли бы у насъ духа бросить страсть, и пойти за Христомъ?.. Голосъ Господа неумолкаемо вопіеть въ слухъ

сердца нашего и словомъ Евангелія и дѣломъ Церкви, и начинаніемъ совѣсти и помышленіемъ разума, волею и неволею, во дни и въ нощи! а страсти непрестанно влекутъ насъ къ беззаконію! Боже мой! Не даемъ ли и мы лобзанія святому лику Господа нашего, держа неизмѣнно въ помыслѣ также какой-нибудь ковчежець христоредательной любви? Ни бываемъ ли и мы холодными зрителями того, какъ Господа нашего неразуміе и ослѣпленіе и ожесточеніе берутъ и вяжутъ и ведутъ на безумный судъ новаго Каіафы, называемаго духомъ въ к а? Не ведемъ ли сами Его туда—кощунствомъ, вольнодумствомъ, безчувствіемъ и нечестіемъ? *О Иудина окаянства!*

Когда вси Архіереи и старцы людстии осудили на смерть Іисуса, и для утвержденія своего приговора предали Его *Понтійскому Пилату Иемону*, тогда видѣвъ Иуда, предавый Его, яко осудиша Его, раскаявся (Мат.)... Чѣмъ горьче и тягостнѣе было видѣть въ ученикѣ предателя, въ Апостолѣ убійцу, тѣмъ отраднѣе слышать о его раскаяніи. Уже не за Иуду, но и за все человѣчество, обезславленное въ лицѣ его, радуется духъ нашъ.. И такъ человѣкъ—не діаволь! какъ повидимому ни похожими могутъ представляться они

другъ на друга, но все между ними пролегалъ бездна непреходимая — къ славѣ рода нашего и къ вѣчному стыду врага нашего. *Возврати тридцать сребреники архіерею и старцемъ, глаголя: согрѣшихъ!* Благое начинаніе! Этимъ спасительнымъ словомъ блудный сынъ возопилъ къ Отцу, и возвратилъ себѣ утраченное сыновство. *Предавъ кровь нековинную!* Еще лучшее продолженіе! *Иже исповѣсться Мнѣ предъ Человѣки — исповѣть Его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже ни небесъхъ* (Мат. 10:32), сказалъ нѣкогда Господь. Остается кающемуся невольное исповѣданіе сдѣлать свободнымъ и торжественнымъ. — *Они же рѣша: Что есть намъ? Ты узриши.* Бѣдственное окончаніе прекрасно начатаго дѣла! *Ты узриши..* Что же могъ узрѣть онъ? Еще онъ могъ узрѣть многое, — все, чего можетъ ожидать отъ Нехотящаго смерти грѣшника раскаявшійся грѣшникъ. Еще и Господь не былъ осужденъ окончательно. Еще Игемонъ имѣлъ власть *распяты Его и пустити.* Еще Иуда могъ найти случай принасть къ Человѣколюбцу, и залатить за злодѣяніе подвигомъ любви и самоотверженія. Еще онъ могъ припомнить умиленное слово: *Друзе..* Словомъ: еще онъ могъ узрѣть свое спасеніе. Но — надъ несчастнымъ бо-

дренно назирало страшное око.. Совсѣмъ другое говорилъ ему голосъ его неумолимо-губительнаго внутренняго собесѣдника. *Ты узриши* всѣ возможные бѣды и муки—неизбѣжно, непреложно, не возвратно.. Теперь уже кончено все. Ты предалъ на смерть Сына Божія, наложилъ руку на невиннаго, на Святаго, на учителя, на благодѣтеля.. и какъ наложилъ? безсовѣстно, безжалостно, безбожно!—Продалъ безцѣннаго за сребренники! *Узриши*.. Ты зналъ, что Богъ былъ съ нимъ,—слышалъ, что *добрѣе было бы, аще не бы родился человекъ той*.. Тебѣ все было извѣстно! Вотъ же ты узриши.. Страшная тоска овладѣваетъ несчастнымъ. Онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, не знаетъ, что думаетъ, и что дѣлаетъ.. Послѣдній лучъ человѣческаго сознанія освѣтилъ предъ нимъ всю омерзительность его поступка и — онъ повергъ сребренники въ церкви. Первый притокъ вѣчной, несвѣтимой тьмы помрачилъ предъ его взоромъ всѣ радости жизни, *и отыде, и шедъ, удивися!!* О Иудина *окаянства!* Виждь, имѣній рачителю, сихъ ради *удавленіе употребивша?* Бѣжи, *несытыя души,* Учителю таковая дерзнувшія! Иже о *всѣхъ* Благій, Господи! *Слава Тебѣ!* Аминь.

ПОУЧЕНІЕ

ВО ВТОРУЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Се жесть животъ вълчій: да знаютъ

Тебе единого истиннаго Бога и, Его же послалъ еси, Иисусъ Христа. Иоан. 17, 3.

Двукратно уже, въ теченіе постническаго говѣнія нашего, мы призывались Церковію къ воспоминанію событій царственнаго города древняго христіанскаго міра: идолопоклонство вызвало тамъ чудесное заступничество св. великомученика Теодора Тирона; Иконоборство доставило Церкви торжество православія. Въ настоящій день воспоминается третіе, не менѣе замѣчательное, обстоятельство Церкви Греческой, также главнымъ образомъ происходившее въ Царѣ-градѣ. Пять

столѣтій прошло послѣ того, какъ утверждено было православіе, и Церковь Греческая, не смотря на свое бѣдственное положеніе отнѣ, внутри наслаждалась благами мира и единомыслія. Трудно было найти поводъ къ возобновленію или изобрѣтенію вновь какой-нибудь ереси. Однакоже духъ жизни въ самомъ чистомъ источникѣ нашелъ мутную струю. Исказивъ превратнымъ толкованіемъ сокровеннѣйшія тайны христіанскаго боговѣдѣнія, онъ дустремился на искаженіе и глубочайшихъ тайнъ христіанской жизни.— Путемъ необыкновеннаго самоотверженія ревнители благочестиваго подвига достигали состоянія невозмутимаго покоя, служившаго имъ какъ бы приготовленіемъ и преддверіемъ покоя вѣчнаго. Въ семъ особенномъ состояніи они чувствовали себя отрѣшающимися отъ міра видимаго, и достойнѣйшіе изъ нихъ сподоблялись зрѣть *свѣтъ* божественнаго присутствія. Тайна духа, — долженствовавшая возбуждать благоговѣйное умиленіе въ каждомъ ревнителѣ духовной жизни и человѣческаго достоинства! Между тѣмъ она подвергнута была сомнѣнію и спору. Свѣтъ боговидѣнія перевелъ потомъ богословствующую мысль къ свѣту, явившемуся и видѣнному на *Оаворѣ* въ преображенномъ *Господѣ*, а отъ

Господа къ пресвятой Троицѣ. Заблужденіе стало отличать въ Богѣ нѣчто не-Божественное. Церковь вспомнила времена Арія и Несторія, и неоднократно соборными разсужденіями и опредѣленіями признала еретическимъ мнѣніе о тварномъ свѣтѣ Божества. Это было послѣднее соборное изложеніе ереси въ благоденствующей Церкви Греческой. Оружіемъ къ ея изложенію послужило то же самое, что уже столько разъ поборало по православію противъ заблужденія, т. е. б о г о с л о в і е. Главнымъ дѣятелемъ на сторонѣ Церкви былъ глубокій подвижникъ, опытно дознавшій богоспросвѣщеніе и богоявленіе, и высокій, или какъ говорить пѣснь церковная, *премудрый Богословъ*, прозрѣвавшій во всю широту домостроительнаго промысленія Божія о человѣкѣ, — св. Григорій Палама — *богослововъ поборникъ непреборимый, богословскій языкъ, богословія свѣтлая труба, божественный органъ богословія*, какъ ублажаютъ его пѣсни церковныя, — яко рещи общій дѣлатель живыхъ же и потомъ будущихъ православныхъ всѣхъ; яко его житіе и слово якоже слову нѣкому быти и печати житія и слова святыхъ, — по словамъ древняго жизнеописателя его. Благодарное къ памяти защитника своего, правосла-

вѣе послѣ своего торжества почтило торжествомъ и его приснопамятное имя и дѣло.

Для насъ постниковъ, также ревнующихъ и о жизни духовной и о свѣтѣ Божіемъ и о покоѣ вѣчномъ, и также призванныхъ зрѣть дѣла Божіи, т. е. богословствовать, воспоминаемое нынѣ торжество богословія (какъ по справедливости можно назвать настоящее церковное празднество) да будетъ призывнымъ знакомъ къ собесѣдованію о *Богословіи*, въ теченіе 18 вѣковъ мужественно подвизавшемся за честь вѣры и славу Церкви Христовой, и сохранившемъ до нашего времени наше древнее Апостольское, Вселенское православіе. — Не много мы знаемъ лицъ въ Христіанской Церкви, съ которыми сочетается высокое имя *Богослова*: знаемъ Рыбарей — Богословцевъ, и между ними преимущественно — Іоанна Богослова; знаемъ Григорія Богослова и еще одного *новаго* Богослова (Симеона), — только. Чтожь? Не есть ли по этому Богословіе — доля весьма немногихъ избраннѣйшихъ изъ христіанъ? Не говоритъ ли оно о занятіи необыкновенномъ, какомъ-нибудь, — сверхъ-естественномъ? Не требуетъ ли со стороны человѣка какихъ-нибудь чрезвычайныхъ приготовленій, усилій, по-

жертвовацій? Иначе : что такое Богословіе? О чемъ можно богословствовать? Кому можно и какъ должно богословствовать? и тому подобнае.

Б о г о с л о в і е есть слово ю Богъ, — мысль ю Немъ, ученіе, проповѣдь, — всякое занятіе ума, направленное къ Богу. Многообразнымъ образомъ высказываетъ себя это глубочайшее требованіе человѣческой природы. — При первомъ пробужденіи въ человѣкѣ разума предъ нимъ повсюду является одна великая тайна бытія. Множество предметовъ, существующихъ одинъ какъ бы независимо отъ другаго и между тѣмъ одинъ для другаго, дѣйствующихъ и дѣйствуемыхъ, явныхъ и скрытныхъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ — производить въ человѣкѣ множество вопросовъ, въ рѣшенію которыхъ влечетъ его что-то неодолимое, и ему самому неизвѣстное. Рѣшая одни, онъ встрѣчается съ новымъ множествомъ другихъ — непредвидѣнныхъ, ведущихъ его все далѣе и далѣе, — отъ видимаго къ невидимому, отъ простаго къ таинственному, отъ раздѣльнаго и раздробленнаго къ общему и единому. Пока мысль размышляющаго юна и мало-опытна, она не можетъ совладѣть съ безпрестанно все вновь и вновь рождающимися вопросами; и Оно невидомое, зовущее ее отъ земнаго

и вещественнаго вдаль, вглубь, вверхъ, всегда отъ него самаго и отъ міра, доводитъ ее только до признанія великаго, сильнаго и вседѣтельнаго Существа. . первый зачатокъ богословія! — Внутренній голосъ, свидѣтельство природы, уроки исторіи и вниманіе къ собственной жизни говорятъ зрѣющему разуму о Зиждигелѣ, о Хранигелѣ, о Промыслигелѣ всего, дѣйствующемъ въ мірѣ, по не принадлежащемъ къ нему, управляющемъ челогѣкомъ, по не стѣняющемъ его силъ . Богословіе возрастающее, пригиговигельное! — Не ясное гаданіе созрѣвшій разумъ проясняетъ, пополняетъ и подкрѣпляетъ *Откровеніемъ* Божіимъ. Богъ является ему Господомъ, Отцемъ, Другомъ людей; Его промысленіе высказывается дѣломъ искупленія, міроуправленіе представляется царствованіемъ. Вся раздробленная исторія челогѣчества сводится къ судьбамъ Церкви Божіей, міръ превращается въ мѣсто духовнаго воспитанія челогѣка, жизнь—въ поприще благочестія, смерть—въ начало новой жизни. Все такимъ образомъ объединяется и проясняется, успокоиваетъ, утѣшаетъ и совершенствуетъ челогѣка. Богословіе полное, — достигшее въ мѣру челогѣческихъ способностей и потребностей! — Остающееся для пытливости ума и стремленій сердца при

всемъ томъ, еще какъ бы незаконченнымъ, доскажетъ въ другомъ мірѣ, при другихъ условіяхъ жизни, — другое Богословіе, преподаемое не въ рою, а видѣніемъ, и принимаемое не соображеніемъ, а совершеннымъ разумѣніемъ. Таковъ вообще ходъ истиннаго Богословія въ человѣчествѣ. — Братія христіане! намъ выпала блаженная доля быть богословами полными, совершенными. То, до чего языческая мудрость доходила вѣками и неимовѣрными усиліями и бореніями разума, мы знаемъ съ дѣтства, приобрѣли легко и безпрепятственно. Но Богословіе наше содержитъ въ себѣ, кромѣ того, много такого, чего и представить не могъ богословъ, не просвѣщенный Откровеніемъ Божественнымъ. Возблагодаримъ Господа, *изъ тьмы насъ призвашиаго въ чудный свѣтъ свой* (1 Петр. 2, 9.).

Окончательный, и слѣд. для христіанина собственный и единственный, предметъ богословствованія есть — такимъ образомъ — судьба Царства Божія на землѣ. Богъ есть царь, вся тварь — Его царство. Какъ слѣд. тварь относится къ Творцу? — Вотъ первый вопросъ Богословія. Что значать въ ней различіе родовъ и видовъ бытія, явленія жизни и смерти, чередованіе временъ,

разнообразіе мѣсть, постепенность творенія? — Какъ каждая вещь отобразила на себѣ мысль Господа Бога, свидѣтельствуешь о Немъ, повѣдаешь славу Его? — Какъ выполняетъ свое назначеніе, и къ чему ведется?.. Все это вопросы одного разряда, — первоначальнаго христіанскаго богословія. — Какъ относятся твари другъ ко другу, какъ члены одного великаго общества, — подданные одного царя?.. Вотъ второй вопросъ, отвѣтъ на который поведетъ богослова къ нескончаемому размышленію, всегда столько благопотребному и благоплодному для успѣховъ Вѣры Христовой. — Что сдѣлалъ Царь для царства?.. Новый вопросъ, — вводящій богослова въ самую сокровенную глубину боговѣдѣнія, Троичность лицъ Божества, міръ духовъ добрыхъ и злыхъ, человекъ съ грѣхомъ и покаяніемъ, откровеніе, Искупитель, Церковь, богоуправленіе, Слово Божіе, исторія, вѣра, законъ, Іисусъ Христосъ, Евангеліе, таинства, іерархія, соборы, мученичество, подвижничество, — Церковь святыхъ, воскресеніе, царство славы — все это, отъ чего изумѣваетъ умъ, самъ собою вразумляемый и управляемый, должно составлять самый обыкновенный и общій предметъ богословскаго размышленія у христіанина. — Что дѣлаетъ въ на-

стоящее время владѣющій народами и царствами, и правящій Церковію Духъ Христовъ? Что означаетъ то или другое движеніе народовъ, — изъ чего выходитъ, чѣмъ держится и къ чему направляется? Это также законный и весьма поучительный предметъ богословскаго изслѣдованія. — Наконецъ ближайшій къ намъ и многоплоднѣйшій въ своихъ послѣдствіяхъ вопросъ: что въ частности съ каждымъ изъ насъ сдѣлалъ и дѣлаетъ премудрый и милостивый Промыслъ Божій? Это самый легкій и привлекательный способъ богословствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ разсѣянномъ и холодномъ вниманіи нашемъ къ судьбамъ своей жизни, каждый изъ насъ замѣтилъ, что есть невидимая сила, движущая обстоятельствами нашими часто сверхъ всякаго ожиданія, часто противъ всякаго желанія. Хочешь или не хочешь, а идешь и дѣйствуешь, какъ Богъ велитъ. Какъ же Онъ велитъ, — куда ведетъ, — что имѣетъ въ виду, — почему дѣйствуетъ не по нашему? Сколько долготерпитъ намъ, предотвращаетъ, поправляетъ, удерживаетъ или побуждаетъ насъ? Что далъ, чего не далъ, чего лишилъ? И множество другихъ богомысленныхъ вопросовъ надъ своею жизніею — все это также принадлежитъ къ Богословію. — Стань бого-

любець среди всѣхъ сихъ и симъ подобныхъ предметовъ богомыслия, и богословствуй въ назиданіе себѣ и утѣшеніе Церкви! Жатва многа откроется духу твоему. Пожинай, гдѣ хочешь и что хочешь, и собирай нетлѣнное сокровище въ житницу небесную, *идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ.* (Мат. 6. 20.).

Какъ Богъ есть общій всѣмъ Отецъ, и какъ Его любовь и промышленіе простираются на всѣхъ, и какъ всѣ наконецъ люди носятъ въ себѣ черты образа Божія, то всѣ безъ исключенія могутъ и должны богословствовать. Но уже самая неодинаковость естественныхъ дарованій въ людяхъ, средствъ и поводовъ боговѣдѣнія и т. под. указываетъ на призваніе ихъ къ неодинаковому богословствованію. Грѣхъ и сопутствующее ему помраченіе ума еще болѣе заставляютъ дѣлать различіе между богословами. Бога способенъ разумѣть, и, уразумѣвъ, проповѣдать только тотъ, кто чистъ сердцемъ, высокъ мыслию, силенъ духомъ, любитъ Бога и преданъ Церкви. — По блаженному обѣтованію Господа, *чистіи сердцемъ Бога узрятъ*, и слѣд. имъ только достошно и прилично быть богословами.

Богъ есть чистѣйшее и духовнѣйшее существо, а этого ни представить, ни почестъ за богоприличное совершенство не можетъ умъ нечистый, движимый нечистымъ сердцемъ! — *Горня! мудрствуйте а не земная; вышнихъ ищите, и дѣже есть Христосъ* (Кол. 3. 2), говоримъ апостолъ. Вездѣ конечно — Богъ, и всякое мѣсто исполнено владычества Его, но не вездѣ для страстной души равно удобно находить Его. Только тогда Онъ начинаетъ быть чувствуемымъ и понимаемымъ, когда никакое тревожное чувство не занимаетъ насъ, когда въ совѣсти царствуетъ глубокой миръ, когда умъ повсюду ищетъ только первой причины, послѣдней цѣли и всеобщей связи вещей, воображеніе и память занимаются самымъ лучшимъ, духовнѣйшимъ изъ всего, что имѣютъ, взоръ не приковывается къ пустому и мелкому, тѣло не отзывается радостнымъ трепетомъ на услажденіе чувства. Тогда только высокій и святой Богъ становится близкимъ человѣку, и можетъ дѣйствовать на него Своимъ духовнымъ, благодатнымъ просвѣщеніемъ. Люди, которые забываютъ, что *Духъ есть Богъ* (Иоан. 4. 24.), и земная мудрствуютъ, доходятъ до того, что имъ бываетъ *Богъ чрево*. (Филип. 3. 19.) Такіе люди, очевидно, не мо-

гуть и не должны быть богословами. — Истинный богословъ—далѣе—долженъ быть всегда вѣренъ одному образу и правилу мысли вѣры и жизни,—имѣть ровный и степенный характеръ, крѣпкую волю, собранный духъ,—не привязываться къ случайному, преходящему образу міра, не ревновать о пустоцвѣтной остротѣ, новости, занимательности, позорной и погибельной угодливости, ложной безпристрастности и безпредразсудочности взгляда и т. под. Самый опасный богословъ—богословъ неустойчивый, и на все стоворчивый, волнуемый то тѣмъ, то другимъ направлениемъ вѣка. Весьма легко ему вмѣсто Бога истиннаго, просвѣщающаго всякаго человѣка (Іоан. 1, 9.), поревновать о *Богъ вѣка сею, ослѣпляющемъ разумы* (2 Кор. 4, 4.). — Повидимому, въ самомъ имени богослова заключается мысль о человѣкѣ, преданномъ Богу и дѣлу Божию. Но въ душѣ нашей бываетъ странное явленіе. Чѣмъ ближе къ намъ предметъ занятія, тѣмъ менѣе мы уважаемъ, а затѣмъ и любимъ его. Въ этомъ отношеніи богословъ нерѣдко достоинъ бываетъ глубокаго сожалѣнія. — Холодность и жесткость сердца въ немъ, вольная или невольная будетъ она, есть несчастіе для него и для его занятія,—она можетъ уничи-

жить богословіе и обезславить Бога. *Богъ и любви есть* (1 Иоан. 4. 16.), и *нелюбви не позна Бога* (— 8), говорилъ первый Христіанскій Богословъ, истаевавшій отъ любви къ Господу, и постигшій тайну Трїединого Божества совершенноѣ всѣхъ людей. Его слова—урокъ для всего человѣчества;— съ любовію необходимо должна сочетаваться у богослова ревность по Богѣ, которая бы одушевила его, и ободрила стать на открытый подвигъ противъ невѣрія и лжевѣрія, суесловія и буетловія,— не убоялась бы ни угрозы, ни силы, ни стыда, ни позора, и не склонилась бы ни на какую приманку.—Всего нужнѣе наконецъ, полезнѣе и благоплоднѣе для богослова тѣсный союзъ съ Церковію и неизмѣнная вѣрность православію. По связи, въ какой находятся Церковь и православіе, православіе и вѣра, вѣра и богословіе, богословъ, не преданный Церкви, будетъ строить свое зданіе на песокъ (Мат. 7. 26), а непреданный православію—на водѣ. *Божія никтоже вѣсть, токмо Духъ Божій* (1 Кор. 2. 11.). А сей Духъ, *испытующій вся, и глубины Божія* (— 10), *наставляющій на всяку истину* (Иоан. 16. 13.), по обѣтованію Господа (Иоан. 14. 16.), пребываетъ въ Церкви, и устами ея представите-

лей (Дьяв. 15. 28) и научает нас богословію подобно тому, какъ некогда Онъ *рыбари богословцы* показа (стих. на мал. вечерн. Пятидесятницы). Только Духъ Божій можетъ отличить (1 Кор. 12. 10.) ученіе, *еже отъ Бога*, отъ ученія *духа лестца*; и только пріемница и носительница Его — св. Церковь православная — даетъ, потому, богослову богословіе чистое, истинное и спасительное. — И такъ — повторимъ сказанное — всѣ можемъ богословствовать, каждый въ своемъ кругу и въ своемъ родѣ, — въ свою мѣру силъ, средствъ, нуждъ, — всѣ призваны къ тому своимъ челоуѣчествомъ и своимъ христіанствомъ! Но еще Господь сказалъ, что *мнози суть званіи, мало же избранныхъ* (Мат. 22. 14.). Кто не сознаетъ себя способнымъ къ высокому и святому дѣлу богословствованія, тотъ уклонись отъ превышающаго силы а по тому весьма опаснаго, занятія! Кто не захочетъ уклониться, того могутъ вывести богословской вечера *во тму кромльшнюю*... (— — 13).

Остается предложить вниманію ревнителей богословія еще одинъ вопросъ, требующій рѣшенія въ высшей степени осмотрительнаго и совершенно обдуманнаго: какъ богословствовать? Невниманіе къ нему или ложное рѣшеніе его были (и

бываютъ) причиною всѣхъ (заблужденій, ересей и расколовъ въ Церкви. Откровеніе Божіе, какъ и всѣ дѣла Божественнаго творенія и промышленности, входя въ порядокъ дѣлъ человѣческихъ, становится предметомъ обыкновеннаго, человѣческаго (неполнаго, неопредѣленнаго, односторонняго..) пониманія, и Господь Богъ, вѣчная, единая, и вѣчно одна и та же, святая Истина, можетъ представляться столько же различнымъ образомъ, сколько есть способовъ представить Его. *Се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многихъ.. и въ знаменіе пререкаемо* (Лук. 2, 34.)—пророчественно произнесено было надъ младенцемъ Иисусомъ. Исторія Церкви долго свидѣтельствовала о непрерывномъ паденіи и востаніи разума, сокрушающагося о камень (1. Петр. 2, 8.) христіанской вѣры. Ереси и расколы сопровождали до позднѣйшаго времени православное ученіе.. Какъ же богословствовать? — Человѣкъ созданъ для истины, и, когда занимается ею, нудится дойти въ своемъ занятіи до послѣдней степени, — видѣть истину въ совершенной ясности. Привыкнувъ къ такому требованію ума, богословъ можетъ пожелать, чтобы и божественныя истины поняты и представлены были имъ въ такой же ясности.. Необдуманное, невы-

полнимое, а потому и незаконное желаніе! *Глаголемъ премудрость Божию въ тайны сокровенную* (1 Кор. 14. 7.), говорить, «начальникъ богослововъ» (на стих. Стихира Усп. пр. Богородицы), намеренно иновѣдавшій свое восхищеніе на степень яснаго разумѣнія вещей божественныхъ, и въ урокъ всеѣмъ сказавшій, что о слышанномъ имъ *не дльтъ есть чловѣку глаголати* (2 Кор. XII 4.). *Видимъ нынѣ, якоже зеркаломъ въ гаданіи. Отъ части разумѣваемъ* (1 Кор. 13, 9. 12), *и отъ части пророчествуемъ* (—9). *Узримъ же, якоже есть* (Іоан. 3. 2.), *тогда* (1 Кор. XIII 12), т. е. въ другомъ мірѣ. Такъ долженъ думать истинный богословъ. Слѣд. усиленные попытки раскрыть и довести догматы вѣры до всесторонняго, все-рѣшающаго разумѣнія можно почитать нападеніемъ на божественную истину. Онѣ обыкновенно ведутъ къ правдой игрѣ ума, къ натяжкамъ и несообразностямъ, къ упорству и крайностямъ, къ пустому и безплодному словопренію, но могутъ повести далѣе:—къ неуваженію богооткровеннаго ученія, къ сомнѣнію въ немъ, а за тѣмъ и къ явному отступленію отъ Апостольской вѣры,—что и случилось съ Церковію, примѣшавшею къ преданію Божию преданіе чловѣческое... Уче-

ность, хотя мало сознающая свои силы и средства, по обыкновенной самомнительности человеческой, часто берет на себя больше, нежели сколько можетъ взять, не уронивши своего дѣла, или не повредивши себѣ. Ученое богословское занятіе очень нерѣдко слѣдуетъ по тому же преступному пути: Что есть чистый даръ Божій, то ложный богословъ считаетъ собственнымъ достояніемъ и какъ бы произведеніемъ, и позволяетъ себѣ обращаться съ нимъ, какъ вздумаетъ. Ученіе о Богѣ истинное, богооткровенное и Богомъ уясненное, онъ произвольно измѣняетъ, дополняетъ или убавляетъ по личнымъ соображеніямъ, — въ намѣреніи усовершенствовать его, или «очистить» отъ кажущихся ему заблужденій, или же, огласивъ его сомнительнымъ и недовѣрчивымъ, остается при одномъ неопредѣленномъ, языческомъ богомыслии безъ живой вѣры, — можетъ остаться и безъ Бога, если только не обуздаетъ гордаго разума, и позволить ему востать на разумъ Божій. Такого рода извращенное богословствованіе заражаетъ собою другую часть христіанскаго міра — Церковь, назвавшую себя нѣкогда *преобразованною*, а нынѣ являющуюся подъ множествомъ, достойныхъ сожалѣнія, именъ не-христіанскихъ. — Есть еще

одинъ недугъ богословскій, столь легко навлекаемый и столь трудно врачуемый. Ученіе о Богѣ въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ и преподается въ истинномъ училищѣ боговѣдѣнія—въ Церкви, кажется слишкомъ живому чувству и живому разуму сухимъ, безжизненнымъ и безплоднымъ. На мѣсто того, что открыто Богомъ и засвидѣтельствовано тысячелѣтнимъ вѣрованіемъ, не призванный богословъ выдумываетъ свое, болѣе по его мнѣнію, уважительное и богоприличное. Догматы такъ обр. замѣняются у него мечтами, заповѣди—тайнымъ, незасвидѣтельствованнымъ внушеніемъ или просвѣщеніемъ Божиимъ, дѣйствительно-бывшее кажется ему только образомъ, простое и очевидное—загадкою, всему придаетъ онъ свой сумудренный смыслъ и толкъ. Это, враждебное вѣрѣ Христовой, богословствованіе, довольно но перѣдко въ неправославномъ мірѣ, къ сожалѣнію извѣстно и нашему отечеству. Есть люди и у насъ, ревнующіе о духовномъ боговѣдѣніи и о духовномъ богослуженіи, для коихъ церковное богословіе кажется недостаточнымъ и не вѣрнымъ,—у коихъ есть духовная церковь, духовная молитва, духовный, особенный, Христосъ, все духовное,—кромѣ жизни и души. *Сии суть*

ропотницы, укорители и ругатели.. по своимъ похотехъ ходяще и нечестивыхъ. Сии суть отдѣляюще себе отъ единости вѣры, и суть тѣлесни, душа немуща. (Гуд. 16. 18. 19.) Горькій для богослова приговоръ!

Столько опасностей для лучшаго изъ занятій человѣческихъ, и столько предосторожностей нужно совѣтовать богослову! Св. Церковь наша премудро ведетъ своего постника сперва къ училищу православія, а потомъ—богословія. Богословіе идущее за православіемъ, есть единственно истинное и законное.—Ревнующіе о богословіи братія! Хранимые своимъ православіемъ, мы избѣгнемъ, всѣхъ, указанныхъ нами, камней богословскаго претыканія.. Руководимые Апостольскимъ и Отеческимъ духомъ богословствованія, мы удовлетворимъ всѣмъ требованіямъ истинныхъ богослововъ.. Управляемые и вразумляемые Христовомъ Духомъ, дѣйствующимъ чрезъ своихъ представителей въ Церкви и государствѣ, и въ судьбахъ жизни нашей полагающимъ печать своего опредѣленія, мы поймемъ каждый свое призваніе, и будемъ богословствовать только въ его мѣру и въ его границахъ.. Все, что можетъ споспѣшествовать истинному богословствованію,—на нашей сторонѣ и въ на-

шихъ рукахъ! Не угасимъ же Духа, возженнаго въ насъ таинствами Церкви! Не будемъ холодными и безчувственными зрителями дѣлъ Божіихъ! Суевлиное время наше исключаетъ изъ ряду обыкновенныхъ, всѣмъ общихъ и необходимыхъ, занятій человѣческихъ богословствованіе, устремившись къ цѣлямъ болѣею частію совершенно житейскимъ. Польза, удовольствіе, удобство жизни и—много много почести—вотъ все, что обыкновенно занимаетъ насъ; живемъ—*ядуще и пьюще, желящися и посялающе* (Мат. 24. 38), а если и ревнуемъ о высшемъ упражненіи своихъ бессмертныхъ силъ, то болѣею частію опять *ни во что же ино упражняемся, разве глаголати что, или слышати новое* (Дѣян. 17. 21). Удивительно ли, что простолюдинъ, который бы захотѣлъ богословствовать въ кругу ученыхъ, вызвалъ бы у нихъ насмѣшку, или улыбку или, по крайней мѣрѣ, молчаніе, болѣею частію говорящее: *что убо хочетъ суесловивый сей глаголати* (— — 18)?.. Братія? Станемъ выше вѣка положительнаго. Десять ли талантовъ получили мы, пять ли, два ли, или только одинъ,—не согрѣшимъ противъ Подателя всяческихъ; будемъ всѣми ими дѣлать божественную куплю—богословствовать неуклонно и неуго-

мнѣ, дабы, когда придетъ Господь нашъ, и по-
 требуетъ отчета въ употребленіи даровъ Своихъ,
 намъ не найти себя вынужденными клеветать на
 Него, будто Онъ жестокъ есть,—жнетъ, гдѣ не
 сѣялъ,—собираетъ, гдѣ не расточилъ. Сѣменемъ
 Слова Божія засѣянь весь міръ. Дары Духа Свя-
 таго расточены во всякую вѣрующую душу. Оправ-
 данія слѣд. быть не можетъ. Горе, если и одинъ
 талантъ будетъ закопанъ въ землю. Что жъ ска-
 зать, если всѣ — десять, не только закопаны, но
 —хуже того—расточены безумно? *Плачь и скре-
 жетъ зубомъ*—вотъ мзда лѣнивому и лукавому
 дѣлателью! Аминь.

ВЕСЕДА

ВЪ ПЯТОКЪ ТРЕТЬЕЙ НЕДЕЛИ.

Великаго поста.

(На Пассиі)

Крыпчайшему болій искуса.

Кан. въ Вел. Пятокъ.

Слушая богоглаголивое повѣствованіе Евангелистовъ о страданіи Господа нашего Іисуса Христа, замѣчаешь, что все они съ особеннымъ участіемъ занимаются случившимся съ Апостоломъ Петромъ, достопаечивнымъ обстоятельствомъ, столько извѣстнымъ и столько памятнымъ всему христіанскому міру, — такъ какъ бы оно существенно

связывалось съ самымъ страданіемъ Господа. Безъ сомнѣнія ихъ богоносному духу очень разительными представлялись и крайняя немощь естества человѣческаго, оставляемаго Богомъ его собственнымъ силамъ, — и безпредѣльная благодѣтельность Божія, не только не презирающая падающаго, но еще съ сугубою готовностію снѣгающая помочь ему, — и безконечная премудрость Божія, путемъ паденія ведущая человѣка къ твердому и незыблемому стоянію! Изъ среды ихъ возникъ этотъ чудный урокъ для всего спасаемаго и спасающагося человечества, — возникъ въ самое рѣшительное, вѣчно памятное время, — возникъ въ лицѣ грѣбчайшаго вѣрою и мужественнѣйшаго духомъ Апостола! Нельзя было имъ не остановиться на немъ внимательною мыслью и признательною памятью. Еще достопримѣчательнѣе горестное событіе съ первоверховнымъ Апостоломъ для насъ — кающихся грѣшниковъ. Въ немъ одномъ можно находить всѣ величайшіе уроки жизни человѣческой. Къ нему мы и обратимся на сей разъ своимъ вниманіемъ и сочувствіемъ.

Апостолъ Петръ былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ учениковъ Господа, свидѣтелемъ многихъ сокровеннѣйшихъ явленій Его Богочеловѣчества.

Въ благодарность за вниманіе Учителя, отличный Ученикъ платилъ Ему горячайшею любовію, большею частію свѣшилъ предупредить усердіе къ Нему прочихъ Апостоловъ, — первый исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ, и первый за то получилъ блаженное обѣтованіе царства небеснаго. Онъ одинъ имѣлъ дерзновеніе говорить съ Господомъ свободно и дружественно (напр. *милосердѣ ты Господи. Къ кому идемъ? Добро есть намъ здѣ быти. Что уба будетъ намъ?* и проч.). — Апостоле Христовъ! Слово о тебѣ да не будетъ въ укоръ и въ позоръ мысли, ищущей въ величайшихъ лицахъ церкви величайшихъ уроковъ жизни, и да не отънѣтъ твоей богосвѣтлой памяти! Съ своего приснопамятнаго опыта увѣщевалъ ты насъ радоваться, когда мы будемъ прискорби въ различныхъ напастехъ; да искушеніе нашея вѣры многочислннѣе злата глблюща, огнемъ же искушена, обрящется въ похвалу и честь и славу (А. Петр. 1, 6. 7.). Искушеніе вѣры твоея обрѣлось тебѣ въ величайшую похвалу и честь и славу первоверховнаго апостола, столпа Христовой Церкви и дѣйствительнѣйшаго молитвенника за всѣхъ насъ. О, если бы молитвами твоими и наша скудная и немощная вѣра стала многочислнннѣею злата глблюща, огнемъ иску-

шена, и стяжала намъ похвалу, и честь, и славу въ царствіи общаго Отца нашего!

Когда приближалось время *пострадати* Христу и *внѣсти въ славу* свою (Лук. 24. 26.), Апостоль Петръ болѣе всѣхъ другихъ замѣтнымъ казался между блаженными учениками Господними,—отличался и силою вѣры и горячностію любви отъ всѣхъ ихъ. Всѣ они еще мало понимали своего Божественнаго Учителя (Мат. 20. 21; Лук. 22. 38. и др.), еще менѣе вникали въ свое къ Нему отношеніе; всѣ потому нуждались въ сильномъ и рѣшительномъ искушеніи своей вѣры. Но всѣхъ болѣе требовалъ этого Петръ, всѣхъ болѣе уповавшій на свои силы,—*крѣпчайшему болій искусь!* Исторія сего искуса началась приснопамятною божественною вечерью. Когда Господу угодно было назначить мѣсто для совершенія Пасхи въ Іерусалимѣ, по обычаю, посылается для этого Петръ. Не вѣдалъ блаженный Апостоль, какимъ горниломъ искушеній будетъ для него эта Пасха! Послѣ вкушенія тайной Вечери, неожиданно является *пря* между Апостолами о томъ, *кѣи мнит-ся ихъ быти болій?* (Лук. 22. 24.) Неизвѣстно, какое участіе принималъ въ этой прѣ Ап. Петръ. Надобно думать, что—не маловажное, потому что

въ слѣдъ за отвѣтомъ на нее, Господь обращаетъ къ нему, и говоритъ: *Симоне! Симоне! Се сатана проситъ васъ дабы съялъ, яко птеницу* (Лук. 22. 31.). Очевидно, эти слова были въяснительнымъ отвѣтомъ на причину, воздвигшую безвременную и неумѣстную прю, *Азъ же молихся о тебѣ, да неоскудѣетъ въра твоя* (—). На это глубокоуязвленный апостоль отвѣтилъ пока только слѣдующее: *Господи! съ Тобою готовъ есмь и въ темницу, и на смерть—ити* (—). Господь предрекъ ему его отреченіе.. Засимъ, продолжая отвѣчать на ту же прю, Господь *возсталъ отъ вечери, и положи ризы, и приѣмъ лентіонъ, препоясая, и начатъ умывати ноги ученикомъ* (Іоан. 13. 4.), давая образъ, да якоже Онъ сотворилъ, чтобъ и они творили. Всѣ ученики безпрекословно принимали знаменательное служеніе Господа, — одинъ Петръ воспротивился Его намѣренію, и сперва не позволялъ Ему умывать своихъ ногъ, а потомъ просилъ умыть не только ноги, но и руки и главу. Господь удержалъ порывъ духа его и отъ той и отъ другой крайности, приготовляя его къ грядущему искушенію.. *Егда же умы ноги ихъ, возлежъ паки, и возмутися духомъ, и свидѣтельствовавъ и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, яко единъ*

отъ васъ предастѣ Мя (21). Горькая и тревожная вѣсть эта заняла всѣхъ. Апостолы стали озираться, недомѣвая, о комъ глаголетъ (22) скорбѣть (Марк. 14. 19) злыи (Мат. 22), и спрашивать по одиначкѣ: *Еда азъ?*, *Еда азъ?* Господь не отвѣчалъ на ненужные вопросы. Въ это время Петръ, движимый глубоко оскорбленнымъ и озабоченнымъ чувствомъ, по ману возлежавшему на лонь *Иисусовъ* ученику *вопросити: кто бы былъ, о немъ же глаголетъ* (Иоан. 13, 24.) Господь отвѣчалъ, но отвѣтъ Его не дошелъ до Петра. Когда ученики узнали о предстоящей Господу опасности, и когда узнали, что опасность сія готовится однимъ изъ среды ихъ, всѣ возгорѣлись особенною любовью и преданностію къ Учителю. Когда потомъ святое общество ихъ освободилось отъ предателя, показавшаго первый несчастный примѣръ несогласія и разъединенія въ Церкви, Господь заговорилъ имъ о взаимной любви. Но, кажется, это мало занимало смущенныхъ учениковъ. Мысль ихъ обращена была на прежній предметъ. Отъ того мимоходомъ сказанныя слова: *А може азъ иду* (36) вызвали горячее чувство Петрово на новый вопросъ: *Последи! камо идещи?*—*А може азъ иду, не можши нынѣ по Мя ити*—отвѣчалъ ему Господь. *Почто*

нынѣ не могу по тебе жити? Душу мою за тя положу. — (36 и 37.). И снова Господь прорекъ ему его троекратное) отреченіе. — И востыше изыдоша въ втору вѣлеонскую (Мат. 26. 30. Здѣсь еще разъ Господь сказалъ горькое (и уже послѣднее) слово ученикамъ: *вси вы соблазнитесь о Мнѣ въ ноць сію* (31). И еще разъ ревность Петра вызывала его на возраженіе противъ словъ Господнихъ: *Аще и вси соблазнятся, но не азъ* (Марк.), — *азъ никогдаш же соблазнюся* (Мат.). И еще разъ Господь предрекаетъ ему его отреченіе. *Онъ же, настаивая на своемъ, многоже главолаше иначе* (Марк.): *и аще ни вѣсть и умрети съ Тобою, не отвержуся Тебѣ* (Мат.). Увлеченные мужественнымъ общаніемъ первоверховнаго, также и вси ученицы рѣша (Мат.). Святое, дѣтски-довѣрчивое и дѣтски-рѣшительное, и братство! Сколько искушеній еще предстояло пройти тебѣ, чтобы въ братвоу сдѣлалась *честивѣшею злата, о немъ искушена*. — Видя приближающійся исходъ свой, Господь всею немощью бѣднаго естества нашего возчувствовалъ тяжесть муки смертной, взявъ со собою трехъ приближеннѣйшихъ учениковъ (въ числѣ ихъ и Петра) *и начали тѣ скорбѣти и тужити*

(Мат.) и ужасатися (Мар.). *Прискорбна есть душа Моя до смерти*, сказалъ Онъ имъ—*будите здѣ, и бдите* (Марк.) *со Мною* (Мат.), *молитесь, да не увидите въ напасть* (Лук.), и—самъ отошелъ въ сторону на тягчайшій молитвенный подвигъ,—на безпримѣрную борьбу съ самимъ Собою.. Наступило время ученикамъ доказать свою рѣшимость—умереть съ Учителемъ, пришелъ часъ и Петру оправдать свое троекратное обѣщаніе.. Истомившись тягчайшимъ чувствомъ грядущаго мученія, Спаситель пожелалъ утѣшиться въ маломъ обществѣ своихъ избранныхъ, пришелъ къ нимъ, и—*обръте ихъ спящихъ!* (Марк.). О немощь плоти, обезсиливающая мужество духа! тогда именно овладѣлъ сонъ, когда всего менѣе можно было заснуть отъ тревожнаго ожиданія грозящей бѣды, и когда только что всѣ дали торжественное слово—и умереть съ Господомъ! Они спали *отъ печали*, говоритъ одинъ Евангелистъ (Лук. 22. 45.). Утѣшимся этимъ извиненіемъ. *Что спите?*—сказалъ имъ Господь,—*воставше молитесь, да не увидите въ напасть* (Лук.). Но когда общая мысль словъ Его не дошла до внутренняго слуха Апостоловъ, Онъ сказалъ Петру: *Симоне! спиши ли?..* Какъ не проснуться на этотъ тишайшій, сердечный

гласъ оставленной и пренебреженной любви! Ученикъ всталъ.. *Не возмоглъ еси единого часа побдѣти?! Бдите и молитесь, да не увидите въ напасть. Духъ бо бодръ, плоть же немощна!—И паки шедъ помолися. И возвращая, обрѣте я паки спяща!...* (Марк.) И снова пробудилъ ихъ. Но они уже неспособны были бдѣть: *бяху бо очеса ихъ тмяотна, и невѣдяху, что быша Ему отвѣщали* (Марк.). Господь уже не призывалъ ихъ болѣе къ бдѣнію. *И оставль ихъ, шедъ паки помолися третицею* (Мат.). *и прииде къ нимъ третицею, и глагола: спите прочее и почивайте! Приспль конецъ, прииде часъ..* *Востаните, идемъ! Се предай Мя приближися!* Нельзя было не встать. Укоръ и страхъ проникли въ сердца спавшихъ. Возрѣвши, они увидѣли опасность лицомъ къ лицу. Вспомнилъ Петръ обѣтъ свой, и *извлече ножъ, и удари Архїереова раба, и урѣза ему ухо десное* (Іоан.). Не нужная услуга! Безполезное усердіе! *Рече Іисусъ Петрови: вонзи ножъ въ ножницу* (Іоан.), *вси прїемшии ножъ пожемъ погибнуть* (Мат.). *Или мнится ти, яко немогу нынѣ умолити Отца Моего, и представитъ Ми вѣщше, неже дванадцать легиона Ангелъ?* (Мат.). Тягостное искушеніе вѣры воспламенившагося ревностію ученика!

Что же и значило: *не соблазниться*, какъ не то, чтобы не выдать Учителя? И чего же требовалъ Господь, когда убѣждалъ *бдѣть съ Собою?* Требовавъ молитвы. *Бдите и молитесь*, говорилъ Онъ, *да не увидите въ напасть.* Надобно было защищаться не мечемъ, а воодушевленіемъ, не отъ оружія и дреколій, а отъ *напасти*, т. е. отъ робости, отъ малодушія, отчаянія, измѣнничества, предательства. Все это стояло надъ головой ихъ, *Спира же и тысящникъ и слуги Иудейскія яша Иисуси, и связаша Его* (Іоан.). *Тогда ученицы вси, оставльше Его, бѣжаша* (Мат.). Плачевный конецъ величественнаго начинанія! *Вси рѣша: неотвернуся, аще и умрети, и—вси бѣжаша!* О бѣдность духа человѣческаго! Что заставило бѣжать? Столько времени находясь неотлучно при Спасителѣ, не видѣли ль они Его божественной славы, силы и власти? Не *пребыли* ль съ Нимъ *во всѣхъ* Его *напастехъ* (Лук. 22. 28)? Не видѣли ль и теперь, какъ отъ одного слова Его: *Азъ есмь, —* *пришедшіе за нимъ идоша вспять, и падоша на (земли)* (Іоан.)? Видѣли, и—несмотря на то бѣжали? Что же это значить? *Искушеніе въры.*—*И оставльше Его вси бѣжаша.* и Петръ? Бѣжалъ и Петръ. Но того, кто *сказалъ: вѣще и вси соблазнят-*

сн. поне азъ, — ожидало искушеніе — большее и
 сильнѣйшее нежели другихъ. *Крѣпчайшему болій*
искусь!
 Воини же емше Иисуса ведома къ Каиафѣ (Мат.), и
 Петръ издалеча въ слѣдъ Его иде до вѣнцы (Марк.),
 до двора Архіереова (Мат.). На первый разъ
 крѣпчайшій дѣйствительно не столько соблазнился
 сколько другіе, но крайней мѣрѣ — скоро раскаял-
 ся въ соблазнѣ. *И стояше при дверехъ вѣнцъ* (Іоан.).
 Боролась блаженная душа сама съ собой! И хотѣ-
 лось *видѣти кончину* (Мат.) необыкновеннаго со-
 бытія, и страшно было огласить себя привержен-
 цемъ Того, отъ кого уже разъ бѣжала. Думалъ какъ
 нибудь совмѣстить и то и другое, — проидти обык-
 новеннымъ путемъ нашего боязливаго двоедушія..
 Нѣтъ, — его ждало рѣшительное и прямое искуше-
 ніе вѣры! *Никтоже можетъ овладоути Господиномъ*
работати (Мат. 6. 24.). Или любовь, или страхъ —
 одно что нибудь оставалось апостолу; потому
 что *страха нѣсть въ любви* (Іоан. 4. 18)., и
бояйся не совершися въ любви (—), Наставленный
 Промысломъ, другій ученикъ, иже бѣ знаемъ ар-
 хіереови, замѣтилъ Петра, и рече дверницю, и
веде Петра (Іоан.). И такъ исполнилось слово
 его: *не отвернуся Тебе*. Теперь онъ — вмѣстѣ съ

Господомъ,—волей или неволей загладилъ грѣхъ бѣгства. Остается—и въ темницу и на смерть ити съ Нимъ.—И бѣ судя со слугами, и грѣясь при огни (Марк.). Откуда не ждалъ,—устремилось искушеніе. Раба дверница, пустившая его во дворъ Архіереевъ, вмѣстѣ съ нимъ сидѣла у огня, и, когда разговоръ сидѣвшихъ весь обратился на Христа, она, возрѣвши на Петра, сказала: *и сей съ Нимъ бѣ* (Лук.). *И ты былъ еси со Іисусомъ Галилейскимъ* (Мат.), *Назаряниномъ* (Марк.). Очень многіе были съ Іисусомъ,—тысячи народа ходили за нимъ.. Еще недавно весь городъ сръталъ Его съ ваіями.. Что же страшнаго въ призваніи, что и онъ былъ со Іисусомъ? *И—отвержесея предѣ всѣми, глаголя: нѣсмь* (Іоан.). *Женѣ! не знаю Его* (Лук.), *нѣсмъ, ниже знаю, что глаголеши* (Мат. Марк.)! Такъ на искушеніе отвѣчало неможеніе. Горестное событіе! Но душа, предпочищаемая для храма Духа Святаго, горѣла отъ невольной и нежеланной лжи. Петръ искалъ выдти со двора,—по крайней мѣрѣ стать вдали отъ народа. *И изыде вонъ на преддворіе* (Марк.), *—къ вратомъ* (Мат.). Искушеніе преслѣдовало его и туда. *И паки (другая)* (Мат.) *рабыня, видѣвши его, начатъ глаголати предстоящимъ, яко*

сей отъ нихъ есть (Марк.), — бѣ со Исусомъ Назареомъ (Мат.). Подъ ея голосъ стали многіе говорить Петру: и ты отъ нихъ еси (Лук.), отъ ученикъ Его еси (Іоан.). И—паки отвержеся съ клятвою (Мат.)! и рече: нльсмь (Іоан.)! Человѣче, нльсмь (Лук.)! Не знаю челоуѣка (Мат.). Что говорило сердце, когда языкъ навосилъ на него клевету за клеветою? У сердца былъ одинъ предметъ вниманія—Христось, за судьбою Коего всецѣло и нераздѣльно слѣдилъ истомленный заботою и предчувствіемъ, апостоль. Онъ не сочувствовалъ своей лжи, можетъ быть даже не вводилъ ее въ живое сознаніе, иначе бы онъ ранѣе вспомнилъ предсказаніе Господне. Ибо уже и пѣтель разъ огласилъ его своимъ урокомъ (Марк. 14. 68), и самъ онъ предпочелъ двору преддворіе.. И такъ искушеніе вѣтры его еще не было кончено. И мимошедшу яко часу единому (Лук.), приступивше стоящии рѣша Петрови: воистину и ты отъ нихъ еси: ибо бесѣда твоя явѣ ты творитъ (Мат.),—Галилеянинъ еси, и бесѣда твоя подобитя (Марк.). И инъ нлькій крыплящяся глаголя: воистину и сей съ Нимъ бѣ, ибо Галилеянинъ есть (Лук.). Не азъ ли ты видѣхъ въ вертоградѣ съ Нимъ?—глагола наконецъ единъ

отъ рабъ архіереевыхъ, южика сый тому, ему же Петръ урѣза ухо (Юан.). Искушеніе невыдержимое! Нападеніе неотразимое! Случай въ вертоградѣ заговорилъ ему слишкомъ гласно объ опасности, какая могла угрожать ему. Онъ отвелъ мысль отъ Господа къ самому себѣ, и—*начатъ ротитися и клятися, яко не вѣмъ чловѣка сего, егоже вы глаголете (Мат. Марк.).* Чловѣче! Не вѣмъ, еже глаголеши (Лук.)!... И абіе, еще глаголющу ему, возласи пѣтель (Лук.).

Искушеніе кончено. Дѣло сдѣлано. Петръ болѣе—не Апостоль! И намъ оставалось бы уже въ горести духа возопить воплемъ надъ своимъ чловѣчествомъ, въ лучшемъ изъ людей такъ неблаговидно себя высказавшемъ. Но насъ ждетъ умиленіе — гораздо глубочайшее!... И, обращя Господь, воззрь на Петра (Лук.). Можно ли, не возмущаясь духомъ, слушать разсказъ объ этомъ нѣмомъ, но столько наговорившемъ душъ Петровой взорѣ! Сколько тайнъ утѣшительнѣйшихъ, радостнѣйшихъ для христолюбца заключаетъ въ себѣ это обстоятельство! Господь стоялъ на судѣ; Его держали, Ему ругались, Его били, хулили, озлобляли всякимъ образомъ (Лук. 22. 63—65). Повидимому невозможно было Ему не быть внима-

ніемъ тамъ, гдѣ былъ тѣломъ. Съ другой стороны Господь стоялъ на верху, Петръ внизу; ихъ раздѣлялъ цѣлый дворъ, наполненный толпившимся и шумѣвшимъ народомъ.. Не смотря на все это—*абіе, еще сему малоюощу*, обратился Господь; и взоръ Его прямо палъ на отрекающагося ученика.. О, душа христоролюбивая, — не рѣдко мало-вѣрная, не рѣдко унывающая, не рѣдко роцущая! видишь ли, чѣмъ былъ Господь твой еще *во днѣхъ плоти Своея*? Въ жесточайшихъ страданіяхъ, Онъ мыслію былъ при томъ, кто отрѣвалъ Его отъ души своей, — не могъ видѣть его, но смотрѣлъ на него, обнималъ его любящимъ сердцемъ съ жалостію, съ милостію, — отеческою, братскою, дружескою.. Ужели ты думаешь, что теперь, — когда у Него *всяка власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18), — когда Онъ съ нами *во вся дни до скончанія вѣка* (Мат. 28, 20), — когда Онъ либитъ любящихъ Его (Іоан. 14, 21) — общался дать все, что ни воспросимъ отъ Отца во имя Его (13), — ужели Онъ не увидитъ, не услышитъ тебя, гдѣ бы ты ни былъ, чтò бы ты ни испытывалъ?. Только люби Его любовію Петровою и принимай все, что дастъ тебѣ Его Промыслъ, за спасительное *искушеніе* твоей *вѣры, многочестный*

ше злата иблюща, онемъ искушена.—Что сказа-
 залъ отрешемуся отъ Апостольства многоглаго-
 ливый взоръ? И помяну Петръ слово Господне,
 якоже рече ему, яко прежде даже пьтель не воз-
 гласитъ, отвержешися Мене трикраты (Лук.).
 Первоверховный не измѣнилъ своему высокому
 призванію. Нѣкогда Онъ сказалъ Господу: *изыди
 отъ Мене, яко мужъ зръшенъ есмь азъ* (Лук. 5. 8).
 И теперь, не смотря на весь пламень проникшей
 его взоромъ Господнимъ любви,—не смотря на
 неудержимое желаніе видѣть кончину Господню,
 сознаніе своего недостойнства и окаянства по-
 влекло его отъ мѣста, гдѣ былъ Господь. Все,
 до сихъ поръ таившееся подъ множествомъ и
 разнообразіемъ ощущеній, горе души выникло,
 раскрылось и обняло Апостола. И, *изшедъ вонъ,
 плакася горько* (Мат. Марк.)!

И уже не встрѣчается болѣе въ исторіи стра-
 данія, смерти и погребенія Господа, обыкновенно
 —столь частое, имя Петра. Гдѣ онъ былъ не из-
 вѣстно. Онъ лишилъ себя и безцѣннаго утѣшенія
 —оплакать послѣдній вздохъ Господа, не былъ и
 тогда, когда живоносное тѣло Его снимали съ
 креста и погребали чужія руки. Что онъ дѣлалъ?
Плакася горько! Уже былъ третій день послѣ то-

го, какъ уста его произнесли бѣдственный приговоръ его апостольству, онъ все продолжалъ плавать и рыдать (Марк. 16. 10.) Покойное чувство томило его смертельными, безутѣшными муками,—такъ что Благовѣстникъ Христова воскресенія счелъ нужнымъ особеннымъ образомъ поскорѣе утѣшить его, сказавъ женамъ: *идите рцыте ученикомъ Его и Петрови, яко варяетъ въ въ Галилеи* (Марк. 16. 7.). Услышавъ объ этомъ, Петръ забылъ и скорбь и стыдъ, и страхъ, забылъ и повелѣнiе—идти въ Галилею,—*воставъ, тече ко гробу* (Лук. 24. 12), но, нашедъ его пустымъ, *отыде, въ себѣ дивяся бывшему* (—). Пламенѣвшая душа его снова возмутилась. Уже не стало Господа не только живаго, но и мертваго! Можетъ быть, онъ уже стремился въ Галилею для неизреченнаго свиданiя, какъ Человѣколюбецъ самъ явился ему (34), и положилъ конецъ искушенiю его въры. Что сiе искушенiе дѣйствительно сдѣлало въру его *многочестнѣйшею злата, огнемъ искушена,* послужило Ему *въ похвалу и честь и славу*,—это видно изъ остальной исторiи Евангельской. При первой вѣсти о присутствiи Господа (Юан. 21. 7.) на берегу моря, онъ не вытерпѣлъ, и—не дожидаясь, пока корабль достигнетъ

берега, *вержеса въ море*; и вѣра его, поспѣшествуемая любовью, была уже такъ сильна, что измѣнившая ему нѣкогда стихія донесла его теперь безпрепятственно и невредимо, какъ легкую вѣтвь, до Спасителя,—такъ полна, что Господь троекратно потомъ черпалъ ее своимъ, судительнымъ помышленіямъ и мыслямъ, словомъ, и троекратно находилъ достойною части Церковь Свою,—такъ жива и дружественна, что выходила за предѣлы лица его, и имѣла дерзновеніе предложить уже вопросъ: *сей же что?* (21),—такъ чиста и высока, что вызвала у Господа пророчество послѣдней судьбы Апостола: *Егда же состарѣешия, въздѣжеши руку твою и инъ тя поышетъ, и ведеть, а може не хочеш.* (18).

Сколько разительныхъ уроковъ указанныя нами событія изъ жизни св. Апостола Петра содержать для кающагося сердца! И пламенная вѣра и совершенное ея оскудѣніе! И мужество и малодушіе! И ревность—*аще и умрети*, и холодный отзывъ: *человѣче, нльсьм!* И любовь къ истинѣ и клятвенное слово лжи! И безвременный сонъ и поздній плачъ! Но надъ всѣмъ этимъ волненіемъ духа бодренно стоялъ и возвышался въ апостольскій голосъ совѣсти, по его собственному выраженію, *благой*, въ слѣд-

ствіе котораго о всемъ, о немъ же клеветалъ на него клеветникъ братиіи нашея, аки на злодѣя, постыдился злословивый (1 Петр. 3. 16), — и апостолъ остался апостоломъ на созиданіе и пасеніе Христовой Церкви.

О, если бы и для нашего покаянія всегда оставалось въ душѣ нѣчто неизмѣнное, непреходящее, опираясь на что, благодать Божія могла-бы постыдить злословиваго клеветника нашего! И въ этомъ случаѣ въ рукахъ нашихъ болѣе средствъ удержать свое спасеніе, нежели сколько было у ищущаемаго апостола. Горькій опытъ его съ самимъ собою сказалъ ему, что *вопрошеніе совѣсти* благу даруется *воскресеніемъ Іисусъ-Христовымъ* (21). Слѣд. онъ, во время своей *папасты*, собственнымъ *посильнымъ* стояніемъ (не безъ содѣйствія конечно *Господняго* (Лук. 22. 31.)), отражалъ врага, потому что его покаяніе предварило собою *благодатное* воскресеніе Іисуса Христа. Мы же въ самомъ *крещеніи* уже получаемъ залогъ сей спасительной совѣсти (—). —И такъ, съ дерзновеніемъ да приступаемъ къ подвигу покаянія всѣ—и холодные и теплые въ вѣрѣ, и малодушные и неосмотрительно самонадѣянныя, и сонливые и бодрые, и робкіе и смѣлые, и искренніе и двоедушныя,—и оставльши Христа и забы-

вающіе о Христѣ и отказывающіеся отъ Христа, — всѣ изучимъ великій урокъ великаго апостола! Съ нимъ вмѣстѣ оплачемъ горько свою немощь и страстность, и съ нимъ вмѣстѣ поспѣшимъ на милостивый, трогательно-внимательный, призывъ Неба, забывая все — и страхъ, и сомнѣніе, и стыдъ, и скорбь, — заплатимъ за слабость мужественною рѣшимостію, за грѣхъ — добродѣтелію, и, услышавъ разрѣшительное слово: *иди по Миль* (Іоан. 21. 19), устремимся во слѣдъ Христу, хотя бы и намъ пришлось ради Его идти, *а може не хоцемъ*. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ТРЕТЬЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Явися великій Господень Кресте! покажи ми зракъ божественный красоты твояя нынь.

*Иже хочетъ по миль ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Миль грядетъ (Марк. 8. 34.), говоритъ Господь въ слышанномъ нынѣ евангеліи . Св. Церковь, отвѣчая на это, взимаетъ Его Крестъ въ память Его неизреченнаго самоотверженія, и износитъ оный для поклоненія вѣрующимъ, приглашая *очищенныхъ воздержаніемъ приступить, тепль облобызающе во хваленіи древо всесвятое.* (Кан. недѣли. Пѣснь 5-я.). Въ самое благопріятное спасенію нашему, время слышится*

спасительный призывъ Господа нашего Иисуса Христа; и самымъ благопотребнымъ образомъ зрится предъ очами нашими миролюбезный Крестъ Его! Уже три седмицы идемъ мы во слѣдъ Господа, приготовляясь сорокодневнымъ, по Его примѣру, постомъ и моленіемъ сочувствовать Ему въ дни искупительнаго служенія Его.. Но кто можетъ съ упованіемъ положиться на скудную заслугу своего крестоношенія? Нашъ Крестъ тогда только и можетъ быть истиненъ и дѣйственъ, когда находится въ неразрывномъ союзѣ съ Крестомъ Христовымъ, имъ благословляется, имъ освящается, утверждается, поддерживается, и уже послѣ сего дѣлается для насъ, въ своей мѣрѣ и степени, источникомъ спасенія. Въ устахъ пѣснословствующей Церкви на сей день одни только хвалебныя возглашенія къ Кресту Господнему, — *«нашему воззванію, пристанищу спасенія, міра утвержденію, дарованій источнику»* и т. под., какъ бы единственному нашему оправданію и поможенію. Еще рѣшительнѣе она отвѣтитъ на слова вынѣшняго Евангелія предъ самымъ вступленіемъ нашимъ въ крестоносный путь за Господомъ. *Днесъ благодать Св. Духа насъ собра, и вси вземше крестъ Твой глаголемъ* — воспоетъ она Сыну Давидову, грядущему во имя Господне. И здѣсь и тамъ —

все не нашъ, а Господень крестъ предъ очами Церкви. И можетъ ли быть иначе, когда по неизреченному челоѡколюбію Божію крестною смертію Сына Божія дѣло спасенія нашего до того облегчено, что теперь стоитъ только взяться крѣпкою мыслию и теплымъ чувствомъ за Крестъ Господень, чтобы ощутить благодать ига и легкость бремени нашего самоотверженія? Горькій и тяжелый крестъ очистительной жизни земной любовью Божію, чрезъ посредство любвеподательной Церкви Христовой, раздробила, такъ сказать, и разложила на множество малыхъ, легкихъ и радостныхъ крестовъ, которые и возмagaетъ на вѣрующихъ въ различные времена по различнымъ обстоятельствамъ въ теченіе ихъ жизни.

Можно ли не войти послѣ этого благодарною мыслию въ живое соотношеніе съ дѣломъ Божиимъ? Челоѡколюбець не только замѣнилъ насъ Собою предъ вѣчною правдою Отца Небеснаго, *бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13.), и раздравъ на Крестѣ рукописаніе грѣховъ нашихъ (Кол. 2, 14.),—не только началъ дѣло нашего спасенія, но восхотѣлъ до конца провести его, спасти насъ такъ, чтобы вся слава принадлежала Ему, намъ же—одно вѣчное блаженство въ сопричастіи Его славы. Какъ

всѣ дѣла Божія, и это облегченіе нашего крестоношенія совершается тайнымъ незамѣтнымъ для насъ образомъ. Крестъ (уже не нашъ, а Господень) входитъ въ жизнь нашу всѣми ея путями, сопричастствуетъ всѣмъ ея явленіямъ, управляетъ всѣми ея отношеніями. Вся жизнь христіанина теперь пригвождена къ животворящему Древу! Крестъ сопутствуетъ намъ во всю жизнь нашу, осѣняетъ и наше первое и наше послѣднее дыханіе на землѣ. Въ дѣтствѣ онъ нашъ пѣстунъ, въ юношествѣ — другъ, въ мужествѣ — сотрудникъ, въ старости путеводитель и успокоитель. При вступленіи нашемъ въ міръ, встрѣчаетъ насъ какъ свѣтильникъ, освѣщающій тайну и разгоняющій мракъ земной жизни. По выходѣ изъ міра становится для насъ жезломъ и палицей, съ которыми мы спокойно и безтрепетно поидемъ *посредь стѣни смертныя*. — По руководству Церкви пройдемъ благодарною и благоговѣйною мыслию чрезъ всю христіанскую жизнь, и посмотримъ на тайнодѣйственное служеніе Креста Господня нашему кресту.

Явися великій Господень Кресте! Покажи ми зракъ божественный красоты твоя нынь!

Прежде всего является вниманію нашему чета людей, ищущихъ вступить въ союзъ супружескій.

Они предстають предъ лице Всемогущаго и Вседѣющаго для принятія отъ Него себѣ всеплоднаго и вседѣтельнаго благословенія на совокупную жизнь и жизнепроизводительность. Въ залогъ взаимной любви и вѣрности представшіе приносятъ по обручальному перстню, и мѣною сего залога полагають начало всей дальнѣйшей мѣнѣ чувствъ и мыслей, заботъ и трудовъ. Минута важная, здѣсь начало супружеской жизни. *И возьмъ священникъ перстни, даетъ первѣ мужу, таже женѣ, и глаголетъ.. И егда речетъ, на единомъ коемъждо трижды творитъ крестъ перстнемъ на главахъ ихъ, и полагетъ ихъ на десныхъ ихъ перстѣхъ.* Вотъ осѣненіе крестное самыхъ началъ семейной жизни христіанъ!

Потомъ обрученные уневѣщиваются другъ другу. Въ духъ христіанской любви и чистоты, они вѣнчаются вѣнцемъ по подобію земныхъ владыкъ и ценовѣтелей. Здѣсь начало правъ рожденія и воспитанія христіанина, слѣд. минута опять одна изъ важнѣйшихъ; и опять потому животворящее знаменіе крестное является въ помощь благословенію священнослужителя. Ибо не прежде главы сочетающихся украшаются вѣнцемъ благоволенія Божія, какъ когда благословляющая рука іерея вмѣстѣ

съ вѣнцемъ изобразить надъ ними видимое, но неосязаемое, чудодѣйственное знаменіе. Такимъ образомъ, новобрачные выходятъ изъ храма уже съ хоругвью креста, подъ которою и сами будутъ идти потомъ, и поведутъ съ собою все, имѣющее произойти отъ нихъ, потомство.

Раждается дитя, и служитель Божій по обычной молитвѣ нарекаетъ ему христіанское имя. Давъ новорожденному этотъ первый даръ, Церковь немедленно скрѣпляетъ его всесильнымъ и всеспасительнымъ знаменіемъ. *Господи Боже нашъ*, говоритъ священникъ, *да знаменается крестъ единопороднаго Сына Твоего въ сердце и въ помышленіяхъ его, во еже быти суеты мѣра, и отъ всякаго лукаваго навѣта вражія, послѣдовати же повелѣніемъ Твоимъ, и въ это время знаменуетъ его чело, уста и перси, насаждая животворящее древо въ умѣ, сердцѣ и устахъ—исходищѣ жизни тѣлесной и духовной. Затѣмъ, въ знаменіе матерней любви Церкви къ будущему чаду ея, приметъ младенца въ свои объятія, и распростираетъ на немъ одно великое знаменіе крестное, подъ которымъ отсель должна совершаться вся жизнь и дѣятельность будущаго христіанина.*

Но не тотчасъ Церковь украшаетъ его симъ

священнымъ именемъ. Прежде она еще «огласить его словомъ истины, откроетъ ему Евангеліе правды». А чтобы оглашеніе имѣло всю силу и дѣйствительность, она прежде всего отгоняетъ отъ оглашаемаго духа лжи и противленія. Священникъ трижды дуетъ въ лице оглашаемаго, и знаменуетъ крестомъ его чело и перси, повелѣвая *Богомъ, показавшимъ древо живота, побѣдившимъ на древь сопротивныя силы, отступить діаволу отъ созданія Божія*. Съ сихъ поръ нечистый не касается готовящагося къ очищенію.

Настаетъ время «сопричестъ оглашеннаго Христову стаду, соединить его святѣй, соборнѣй и апостольстѣй Церкви» чрезъ святое таинство Крещенія. Въ начало священнодѣйствія, освящаются вода и елей. То и другое дѣйствіе совершается чрезъ дуновеніе, сопровождаемое троекратнымъ знаменіемъ креста. Освященные порознь, вода и елей соединяются вмѣстѣ, и сіе соединеніе снова производится чрезъ крестное знаменіе: *Священникъ, поя аммилуіа трижды съ людьми, творитъ кресты три елеемъ въ воду*. Потомъ приносится крещенный. Священникъ *вземлетъ отъ елея двумя персты* и въ третій разъ *творитъ креста образъ* на готовящемся къ просвѣщенію, знаменуя по-

рознь различныя части его тѣла, при чемъ кромѣ чела и персей знаменуются междурамія, уши, руки и ноги. По совершеніи крещенія, новый христіанинъ облачается свѣтлою одеждою въ знакъ благодатнаго просвѣщенія души его, — при чемъ благочестивое обыкновеніе налагаетъ на него вмѣстѣ съ одеждою *крестъ* для всегдашняго ношенія на персяхъ. Это — побѣдное знамя, подъ которымъ будущій воинъ Христовъ отсель будетъ ратовать съ грѣхомъ, и побѣждать начальника зла.

Но спасетъ ли война одно знамя, если онъ самъ не будетъ имѣть силы и искусства? Напротивъ, оно еще скорѣе можетъ погубить его, потому что на него преимущественно устремляются враги. И вотъ, Церковь въ новомъ таинствѣ сообщаетъ крещенному все потребное къ животу и благочестію, даетъ ему все духовное вооруженіе, — низводитъ на него дары Св. Духа въ то время, какъ священникъ помазуетъ его Св. Мвромъ, *творя креста образъ на чель и очесыхъ, и поздрыхъ, устыахъ и обоихъ ушесыахъ, и персыахъ и ногаахъ, и глаголя: печать дара Духа Святаго.*

Послѣ сего зачатствованія благодатію, отрожденному Духомъ остается только возрастать и крѣпиться духомъ, переходить отъ возраста въ

возрасть, пока достигнетъ мѣры возраста исполненія Христова. Гдѣ же будетъ укрѣплять духъ свой новый христіанинъ? Въ обществѣ христіанъ, — въ Церкви. И вотъ въ *четыредесятый день* паки приносится отроча ко храму во еже воцерковлятися, сіестъ: начало пріяти вводиться въ Церковь. Приклонши же ей (матери) главу вкупь со младенцемъ, творитъ священникъ креста знаменіе надъ нимъ, и, касаясь главы его, молитъ Господа благословить, возрастить, вразумить, уцѣломудрить, удобромудрствовать рожденное отроча, и, снова знаменуя, снова молится, чтобы Господь, храняи младенцы, отгналъ отъ принесеннаго всякую супротивную силу знаменіемъ воображенія креста Своего.—Таже пріемъ отроча, начертываетъ крестъ имъ предъ враты храма, глаголя: *воцерковляется рабъ Божій*...—дѣйствіе, надъ которымъ благочестивому зрителю нельзя не остановиться восторженнымъ чувствомъ, и не задуматься..

Остановимся здѣсь на время мыслію и мы, благочестивый читатель Креста. Великій крестъ Господень уже достаточно показалъ намъ зракъ божественной красоты своей. Мы прослѣдили не многіе дни изъ жизни христіанина, но дни пер-

вые, начальные, а слѣд. самые важные. И здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, хорошее начало составляетъ половину дѣла. Воцерковивъ христіанина, Церковь дѣйствительно слѣлала половину своего спасительнаго дѣла. Не грѣши онъ, — онъ можетъ, при сихъ дарахъ Церкви, получить вѣчное блаженство. — Мы видѣли, что крестъ Господень, предваривъ своею благодатною силою наше зачатіе въ утробѣ матери, по явленіи нашемъ на свѣтъ пятикратно осѣняетъ насъ своимъ покровомъ при пяти священнодѣйствіяхъ Церкви: нареченіи имени, оглашеніи, крещеніи, миропомазаніи и воцерковленіи, то ограждая собою исходища жизни нашей, то распростираясь по всему составу нашему въ знаменіе завѣтнаго, непостижимаго сочетанія нашего съ Распятымъ, то укрѣпляя собою главнѣйшіе органы нашей тѣлесной и душевной дѣятельности, то заключая насъ въ себя, какъ мать заключаетъ въ свои объятія младенца, то припадая къ нашему сердцу какъ другъ, какъ братъ нашъ, вѣрный и неизмѣнный. — Что же мы съ тобою, душа благочестивая, будемъ дѣлать въ уплату такой заботливости о насъ животворящаго Знаменія? Первое дѣло наше — понять все, что дѣлаетъ для насъ здѣсь Крестъ Госпо-

день, второе — не забывать понятого, третье — изъ памяти переводить въ жизнь. Надѣюсь, что понять намъ не будетъ трудно. Сама церковь помогаетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Незабывать тоже не трудно для того, кто любитъ не только вѣровать, но и размышлять о вѣрѣ. Остается стараться изводить крестъ изъ сознанія въ жизнь. Дѣло не легкое, но для христіанина гдѣ трудъ, тамъ и помощь. Предусмотрительность Церкви съ тѣмъ именно намѣреніемъ и возлагаетъ на насъ крестъ при крещеніи, чтобы мы не могли забыть о немъ, а, не забывая, обрѣтали въ немъ утѣшеніе и подкрѣпленіе. И дѣйствительно, кто изъ христіанъ, посмотрѣвъ на крестъ свой, не вспомнитъ всего, что сдѣлалъ для насъ Искупитель, распятый на немъ? Св. Крестъ съ давнихъ временъ Церкви называли сокращеннымъ символомъ вѣры. Первая мысль при взглядѣ на него у христіанина — мысль о Христѣ Сынѣ Божіемъ, вочеловѣчившемся насъ ради чловѣкъ и нашего ради спасенія, страдавшемъ, умершемъ, воскресшемъ, вознесшемъ, сѣдѣющемъ одесную Отца со Св. Духомъ, и во вѣки вѣковъ правящемъ Церковію чрезъ свои св. таинства — въ залогъ нашего воскресенія жизни вѣчной. А съ этой мыслию сколько

сопрягается другихъ мыслей высокихъ, спасительныхъ! На крестѣ всего яснѣ видится и красота нашей святолюбивой Церкви, и неизреченная сладость благъ вѣчныхъ, и тщетность земныхъ наслажденій, и крестный путь къ царствію небесному. Одинъ взглядъ на крестъ можетъ утѣшить несчастнаго, остановить злодѣя, вразумить забывшагося, умирить ожесточеннаго, обличить лицемернаго, наставить неразумнаго,—всѣмъ и каждому подать свѣтъ и жизнь. Не забывай же, возлюбленный, какъ можно чаще смотрѣть на чудодѣйственное Знаменіе. Не забывай думать, что тебѣ всюду сопутствуетъ, что у тебя всегда возлежитъ на персяхъ, Богомъ данный тебѣ, твой стражъ, твой хранитель, твой освятитель, другъ вѣрный и невзмѣнный, помощникъ скорый и сильный во всякое время твоей жизни.—Постигаютъ ли тебя какія несчастія и бѣды, припомни Крестъ, на которомъ былъ распятъ, страдалъ и умеръ за тебя твой Спаситель, и тебѣ оставилъ образъ жизни тѣсной и скорбной. Искушаютъ ли тебя нечистыя желанія и преступныя мысли,—опять обратись ко Кресту, на которомъ принесена была за тебя чистѣйшая и непорочнѣйшая Жертва.. Обуреваютъ ли тебя множество заботъ и попеченій житей-

скихъ, отвлекающихъ тебя отъ Церкви и Бога, скорѣе возьми свой крестъ и смотри на него долѣе и внимательнѣе,—онъ сладко и отраднo поговорить съ тобою о Томъ, кто не имѣлъ гдѣ главы поклонить, жилъ и всю жизнь посвятилъ на дѣло Божіе; онъ скажетъ тебѣ, что и твое *жительство* должно быть не здѣсь, а на *небесахъ*. Возгордишься ли какими-нибудь успѣхами жизни—довольствомъ, знаніемъ, почестями, всегда заманчивыми и обольстительными, хотя всегда ничтожными и жалкими?—опять смотри на твой грудной крестъ, и онъ много поучительнаго скажетъ тебѣ о Томъ, *иже во образъ Божій сый, не восхищеніемъ нещеча быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи челоувѣчествѣ бывъ, и образомъ обрътесе яко же челоувѣкъ, смирилъ себе, послушивъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. 2, 6. 7. 8.).

Лишь только крещенное, и запечатствованное дарами Духа Святаго, дитя начнетъ приходить въ возрастъ, родители или воспитатели первѣе всего научаютъ его творить крестное знаменіе. Такъ Церковь научила дѣлать ихъ, такъ въ свою очередь они научаютъ другихъ. Что же значить это таинственное употребленіе въ жизни нашей животво-

рящаго Знаменія? Глубокая мысль кроется въ немъ. Вникнемъ: берется правая рука, — дѣятельнѣйшій и могущественнѣйшій изъ членовъ тѣла нашего. Изъ перстовъ ея поемлются три первые, по видимому, обыкновенные, но между тѣмъ самые необходимыя участники во всемъ, что дѣлаеть человѣкъ. И такъ самое благороднѣйшее изъ служебной части тѣла взимается и освящается великимъ именемъ Пресвятыя Троицы. Это первая чувственная жертва христіанина своему Богу. Низведши благословеніе Пресвятыя Троицы на орудіе дѣятельности, христіанинъ возноситъ его на чело, — въ освященіе ума, низводитъ на перси — въ освященіе сердца, полагаетъ на плеча — въ освященіе дѣятельности; и такимъ образомъ освящается весь человѣкъ съ его позваніемъ, чувствованіемъ и дѣйствованіемъ. Чтожь выходитъ изъ сего освятительнаго дѣйствія руки? Крестъ. Сколько здѣсь высокаго, знаменательнаго, поучительнаго! И во первыхъ — умъ подь Крестомъ! Какой урокъ для тѣхъ, кои все испытываютъ, и ничего не оставляютъ вѣрѣ! — Сердце подь Крестомъ! Сколько тутъ утѣшенія для страждущаго человѣка! Подь Крестомъ — вся дѣятельность!.. Здѣсь цѣлая наука жизни христіанской. — Во вторыхъ, замѣчаешь ли, что еще вы-

ходить изъ крестнаго знаменія? Оно утверждаетъся въ сердцѣ—средоточіи жизни, возвышается въ головѣ—вмѣстилищѣ всѣхъ орудій познанія и чувствованія, и распростирается на руки въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ... Такова должна быть дѣятельность истиннаго христіанина! Освятительный Крестъ вѣры и жизни Евангельской долженъ непременно утверждаться въ сердцѣ, начинаясь впрочемъ распятіемъ ума съ его познаніями, и уже послѣ утвержденія въ сердцѣ, долженъ проявляться въ дѣятельности какъ внѣшней, такъ и внутренней.—Углубленіе и благочестивое чувство могутъ открыть много и другихъ значеній сего крестнаго знаменія, такъ что чѣмъ болѣе будешь размышлять о немъ, тѣмъ болѣе и болѣе онъ будетъ показывать тебѣ *зракъ божественной красоты своея*. Но главное: всегда имѣй въ виду, благочестивый христіанинъ, что, изображая на себѣ знаменіе крестное, ты этимъ свидѣтельствуешь предъ Господомъ, что готовъ во всякое время распять жизнь свою за славу Его всесвятаго имени, подобно тому, какъ Онъ былъ распятъ за славу твоего, поцраннаго и опозореннаго грѣхомъ и смертью, имени. Другой совѣтъ: не забывая высокой важности знаменательнаго дѣйствія руки

твоей, изображающей Крестъ Господень, не забывай совершать его совсѣмъ, приличествующимъ ему, благоговѣніемъ и опасствомъ, чтобы изъ знаменія спасенія твоего тебѣ не сдѣлать знаменія своего осужденія!...

Какъ побѣдное знамя Побѣдителя смерти, какъ орудіе нашего спасенія, какъ утверженіе и украшеніе Церкви, животворящій Крестъ употребляется вездѣ и всегда — во всѣхъ ея сношеніяхъ съ своими чадами. — Не долго омытый водами крещенія, христіанинъ остается чистымъ и свободнымъ отъ сквернъ грѣха. Падшая природа его неуклонимо влечетъ его къ новымъ и новымъ паденіямъ, и вкорѣ наслѣднику царствія угрожаетъ участь раба неключимаго. Прежде всѣхъ на помощь несчастному спѣшитъ св. Церковь, снимая съ него тяжелое бремя грѣха и разрѣшая его именемъ Господа человеколюбца: *конецъ же разрѣшенія сію глаголя, Іерей знаменуетъ крестообразно десницею кающагося...* Постигаютъ ли падшаго болѣзни другаго рода, — тѣлесныя, привлеченныя впрочемъ тою же болѣзнію духа; снова Церковь идетъ къ нему съ благодатнымъ таинствомъ, и по молитвѣ *вземлетъ Іерей струецъ, и омочивъ его во святыи елей, и помазуетъ болящаго крестооб-*

разно на чель, на ноздряхъ, на ланитахъ, на устахъ, на персьхъ, на рукахъ, на обѣ странѣ. — Случится ли Христіанину осъверниться, чѣмъ нибудь нечистымъ, недостойнымъ соприкосновенія съ его освященною и облагодатствованною природою, опять Церковь, силою Креста Господня, подаетъ успокоеніе и миръ его возмущенному духу. — Придетъ ли время сѣянія и жатвы, благословенія плодовъ, разрѣшенія яствъ и проч., всегда и вездѣ является Церковь съ освятительнымъ знаменіемъ Креста Господня. — Но если гдѣ преимущественно видится все царственное великолѣпіе Знаменія крестнаго, то наипаче въ храмѣ Божіемъ, гдѣ все запечатлѣно и украшено имъ. Самый храмъ нерѣдко имѣетъ видъ Креста, и всегда вѣнчается животворящимъ древомъ, свѣтозарнымъ и превознесеннымъ надъ всѣми обиталищами человѣка. Подъ его-то осѣненіемъ, какъ бы посредствующимъ между небомъ и землею, совершаются въ храмѣ Божіемъ всѣ священнодѣйствія Церкви, низводяція на землю благословенія небесныя. Входя во храмъ, со всѣхъ сторонъ окруженъ бываешь спасительнымъ знаменіемъ: видишь его изображеннымъ на иконахъ, на церковныхъ утваряхъ, на священныхъ одеждахъ и проч. Служитель алтари знаменуетъ

тебя рукою, помазуетъ елеемъ, кропитъ водою, благословляетъ Евангеліемъ, и все—крестообразно! Не много нужно времени, чтобы замѣтить, что крестное знаменіе участвуетъ необходимо во всѣхъ церковныхъ священнодѣйствіяхъ. Сколько опять пищи для благоговѣйнаго размышленія! Отчего столь частое, столь обширное употребленіе Креста въ Церкви? Отъ того, что, по ученію Церкви, въ немъ сокрывается непобѣдимая и непостижимая сила Господня, животворящая и освящающая всѣхъ, благоговѣйно подвергающихъ себя его осѣненію и прикосновенію. Сію-то преестественную силу стократно ублажаетъ Церковь въ своихъ пѣснопловіяхъ: *ты наше возваніе, Кресте всечестный* —говоритъ она, —*древо божоблаженное, саде небесный, благочестія непобѣдимая побѣда, дверь райская, вѣрныхъ утвержденіе, церкви огражденіе, имже тля разрушися и упразднися, и попрося смертная держава, и вознесохомся отъ земли къ небеснымъ,—оружіе непобѣдимое, бльсовъ сопротивоборче...* Особенно Церковь ублажаетъ Крестъ Христовъ за послѣднее его дѣйствіе. Сколько для нашей природы страшно и притрепетно приближеніе духа злобы, столько для его омраченной и нечистой природы страшно и нестерпимо освя-

ющее дѣйствіе Креста Господня. Зная это, вѣрующій во Іисуса Христа смѣло отражаетъ всякое покушеніе нечистаго духа однимъ простымъ изображеніемъ чудодѣйственнаго знаменія. За такую его божественную важность и силу Церковь превознесла его паче всякаго неодушевленнаго созданія Божія, и обращается къ нему какъ лицу, какъ существу, имѣющему не только разумъ и волю, но и могущество, высшее могущества людей и Ангеловъ. Таковъ взглядъ Церкви на Крестъ. Душа благочестивая! Зная это высокое, уже не значеніе только, а и дѣйствіе честнаго Знаменія, воздавай ему всю достойную почесть, гдѣ ты его ни увидишь, чти его какъ величайшую земную святыню. Памятуй, что только три священныя предмета почиваютъ и въ Христіанскомъ ковчегѣ Заѣта, — на престолѣ алтарей Христовыхъ чаша Заѣта, Евангеліе и Крестъ. Вспоминай, какая страшная сила заключалась въ образовательномъ Кивотѣ славы Господней! Одно прикосновеніе къ нему поражало смертію, одно пребываніе его въ землѣ нечестивыхъ низводило на нее опустошеніе и язву! Въ наше время любви и благодати божественная сила не обнаруживаетъ себя явленіями страха и погубленія; — тѣмъ болѣе мы должны

благоговѣтъ предъ нею — зная, что ради насъ ради нашего спасенія божественная сила, такъ сказать, смиряется, не являетъ себя вполнѣ, щадя наше безсиліе. Подобно тому, какъ Спаситель произвольно смирилъ себя, скрывая божество свое до тѣхъ поръ, пока не приспѣло время прославиться Сыну Человѣческому, и — Крестъ Его теперь рѣдко видимо и ощутительно обнаруживаетъ свою страшную силу; но настаетъ время торжества Церкви, когда она чистая и святая освобождается отъ всѣхъ плевель растущихъ на ея благодатной нивѣ. Для прославленія ея *силы небесныя подвижутся, и тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси, и тогда восплачутся предъ Нимъ вся колѣна земная.* О чемъ восплачутся? Весьмо о многомъ; но преимущественно — о томъ, что явившееся царственное Знаменіе спасенія міра, по ихъ преступному небреженію, не послужило имъ во спасеніе.

Время поядаетъ временное — это всеобщій необходимый законъ бытія земнаго, которому подчинень и Христіанинъ. Волѣ Отца небеснаго угодно было, чтобы человѣкъ, совершивъ назначеніе свое на землѣ, возвращался къ нему путемъ смерти и тлѣнія. И вотъ тайна смерти совершается. Христіа-

нинь идетъ въ страну новую, невѣдомую и въ мертвенныхъ рукахъ его мы опять видимъ древо крестное! Церковь науткуетъ усоншаго молитвами и пѣснопѣніями, при чемъ неоднократно призываетъ на помощь себѣ спасающее Знаменіе. Наконецъ земля, зинувши, пріемлетъ землю, и священникъ, *взеть персть лопатою, крестовидно метъ сверху могилы*. И уже нѣтъ между нами того, кто жилъ и дѣйствовалъ на землѣ! Небольшой холмъ покрываетъ прахъ его! Живые оставляютъ отжившаго.. Но неотступно стоитъ надъ нимъ и охраняетъ его могилу день и ночь, какъ стражъ безмолвный и неподвижный, Крестъ Господень! Животворящее древо надъ прахомъ умершаго! Какъ многознаменательно, утѣшительно и отрадно это сближеніе смерти съ жизнью!.. Но не всѣмъ и не всегда, можетъ быть, оно такъ кажется? Краткая и горькая жизнь наша все еще носитъ въ себѣ остатки благословенія Божія, — много имѣетъ въ себѣ заманчиваго и обольстительнаго. Мы невольно привязываемся къ ней, и болѣе всего страшимся смерти — своей или своихъ любимыхъ. Въ этомъ случаѣ могильный крестъ, живой указатель и наоминатель грознаго будущаго или печальнаго прошедшаго, очень часто не только не радуется насъ, но гонитъ отъ

себя какъ страшный, зловѣщій призракъ, какъ бы уже переставая быть тутъ нашимъ осытитель, животворителемъ и утѣшителемъ.. Здѣсь то особенно умѣстно намъ вмѣстѣ съ священнымъ Пѣвцемъ воскликнуть: *явися великій Господень Кресте! Покажи ми зракъ божественный красоты твоя нынѣ*, —нынѣ, когда страхъ смертный представляетъ мнѣ тебя безобразнымъ и ужаснымъ. Ужели ты, насажденный посреде земли, какъ древо жизни посреди Рая, — въ радость и счастье, на могилѣ перестаешь быть тѣмъ же?.. Бр.. не то долженъ возбуждать въ душѣ нашей сей послѣдній Крестъ. Церковь знаетъ сердце наше и хочетъ могильнымъ крестомъ съ одной стороны утѣшить, а съ другой — предохранить насъ. Ибо если на могилѣ стоитъ крестъ, то это значить, что погребенный подъ нимъ находится подъ защитою и покровомъ Жизнодавца, на Крестѣ поправшаго смерть и воскресеніемъ Своимъ увѣрившаго всѣхъ въ будущемъ всеобщемъ Воскресеніи. Обращая же мысль нашу отъ Креста на самихъ себя, Церковь желаетъ сказать намъ только кроткое свое: *помяни послѣдняя, и престани враждовати; помяни истыяніе и смерть, и пребывай въ заповѣдяхъ* (Сир. 28. 6.)... Если гдѣ болѣе всего

выступаетъ изъ-за искупительнаго и оправдательнаго Креста Господня нашъ собственнѣйшій доверительный крестъ, то это передъ могилою, — въ виду нашей смерти, гдѣ чувство близкаго суда Господня заставляетъ насъ строже и взыскательнѣе смотрѣть на истекшую жизнь нашу, и гдѣ совѣсть наша невольно мятется страхомъ за свое свидѣтельство предъ нами о Богѣ, предъ Богомъ о насъ... Спасительный крестъ могильный! Сколько погибающихъ душъ спасетъ онъ этимъ своимъ служеніемъ! Онъ ограничитъ незаконный излишекъ упованія нашего и умѣритъ преувеличенное сознаніе нашей безнадежности, — соединитъ оба креста въ едино, — заставитъ христіанина идти во слѣдъ Христу, — распнетъ его со страстями и похотями его. — умертвитъ грѣху и оживитъ Богу. Аминь.

ВЪСЪДА

ВЪ ПЯТОКЪ ЧЕТВЕРТОЙ НЕД. ВЕЛИКАГО ПОСТА.

(На Пассіи.)

Любы николиже отпадаетъ.

1 Кор 13. 8.

Послѣ того, какъ въ прошедшія собранія мы познакомились съ любовью, которая отпала и не возвратилась въ преступное сердце, — и съ любовью, которая отпала, но потомъ вознаградилась съ сугубою горячностію, теперь отраднo посмотрѣть на любовь, которая *николиже отпала*, — на ту совершенную любовь, которая, по слову Апостола, *долготерпитъ, милосердствуетъ, не*

завидитъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему вѣру ея, вся уповаетъ, вся терпитъ (1 Кор. 13. 4—7.) вонъ изгоняетъ страхъ (Іоан. 4. 18), любить не словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истинною (3. 18.), заставляетъ по братіи душу пол агати (— 16), знаетъ Бога (4. 7.), соблюдаетъ заповѣди ея (5. 3.), и дерзновеніе имѣетъ въ день судный (4. 16.), — на любовь живую и олицетворенную, — на возлюбленнаго ученика Христова, пребывшаго съ Господомъ во всѣхъ Его напастехъ, до самой большей, тягчайшей напасти—крестной смерти.

Подобно нѣкоторымъ другимъ Апостоламъ, и лице Апостола Іоанна не было нигдѣ замѣчено особенною какою-нибудь чертой до дней страданія Господа. Самое имя его скрывалось за другимъ, болѣе общимъ, именемъ сына Зеведева. Извѣстенъ случай,—когда оба сыны Зеведея, увлекаясь ревностію по славѣ своего Учителя, желали низвести истребительный огонь съ неба на землю (Лук. 9. 54.). Въ другой разъ они же (и опять оба) научаемые матерію, просили у Господа чести съѣсть

въ царствіи Его одному—одесную, другому—ошуюю Его (Марк. 10. 35.). Но сколько Іоаннъ лично участвовалъ въ томъ и другомъ желаніи,—неизвѣстно. Незвѣстность была любимую долею, возлюбленнаго Христу Богу, ученика. Его характеръ былъ—молчаливое смиреніе и стыдливая скромность,—несомнѣнные указатели высокаго духа и чистаго сердца. Если бы онъ не написалъ намъ своего Евангелія, мы бы никогда и не узнали о томъ, что онъ былъ *ученикъ, его же любяще Іисусъ*. Такъ мало думалъ онъ выступать и показываться своею личностію въ кругу Апостоловъ! *Вся слава* его была *внутри* (Пс. 44. 14.)—въ его глубокой, тихой, безотвѣтной, вседушевной привязанности къ Господу.

Приближаешься же праздникъ опрьснокъ, глаголемый Пасха... И посла (1. 10.) Петра и Іоанна рекъ: шедша уготовайте намъ пасху, да ямы (Лук.). Много разъ мы встрѣчаемъ еще послѣ того имена сихъ Апостоловъ соединенными вмѣстѣ, и какъ бы первенствующими между прочими. Общество учениковъ Христовыхъ, доколѣ не было крещено Духомъ святымъ и огнемъ, носило въ себѣ всѣ начатки жизни ветхой; а потому, и влекомые къ почести *вышняго званія*, они нерѣдко

на горняя смотрѣли очами дольными. Проповѣданное Иисусомъ Христомъ, царство они —Его первые послѣдователи—первѣе всего считали своимъ, и, считая такимъ, не могли удержаться отъ искуссительнаго вопроса: кто бы изъ нихъ былъ *болѣе* въ этомъ царствѣ. Сообщенныя имъ, чудодѣйственныя силы начинающагося царствованія *со Христомъ въ Богъ*, они готовы были считать уже своею собственностію, и мѣру ихъ приписывать мѣрѣ своихъ заслугъ.. Замѣтное предпочтеніе изъ нихъ однихъ другимъ, дѣлаемое Спасителемъ, еще болѣе держало ихъ на мысли о неравенствѣ ихъ другъ другу.. Все такимъ образомъ располагало ихъ къ тому, чтобы имѣть въ некоторое соперничество въ своемъ кругѣ. Болѣе другихъ въ этомъ отношеніи высказали себя сыны Зеведея, хотя можетъ быть поводомъ къ тому въ нихъ было не сознаніе особенныхъ какихъ-нибудь въ себѣ достоинствъ, а увѣренность въ наибольшей любви и преданности своей ко Господу. Это высказалъ отчасти Іоаннь, когда на упрекъ Спасителя ихъ не-христіанскому состязанію о первенствѣ отвѣчалъ извѣстіемъ, что они запретили тому, кто не ходилъ съ ними, изгонять именемъ Христовымъ бѣсовъ (Мар. 9. 38.). И дѣйствительно, только степень усердія и

привязанности ихъ къ Господу давали имъ вѣкое преимущество предъ прочими. И чѣмъ ближе наступалъ часъ откровенія царства Божія на землѣ, тѣмъ сіе, единственно законное, преимущество становилось очевиднѣе. *Петръ* и *Іоаннъ* выходятъ изъ ряду всѣхъ прочихъ Апостоловъ, какъ представители—одинъ—любви сильной, пламенной, рѣшительной, другой—тихой, глубокой, безмолвно преданной и послушливой.—При наступленіи праздника и та и другая любовь посылаются уготовать Учителю вечерю любви. *И изыдosta ученика Его, и прїидоста во градъ, и обрѣтоста, якоже рече има, и уготоваста пасху. И вечеру бывшу прїиде со обѣманадесяте* (Марк.), *и егда бысть часъ, возлеже, и обанадесяте Апостоли съ Нимъ* (Лук.). Послѣдняя трапеза растворила сердца собесѣдниковъ теплѣйшимъ сочувствіемъ. *Желаніемъ возжелль* Господь *ести пасху съ возлюбленными имъ до конца.* Любовь и изливалась съ устъ Его потомъ въ продолженіе всей пасхальной вечера. Здѣсь мы узнаемъ тайну благовѣствовавшего намъ нынѣ Евангелиста, которую, переполненное сластію божественною, сердце его нудилось высказывать, не смотря на робость любви смиренной и на радость любви сокровенной. Здѣсь мы узнаемъ, что

Иоаннъ былъ ученикъ, и едоже любяще Иисусъ..
 Понимаемъ теперь, почему и прежде онъ невольно
 увлекаемъ былъ въ вопросы о большемъ или
 меньшемъ значеніи своемъ у Учителя. Любовь къ
 нему Иисуса Христа, безмолвно стяжеваемая и
 изучаемая имъ, составляла все — его сокровище,
 все его благополучіе. Много разъ, можетъ быть,
 неудовлетворенное во всю полноту тамаго чувст-
 ва, сердце его теперь исполнено было совершен-
 нымъ довольствомъ и блаженствомъ. Ученикъ
 увидѣлъ, что онъ дѣйствительно любимъ — и лю-
 бимъ паче всѣхъ. Онъ бы возлежа на лопь Иису-
 совъ.

Когда вѣсть о предательствѣ неожиданно пора-
 зила всѣхъ присутствовавшихъ, и когда Господь
 не хотѣлъ удовлетворить общей пытливости, что-
 бы не воспрепятствовать близившемуся исходу
 Своему, неудержимый пламень ревности Петровой
 прибѣгъ къ рѣшительнѣйшему средству узнать
 тайну. Поману же сему (т. е. Иоанну.) Симонъ
 Петръ спросити: кто бы былъ о немъ же глаго-
 летъ. Послушная любовь спѣшила исполнить
 желаніе предприимчивой ревности. Нападъ же той
 на перси Иисусовы, глагола Ему: Господи! Кто
 есть? — На голосъ дѣтски преданной и довѣрчивой

души Возлюбленнаго Господь не могъ отказать въ отвѣтъ, не смотря на опасность, которая грозила предателю отъ обнаруженія его замысла. Но Господь о зналъ, что онъ довѣряетъ тайну тому, кто привыкъ слагать тайны въ сердца. *Отвѣща Исусъ: той есть—ему же Азъ омочивъ хлѣбъ подамъ.* Сія близость и довѣрчивость Господа, видимымъ образомъ исключавшая Иоанна изъ ряда всѣхъ прочихъ, положила на уста сего печать безмолвія, и сказанное Господомъ осталось неизвѣстнымъ для Апостоловъ.—Но то, чего никтоже разумѣеть возлежащихъ, и что изгнало нечистаго отъ сонма чистыхъ, должно было представить Иоанну положеніе Господа въ самомъ печальномъ видѣ. Близость горестной разлуки съ Нимъ и предчувствіе страшной участи Его, давно предсказанной самимъ Имъ, и предвидѣнной учениками (Иоан. 11. 8.), и теперь видимо наставшей для Него (Мат. 26. 42. Лук. 12. 15. 16. 18. 22. 34. 36. 37. Иоан. 12. 7. 24. 27. 32. 13. 19.), — смущенное состояніе самаго Господа, — наступающая ночь, — быстрое удаленіе предателя, — все это должно было тяжело пасть на тихую и робкую душу Иоанна. Чѣмъ менѣе оставалось времени быть вмѣстѣ съ Господомъ, тѣмъ ближе привергалась душа ученика къ

Учителю. Какъ Учитель, въ это чрезвычайное время, былъ *весь—желаніе*, такъ Ученикъ — *весь—вниманіе*. Все, что говорилъ Иисусъ Христосъ на прощаніе Апостоламъ, Іоаннъ слагалъ въ признательной памяти, и сохранилъ такимъ образомъ Христіанскому міру то, что есть наилучшаго, драгоцѣннѣйшаго и досточтимѣйшаго на землѣ для ума и сердца. Только его совершенной, невозмутимо-спокойной любви возможно было передать слово въ слово высокую, ни съ чѣмъ несравнимую, спасительную бесѣду оканчивавшаго подвигъ служенія своего Искупителя міра.

Да любви еяже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ. Такъ заключилъ молитвенное воззваніе свое къ Богу-Отцу Божій Сынъ. *И сія рекъ, изыде со ученики своими на онъ полъ потока кедрска, идъже бѣ вертоградъ, въ онъже видѣ самъ и ученицы Его (Іоан.). И поятъ Петра и Іакова и Іоанна съ Собою.. и глагола имъ: прискорбна естъ душа Моя до смерти: будите здѣ и бдите (Марк.). И Самъ отступи отъ нихъ яко верженіемъ камене, и поклонъ колѣна моляшеся (Лук.).* Не смѣли ученики пойдти за Учителемъ; не могли и молиться, оставшись одни. Печаль и предчувствіе отнимали всякую силу у мысли и крѣ-

пость у воли. Изнемогшая отъ бдѣнія и волненія душевнаго, плоть тяготила бодрый духъ, и — ученики заснули! Не устояла и любовь Наперсника! Проснулись тогда, когда увидѣли себя окруженными на родомъ, и когда ихъ стали брать подъ стражу. Но, — еще не приспѣло имъ время пить чашу, которую пилъ Учитель ихъ, и креститься крещеніемъ, которымъ Онъ крестился! *Аще убо Мене ищете, оставите сихъ ити* (Іоан.), сказалъ Господь. *Тогда ученицы вси, оставльше Его, бѣжаша* (Мат.). Если — вси, то и — Іоаннъ? Если и бѣжалъ, — то именно туда, куда вели Іисуса. *По Іисусъ же идяше Симонъ Петръ и другій ученикъ* (Іоан.). О Петръ знаемъ, что онъ шель *издалеча* (Мат. Марк. Лук.). *Другій же ученикъ*, котораго смиренномудренная скромность св. Писателя не позволила обозначить именемъ, бѣ знаемъ *Архіереови*, и потому безбоязненно *виде со Іисусомъ во дворъ Архіереовъ*, слѣд. онъ шель вмѣстѣ съ Господомъ! Такъ! Любы *николиже отпадаетъ*, и *совершенство любви вонъ изгоняетъ страхъ*. — Сія совершенная любовь привела къ совершенству и другую, еще не совсѣмъ искушенную, любовь. *Петръ же стояше при дверехъ виль*. *Изыде убо ученикъ той, иже бѣ знаемъ архіереови, и рече дверницъ, и введе Петра*. — Когда лю-

бовь искушаемая плакала горько отъ раскаянія, любовь совершенная можетъ быть также горько плакала отъ горестнаго зрѣлища обвиненія, мученія и осужденія Возлюбленнаго ея. — Съ такую подробностію описанныя Іоанномъ событія во дворцѣ Пилата заставляютъ думать, что *другій ученикъ* былъ и тамъ со Іисусомъ, и слѣдилъ за всѣмъ съ живымъ участіемъ сердца. Онъ видѣлъ, какъ Господь неся крестъ свой, — какъ былъ распятъ, — какъ четыре распявшіе Его воина дѣлили между собою Его одежды. Тогда какъ прочіе *всеи знаменіи Его* (въ томъ числѣ конечно и Апостолы) *стояху издаля, зряще сія* (Лук.), *ученикъ, егоже любяше Іисусъ*, вмѣстѣ съ Преблагословенною Матерію Господа, стоялъ у самаго креста. Двѣ теплѣйшія души устремлены были къ умиравшему Жизнодавцу... Это было послѣднее утѣшеніе Утѣшителю рода человѣческаго. Двѣ сіи души, столько сходныя между собою и кроткимъ, молчаливымъ характеромъ и чистотою сердца, и высотой вѣры, и глубиною любви къ Іисусу Христу, вызвали умирающаго Господа на заботливое слово о судьбѣ ихъ *Іисусъ же видѣвъ Матерь и ученика стояща, егоже любяше, глагола Матери своей: жено! Се сынъ твой. Потомъ глагола ученику: се мати твоя! И отъ*

того часа поять ю ученикъ во свояси (Іоан.). Блаженнѣйшая доля! Теперь ученикъ сталъ не только близкимъ, но и роднымъ Господу. Онъ принялъ подъ кровь свой Матерь Божію, и имѣлъ радость поковтъ Ее до самаго Ея всечестнаго усненія. Любовь его къ Спасителю, безграничная и вседушевная, заслуживала того, чтобы ей имѣть утѣшеніе и въ то время, когда всѣмъ ученикамъ Христовымъ оставалось только плакать и рыдать въ страхъ и отчаяніи. И это утѣшеніе Іоаннъ получилъ въ Матери Господа,—отселъ и его матери.

Чтобы до конца изучить любовь Іоанна, надобно послѣдовать за нею и въ свѣтлый міръ прославленія Іисуса Христа.—Чѣмъ глубже была любовь ученика къ Учителю, тѣмъ чувствительнѣе должно было казаться ему сиротство его. Но—*любы долготерпитъ*.. Безмятежный миръ, почивавшій всегда въ чистомъ сердцѣ, по завѣщанію Господа (Іоан. 14. 27.), долженствовалъ хранить преданную Богу душу и теперь. Какъ ни горько было разстаться съ прежнею радостію духа, съ прежнимъ образомъ мыслей и жизни, съ прежними надеждами и предположеніями, но дѣлать было нечего... Учителя не стало! Оставалось въ чистой, безукоризненной памяти прошедшаго искать отрад-

вѣишихъ утѣшеній для нерадостнаго настоящаго.. Такъ прошелъ великій день субботы. Рано утромъ во едину отъ субботы неожиданно, въ смущеніи и страхѣ, прииде къ Симону Петру и къ другому ученику, ея же любяще Иисусъ, Марія Магдалина, и глагола има: взяша Господа отъ гроба. Оба ученика, одушевляемые однимъ чувствомъ, побѣжали ко гробу. Течаста же оба вкупль: и другій ученикъ тече скорѣе Петра, и прииде прежде ко гробу. Не видно ли, какъ любовь, безмолвная словомъ, громогласно говорила дѣломъ? И пламенная неудержимая ревность отстала отъ тихой сокровенной спѣшности летѣвшаго къ Господу сердца! О, скоро ты утѣшишься святое боголюбивое чувство! — И прииди, видь ризы лежаща, обаче не вииде. Что же удержало? Опять таже сокровенная, совершенная любовь! Довольно было и видѣннаго, чтобы вседушевно заняться и опечалиться новымъ лишеніемъ. Гдѣ встрѣтила скорбь, тамъ и осталась тихая душа! Она ждала себѣ побужденія отвнѣ; и когда Петръ успѣлъ осмотрѣть уже въ подробностяхъ богопріемную пещеру, и дѣйствительно не нашель тѣла Господа, тогда только вииде и другій ученикъ, пришедый прежде ко гробу, и видь и въ рова—тому, что уже прежде знало сердце, но въ

чемъ страшилось убѣдиться совершенно.—Были ли особенныя какія утѣшенія воскресшаго Спасителя ученику, его же любяше во дни плоти своея, еще сый съ учениками—смиранный Благовѣстникъ не считалъ пужнымъ возвѣститъ намъ. Но мы знаемъ, что любовь его скорѣе всѣхъ другихъ научилась понимать преображеннаго и прославленнаго Господа своимъ особеннымъ, внутреннимъ образомъ.

—Однажды ученики Христовы, послѣ того, какъ цѣлую ночь безуспѣшно провели въ ловитвѣ рыбъ, рано утромъ изъ кораблеца увидѣли на берегу человѣка, который говорилъ имъ: *Дѣти! Еда что осильдно имате? И когда отвѣчали ему: ни, велѣлъ намъ бросить мрежу о десную страну корабля. Вертобша же, и ктому не можашу привлещи ея отъ множества рыбъ.* Сердце Іоанна затрепетало отъ радости. Онъ узналъ, кто таковъ этотъ таинственный человѣкъ, и глагола Петрови: *Господь есть!*

О, блаженная, прозорительная любовь! Тебѣ доставило точно было и малѣйшаго намека, чтобы узнать то, о чемъ не могли и подумать другіе, хотя видѣли тоже самое!—И еще разъ боголѣпный образъ, возлюбленнаго Христу Богу, ученика проходить предъ нами съ тою же совершенною любовію, глубокою, вседушевною, трогательно-молчаливою, невозму-

тимо спокойною... Послѣ того какъ Господь, продолжая бесѣдовать съ учениками, возвратилъ Апостолу Петру его апостольство, и предрекши судьбу его, пригласилъ его идти за собою можетъ быть съ тѣмъ, чтобы показать ему этимъ знаменательно путь его апостольскаго служенія, *обращаясь Петръ видѣ ученика, егоже любяше Иисусъ, во слѣдъ идуща..* Господь какъ бы и забылъ, что кромѣ Петровой любви еще была другая преданнѣйшая Ему любовь, не хотѣвшая разстаться съ Нимъ, но не хотѣвшая и называться Ему ничѣмъ.. кромѣ неслышимаго взыванія сердечнаго. Утѣшеніе высочайшее ждало молчаливую преданность. Господь думалъ о ней болѣе, нежели сколько можно было заключить изъ Его кажущагося невниманія къ Іоанну. *Сей же что?* спросилъ Петръ Господа объ Іоаннѣ, надѣясь и о немъ услышать пророчество какъ услышалъ о себѣ. *Глагола ему Иисусъ: аще хочу, да той пребываетъ, дождеже прииду, что къ тебѣ?* Господь показалъ, что Іоаннъ составляетъ предметъ Его особеннаго вниманія и попеченія, что о немъ нѣтъ нужды заботиться Петру, и что судьба его по прежнему находится въ связи съ Его собственнымъ Лицемъ.. Ученику возлюбленному и возлюбившему ничего не нужно бы-

ло болѣе. На всю жизнь его осталась сія сладчайшая увѣренность въ своей близости къ Тому, у Кого онъ нѣкогда возлежалъ на персяхъ. Онъ не дожилъ тѣломъ, но дожилъ духомъ пророческимъ до того времени, въ которое придетъ Господь. Онъ и не умеръ такъ, какъ умираютъ всѣ предваряющіе второе пришествіе Христова, а *измѣнился*. Пребывавшая во Христѣ, душа его сдѣлала и тѣло его способнымъ къ немедленному одуховленію,—подобно Матери Господа, подобно самому Господу. Такъ награждена была николиже отпадавшая любовь!

Послѣ всего, что мы слышали о любви возлюбленнаго Ученика Христова, намъ остается испытующимъ взоромъ обратиться къ нашей собственной любви. Никто конечно не отринетъ отъ себя чести называться также ученикомъ Небеснаго Учителя, послѣдователемъ и общникомъ Христовымъ. Никто—далѣе—не можетъ сказать, что бы онъ не былъ и ученикомъ, его же любить Иисусъ. Господь *до конца возлюбилъ своя сущія въ мѣртъ* (Іоан. 12. 1). По Его Словамъ, *любитъ насъ и Самъ Отецъ* Его (—16. 27.). И Отецъ и Сынъ даровали намъ *Духа сыноположенія* (Гал. 4. 6, Римл. 8, 15). Послѣ всего этого мы стали не только

участниками, но сынами и наследниками, друзьями и братьями Божиими! Мы постоянно возлежимъ на персяхъ Иисусовыхъ, или лучше—Онъ возлежитъ въ персяхъ нашихъ Своимъ Духомъ и Своимъ преестественнымъ общеніемъ съ нами въ святѣйшемъ таинствѣ причащенія нашего Его Тѣлу и Крови.. И такъ возлюбленному ученику Божию остается ревновать о томъ, чтобъ быть такимъ въ злюбленнымъ, каковъ былъ Іоаннъ, и слѣд. прежде всего быть цѣломудреннымъ и чистымъ, чтобы имѣть душу безстрастную и свободную для любви Христовой,—кроткимъ и смиреннымъ, чтобы Господь имѣлъ возможность возрѣть на сердце его,—молчаливымъ и безотвѣтно-послушнымъ, чтобы небесный Другъ его всегда былъ увѣренъ, что онъ совершенно сходенъ съ Нимъ во всемъ—до самыхъ маловажныхъ, повидимому, прѣщеній воли, убѣжденій ума и чувствованій сердца,—дѣтски-преданнымъ, юношески-вѣжнымъ, мужески-крѣпкимъ и старчески-безмятежнымъ въ любви своей,—чтобы Господь находилъ въ душѣ его въ совокупности все, что есть лучшаго и совершеннѣйшаго въ каждомъ въ отдѣльности возрастѣ земной привязанности человѣческой;—остается съ неизмѣннымъ, нераздѣльнымъ, неотступнымъ, но ненавязчивымъ чув-

ствомъ слѣдить всюду за Господомъ, гдѣ бы тѣлесный или душевный взоръ ни нашелъ Его, — рѣшаться на все, но не называться ни на что, къ чему не будетъ особеннаго промыслительнаго призванія, — желать и ждать, — ревновать и незавидовать, — скорбѣть и не унывать, — надѣяться и не забываться, — искать счастія, но больше себя думать о другомъ, — поспѣшать ко благу, но давать другому предупредить себя, — говорить о себѣ, но не искать занимать собою другихъ, — не презирать радостей, но дорожить только единственно достойнымъ ученика Христова, счастіемъ — счастіемъ любви Божіей.

Сколько свѣта — вокругъ любезнаго всему Христіанскому міру лика Іоаннова! Онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ Апостоль первоверховный, но его, въ совершенствѣ хриstopодражательная, душа такъ закрыла себя отъ земной славы, что высокая почеть человѣческаго достоинства не пристала къ его дѣвственному имени.. Какъ въ обществѣ Апостоловъ онъ одинъ только разумѣлъ и умѣлъ ублажить свое сокровенное первенство, такъ и исторіи не позволилъ разоблачить неприступный свѣтъ своего боголюбія отъ покрововъ глубокаго смиренія. Но чѣмъ недоступнѣе сей бла-

гоуханный вертоградъ для славы человѣческой, тѣмъ усильнѣе стремится къ нему душа ревнителя чистоты и красоты Божественной; и память возлюбленнаго Дѣвственника и Наперсника Христова всегда есть праздникъ глубочайшихъ, сокровеннѣйшихъ и совершеннѣйшихъ стремленій сердца!

О любви совершенная! Научи сердце наше любви, которая *никогдаже отпадаетъ*, и избавь его отъ любви, которая безирестанно отпадаетъ! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Терпѣнемъ да течемъ на предложеніи намъ подвигъ. Евр. 12. 1.

Осѣнивъ и освятивъ насъ Животворящимъ Древомъ, Церковь переходитъ съ нами на другую половину великопостнаго пути. Двѣ первыя недѣли поста служили для насъ училищемъ Боговъдѣнія, двѣ послѣднія недѣли намѣренно избраны Церковію для наученія насъ Богоугожденію, — другой дополнительной половиной Христіанскаго Благочестія, обыкновенно разсматриваемаго съ двухъ сторонъ: какъ *созерцаніе* и какъ *дѣланіе*. Первыя говорили намъ о Богѣ, вторыя возводятъ насъ къ Богу; — тѣ преподавали урокъ, эти — пе-

реводятъ урокъ въ жизнь. Крестъ Господень самымъ благопотребнымъ образомъ поставленъ на границѣ сего духовнаго прехожденія. И той и другой сторонѣ онъ подаетъ благодатную помощь: одной—просвѣщеніемъ, другой — подкрѣпленіемъ.—Труднѣе, но ближе къ сердцу, и потому какъ бы привлекательнѣе для насъ, сія вторая половина на постническаго пути нашего. Она была бы источникомъ полнаго блаженства и невозмутимой радости, еслибы человѣкъ сберегъ всѣ силы естества своего въ ихъ первобытномъ совершенствѣ. Вся жизнь его была бы однимъ незамѣтнымъ, легкимъ восхожденіемъ отъ совершенства къ совершенству, однимъ восторженнымъ пареніемъ все въ новую и новую область духовнаго веселія. Не такъ бываетъ теперь съ ревнителемъ благочестія. Каждый шагъ его къ совершенству достается ему трудомъ и усиліемъ, скорбями и болѣзнями. И безъ того тѣсный, путь его восхожденія къ Богу подверженъ еще нескончаемымъ пренятствіямъ, и обставленъ всесторонними опасностями. Онъ не иначе можетъ идти, какъ непрерывно трудясь и борясь, напрягаясь и озираясь, нападая и отражая, въ непрестанной заботѣ, въ немощахъ, въ лишеніяхъ, въ печали, — безъ утѣхи и нерѣдко безъ

отрады. Все это однимъ словомъ называется *подвигомъ*.

Послѣ того, какъ человѣкъ не только затруднилъ путь своего восхожденія къ Богу, но, можно сказать, совершенно потерялъ его, дѣломъ первой важности въ подвижничествѣ считается указать, съ чего подвиголюбецъ долженъ начинать свой подвигъ, и въ какомъ порядкѣ долженъ проходить добродѣтели христіанскаго богоугожденія? Всеобщаго, опредѣленнаго правила на это поставить нельзя. Естественная предрасположенность человѣка, обстоятельства его жизни, виды и намѣренія Промысла, время и мѣсто подвига, — все это можетъ давать благочестивому стремленію подвижника различное направленіе, и производить въ подвигъ различныя перемѣны. Однакоже заботливая Церковь не хочетъ дѣло толикой важности отдать на произволь каждаго. Она указываетъ намъ совершеннѣйшій образецъ духовнаго восхожденія, выработанный величайшими и долговременными подвигами отшельниковъ благодатной горы Синайнской. Сей образецъ изложенъ, и преданъ памяти ревнующаго о богоугожденіи потомства, Преподобнымъ Отцемъ нашимъ Іоанномъ *Лествичникомъ* въ его книгѣ, названной *Лес-*

твицею, возводящею на небо. Преполовившимъ говѣніе, постникамъ Церковь не нашла ничего приличнѣе и благопотребнѣе дать въ руководство добродѣтельнаго восхожденія, какъ Лѣствицу сего св. мужа, которому ради сего и память положила совершать въ настоящій день. — Въ благодарномъ довѣріи къ Церкви и благоговѣйномъ почитаніи св. *Списателя*, пройдемъ пока мысленно по его блаженной Лѣствицѣ.

Лѣствица состоитъ изъ тридцати степеней. Восхожденіе подвижника начинается *отверженіемъ мірскаго житія*, по подобію того, какъ и всякій путникъ начинаетъ тѣмъ, что оставляетъ мѣсто своего жительства. Но, оставивъ словомъ и дѣломъ мірскую жизнь, можно слѣдить за нею мыслию, и такимъ образомъ съ перваго раза впасть въ разсѣянность и небрежность о начатомъ дѣлѣ. Отъ того, на второй ступени ожидаетъ подвижника *отложене житейскижъ попеченій*. Легко и весело долженъ онъ пойти послѣ сего въ путь свой, свободный отъ всего, не привязанный ни къ чему. Остается только теперь избѣгать ему всякаго случая вновь сблизиться съ міромъ; почему, какъ дополненіе къ обѣимъ первымъ степенямъ, на третьей ступени ему дается въ правило *уклоненіе отъ міра*, — чѣмъ и

оканчивается его, такъ сказать, введеніе въ подвижъ.

Ставши и укрѣпившись надъ поверхностію суеты, уже совершенно отрѣшенный отъ правила и образа прежней жизни, подвижникъ первымъ деломъ своимъ долженъ почестъ—войти въ духъ новой жизни, подчиниться новому правилу. Сіе правило есть «блаженное и приснопамятное *послушаніе*»,—начало, условіе и первое средство самоисправления. 4-я степень. —Послушаніе скоро сокрушитъ гордый духъ и своенравный характеръ—эту закваску зла для всей жизни человѣка, уничтожитъ и самообольщеніе и разсѣянность и лѣность, словомъ: раскроетъ и разоблачитъ душу передъ самоиспытующимъ взоромъ; подвижникъ безпрепятственно увидитъ всю грѣховную нечистоту свою, и стяжетъ «попечительное и дѣйствительное, *покаяніе*». 5-я степень. —Покаяніе есть ни что иное, какъ только раздробленное и разложенное, на различные участки времени, чувство и сознаніе человѣка предстающаго суду Божию, т. е. умирающаго или умершаго, —гнетомъ всюю тяжестію истекшей грѣховной жизни; отъ того у покаянія есть живая, прямая родственная связь съ *памятію смертною*. —6-ю степенью пути. , Возшедый на шес-

тую степень, говорить Лѣствичникъ, никогда не согрѣшить,.. Величайшее пріобрѣтеніе! Но чего стоитъ подвижнику дойти до этого! Вторая троица степеней духовнаго восхожденія полагаетъ основаніе духовной жизни, а потому требуетъ усиленнаго и напряженнаго подвига. Нѣтъ тутъ для подвижника никакого успокоенія, никакого утѣшенія, можетъ быть даже—никакого вспоможенія и ободренія. Трудъ горькій, безотрадный и повидимому безнадежный.

Но за величайшимъ терпѣніемъ начинается величайшее воздаяніе!—Не плакать надъ смертію значить не имѣть природы человѣческой. Посему, слѣдующая за памятью смертною, степень Лѣствицы естественно должна оглашаться *плачемъ*, но *плачемъ радостотворнымъ*, потому что смерть разрѣшаетъ всѣ многообразно сплетенныя и перепутанныя отношенія бѣдной жизни земной, вдругъ всему полагаетъ предѣлъ, *разрѣшаетъ*, по словамъ погребальной пѣсни церковной, *лукавое торжество суеты*, освобождаетъ духъ изъ плоти; и все это не можетъ не производить въ немъ тихой, сокровенной радости. Прибавимъ къ этому, что съ смертію приходитъ въ явленіе и въ дѣйствительность тотъ безпечальный и всерадостный

животъ, который для Христианина на землѣ пребываетъ *сокровенъ со Христомъ въ Богъ* (Кол. 3, 3).. Радостотворный плачь, сдѣлавшійся постояннымъ достояніемъ человѣка, становится *умилениемъ*, съ котораго начинается рѣшительный переворотъ въ жизни подвижника. «Умиленіе есть всегдашнее самаго себя томленіе», но—томленіе отрадное и сладостное.. Здѣсь-то и заключается тайна начинающагося воздаянія подвигу,—пришествія помогающей благодати Божіей. Умиленіе влечетъ за собою необходимо *безинъвіе, непамятозлобіе, неосудливость, малоглаголаніе, правдолюбіе, бодрость духа..* и вдругъ такимъ образомъ возводитъ подвижника на 13-ю степень. Онъ имѣетъ счастье опытно дознать здѣсь легкость ига Христова. Блаженное умиленіе! Какъ скоро и какъ много даетъ оно человѣку! Оно готово бы, кажется, насильно восхитить и унести его къ самымъ высшимъ степенямъ человѣческаго одуховленія, въ область боговидѣнія, умилившую и приведшую къ глубочайшему сознанию человѣческаго недостатка восхищеннаго Исаію: но для этого требовалось бы пророческое и служеніе и дарованіе Исаіи!—Боговидѣць окаялъ себя при этомъ за нечистоту устъ своихъ—потому, можетъ быть,

что на нихъ еще горѣла печать Серафимскаго прикосновенія, напоминавшаго ему бренность естества его.. Подвижникъ, умиленный естественнымъ образомъ—памятью смертною, и возвышенный до бодреннаго и нелѣнностаго стоянія на Лѣствицѣ между небомъ и землей, прежде всего чувствуетъ въ себѣ окаянство чрева, тлѣнную и тлящую потребность питанія и насыщенія, связывающую его неразрывными узами съ землею.. 14-я степень потому говоритъ подвижнику о подавленіи «преlestнаго для всѣхъ, но злаго мучителя—*чревообъяденія*» воздержаніемъ. Воздержаніе непосредственно ведетъ за собою *цѣломудріе* или *чистоту сердца*, отнимая у враждебной ему похоти пламень, быстроту и силу.. 15-я степень.

Вторая седмица степеней и вмѣстѣ половина всей Лѣствицы украшается благоуханнѣйшимъ цвѣтомъ духовной жизни. «Нѣкоторые отцы, говоритъ Лѣствичникъ, осмѣлились назвать чистоту совершенною святостію.. Самъ онъ называетъ ее «сверхъ-естественнымъ отверженіемъ самаго естества, удивительнымъ споромъ смертнаго и бреннаго тѣла съ безплотными ангелами.» Чистота сердца, сдѣлавши человѣка побѣдителемъ самаго искусительнаго для него предмета—собственной

плоти, легко и вдругъ ведетъ его потомъ по слѣдующимъ степенямъ, — дѣлаетъ *несребролюбцемъ, нестяжателемъ, мягкосердымъ, несонливымъ*, а въ слѣдъ затѣмъ постоянно *бдящимъ*, и чрезъ бдѣніе мужественнымъ и *неболзливымъ*. Блаженная чистота! Подобно умиленію, она вдругъ переноситъ ревнителя своего черезъ 6 степеней вверхъ неудержимо и непреткновенно, и ставитъ на 21-ю ступень.

Чистота, казалось бы, могла немедленно поставить подвижника на небо, и открыть очи его для богозрѣнія, по блаженному обѣтованію Господа: *чистѣи сердцемъ Бога узрять* (Мат. 5. 8); но человекъ и на этой высотѣ все еще человекъ! Прежде его останавливало чрево, связывавшее его съ землею. Теперь препятствуетъ ему посвятить себя въ совершенное служеніе Богу самолюбіе — другое, духовное чрево, претворяющее въ себѣ всѣ его внѣшнія и внутреннія приобрѣтенія душевныя въ его собственный образъ, услаждающее его, питающее и для питанія требующее все новой и новой пищи, такимъ образомъ связывающее его опять неразрывными узами съ образомъ земнаго бытія его, какъ чрево тѣлесное связывало его съ предметами земли. Кто стоитъ на 21-й ступени не-

бесной лѣствицы, и впереди себя имѣть ихъ уже только 9-ть, тому какъ бы извинительно, по человѣческому сужденію, посмотрѣть внизъ. О, да сохранить подвиголюбца любовь Божія отъ искуссительнаго и губительнаго желанія! Весь многотрудный и тяжкоболѣзненный подвигъ его можетъ вдругъ, отъ этого преждевременнаго обзора его побѣдъ, разсыпаться въ прахъ и разлетѣться на вѣтеръ. Немедленно въ немъ пробудится *тщеславіе*, и будетъ нашептывать ему о себѣ во все то время, какъ онъ будетъ ниспускаться взоромъ по пройденнымъ ступенямъ. Когда же снова потомъ станетъ подниматься, въ несчастномъ заговорить *гордость*, и чѣмъ онъ будетъ выше, тѣмъ она сильнѣе. Поравнявшись мысленнымъ взоромъ съ мѣстомъ, на которомъ стоитъ, и сознавши важность совершеннаго подвига, подвижникъ неизбежно впадетъ въ нравственный обморокъ, и низвергнется на самую землю, если не поддержитъ его рука подвигозрителя Господа. Лѣствица, *возводящая на небо*, только мимоходомъ указываетъ путнику своему на ступени преодолеваемаго тщеславія и побѣждаемой гордости, и спѣшитъ поставить его на 24-ю степень *самоукрощенія*, естественнымъ слѣдствіемъ коего должно быть «высочайшее сми-

ренномудріе, всѣ пороки истребляющее и не постигаемое чувствами»—25-я степень.

«Кто на сію степень востекъ, говоритъ Лѣствицникъ о смиреніи, той смѣло да течеть., И подлинно, когда истребятся изъ души всѣ пороки, настанеть воистину блаженное уже не восхождение, а какъ бы возношеніе подвижника по оставшимся пяти степенямъ. Еще на слѣдующей ступени онъ имѣеть какой-то поводъ заниматься *разсужденіемъ помысловъ, пороковъ и добродѣтелей*, выше которыхъ онъ уже утвердился навсегда. Но на дальнѣйшей степени уже погружается во «священное тѣла и души *безмолвіе.*» Тогда-то воцаряется въ немъ «священная и блаженная мать всѣхъ добродѣтелей *молитва.*» Это уже 28-я степень. Молитва отверзаетъ подвижнику «земное небо, » т. е. даетъ ему «богоподражательное, человѣческое *безстрастіе* и совершенство, воскрешаетъ его душу прежде общаго воскресенія». 29-я степень. Не принадлежащій болѣе міру становится на послѣднюю ступень блаженной лѣствицы, облебається въ союзъ *вѣры, надежды и любви*, и чрезъ нихъ видитъ Бога, слышитъ Бога и ходитъ съ Богомъ, вкушая безконечное, неизреченное языкомъ человѣческимъ, блаженство.

Совершеннѣйшій путь! Блаженнѣйшее восхожденіе! Богосозданная лѣствица! Чей духъ не попытается хотя на самое малое время окрылиться подвигомъ, взирая на возносящихся отъ земли на небо, изъ среды насъ изземлемыхъ, чудодѣйствователей? И тотъ, кто дорожить честію и славою человѣческой природы, и тотъ, кто никогда не думалъ о своемъ вышемірномъ назначеніи, и—кто ежедневно полагалъ *въ сердце своемъ восхожденія* (Пс. 83. 6), и—кто вовсе не думалъ о началѣ *благомъ* (утренн. молитв.) — всѣ, привлекаемые блаженнымъ концемъ духовнаго восхожденія, готовы бы подступитъ къ незримой Лѣствицѣ, забывая и неизбѣжный трудъ и вѣроятный неуспѣхъ непривычнаго восхода. Благословенное и достохвальное стремленіе! Но никто столько не долженъ ревновать о восхожденіи на земное небо, какъ постникъ, говѣніемъ и воздержаніемъ, такъ сказать, уже поставленный на одну изъ ея ступеней. Св. Церковь именно его имѣла въ виду, воздвигая предъ нами святую Лѣствицу. *Время пощенія нынѣ преполовивше*, гов. она въ своей пѣсни, *начало божественнаго житія явль покажемъ, и въ конецъ добродѣтельнаго жительства достигнути тепль потщимся, яко да примемъ сладость неста-*

рѣемую (Стих. на вечерн. 4-й недѣли поста). Не смотря на то, что время пощенія уже препо-
ловлено, она требуетъ показать начало божественнаго житія. Премудрая—знаетъ, что для грѣш-
наго, всегда долу лежавшаго, человѣка именно
нужно цѣлую половину постническаго времени го-
товиться, чтобы рѣшиться пойти по такой высо-
кой, невиданной и неслыханной для него лѣстви-
цѣ;—снисходительная—видитъ, что мы, призывае-
мые ею, постники, едва можетъ быть имѣли вре-
мя или мужество собраться только съ духомъ для
начатія подвига.. Почтимъ матернюю заботливость
Церкви, и—приступимъ къ Лѣствицѣ.

Для немощи нашей на первой ступени остано-
вка. Начало Божественнаго житія, по указанію
лѣствицы, есть *отверженіе мірскаго житія*. И такъ,
прежде всего заботливый сынъ Церкви спрашива-
етъ: для всѣхъ ли поставлена ею сія Лѣствица?
Можно ли всѣмъ вообще отвергнуться мірскаго
житія, живя въ мірѣ, и привергаясь къ нему са-
мыми первыми и необходимыми потребностями
жизни? Вопросъ сей всегда былъ вопросомъ чрез-
вычайной важности, и отвѣтить на него часто за-
труднялась наука жизни Христіанской. Между тѣмъ
отвѣтъ на него можетъ быть простой. *Сіе глаго-*

лю, братіе, яко время прекращено есть прочее, говорить Апостоль, да и имущи жены яко не имущи будут; и плачущиися, якоже не плачущи, и радующиися, якоже не радующеся; и купующи яко не содержаще; и требующи мира сею, яко не требующе (1 Кор. 7. 29). Короче это высказалъ, задолго до временъ Христіанскихъ, Царь пѣснопѣвецъ, разсуждая то богатствѣ. *Богатство плеще течеть*, говорилъ онъ, *не прилагайте сердца* (Пс. 61. 11.). Такъ можно сказать и овсемъ прочемъ. Но—возможно ли, говорить мудрость житейская, «быть въ огнѣ и не сгорѣть?» Слышалъ я нѣкихъ, отвѣчаетъ на это богомудрый Дѣствичникъ, въ мірѣ нерадиво живущихъ, въ «прѣсившихъ меня сице: како мы, имуще жены и «обязавшеса общественными попеченми, можемъ «возложить на себя иго житія иноческаго? Симъ «изрекъ я въ отвѣтъ слѣдующее: вся, елика можете творити благая, творите. Удержите языкъ свой отъ злословія и лжи, руки отъ хищенія и вѣстатбы, умъ—отъ превозношенія и презорства. Изжените изъ своихъ сердець всякую ненависть, не устраняйтесь отъ Церковнаго сонма. Къ нуждающимся будьте сострадательны, никого не соблазняйте. Аще тако сотворите, недалече будете

«отстояти отъ царствія небеснаго». Почему такъ? Потому что подобная жизнь есть уже жизнь не по духу міра суетнаго, — есть уже отверженіе (хотя и не явно,) мірскаго житія. Что же по этому — мірскаго житіе? Образъ жизни, по которому имѣется въ виду одинъ здѣшній міръ, такъ какъ бы вовсе не было ни Бога, ни души, ни будущей жизни. Слѣд. всякій тотъ отвергся мірскаго житія, кто при всѣхъ дѣлахъ своихъ помнитъ, и непрестанно представляетъ, Бога Всевидца, Промыслителя и Судію — свое богоподобіе, — высокое назначеніе души своей, — будущую жизнь, — тѣньность всѣхъ вещей земныхъ и великую важность дѣлъ человѣческихъ. Такой человѣкъ, живя въ мірѣ, подобно Господу нашему, *нсть отъ міра сего* (Іоан. 17. 14.), «Божій слуга» есть, по словамъ Лѣствичника, — тѣломъ предстоить предъ людьми, но умомъ въ небеса молитвою ударяетъ.» Міръ для него — мѣсто временнаго пришельствія, всѣ предметы — чужая собственность, всѣ люди — странники и пришельцы, какъ и онъ самъ. Ни къ чему онъ не привяжется до самопорабощенія, ничего не пожелаетъ до забвенія будущаго блаженства, ни о чемъ не поревнуетъ, какъ о послѣдней цѣли бытія своего. Это будетъ «воплоти ангель» истаявающій отъ любви къ Богу. Труд-

но и высоко» думаетъ немощь или лѣньность наша. Но что-жъ такое—все Христіанство, какъ не это самое отверженіе мірскаго житія? *Аще кто ѡрядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братій, и сестръ, и еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14. 28). Или по другому выраженію: *иже любитъ отца или мать, сына или дочь, паче Мене, несть Мене достоинъ* (Мат. 10. 37.). До того самоотверженіе и возненавидѣніе мірскаго житія свойственно христіанину, что Господь прямо говорилъ объ ученикахъ своихъ, *яко не суть отъ міра* (Іоан. 17, 14. 16.). И такъ, что же—убоявшаяся первой ступени, душа подвиголюбивая? Трудный вопросъ оный можетъ быть рѣшенъ такъ: или должно отвергнуться мірскаго житія, или—не носить на себѣ имени Христова. *Всямоу о оукръпляющемъ мя Исусъ Христѣ* (Фил. 4. 13.), утверждалъ подвигоносный Апостоль. Почему и намъ не говорить того же? *Аще кто любитъ Мя, Мнѣ да послѣдствуетъ* (Іоан. 12. 26.), сказалъ Господь, а Онъ на небѣ! Пойдемъ же за нимъ. *Страха вашего, скажемъ плоти, и міру съ его княземъ, не убоимся, ниже смутимся: яко съ нами Богъ* (Исаі. 41, 8), и твердою ногою ступимъ на небоводную лѣствицу.

Если только мы искренно и вседушевно предали себя Господу и Его святому дѣлу, которое всегда есть вмѣстѣ и дѣло нашего спасенія, и, живя въ мірѣ, заняты небомъ, то мы скоро станемъ на четвертой степени — святомъ и ангелоподобномъ послушаніи. И снова встрѣтится вопросъ: кому слушаться? Въ иночествѣ есть для того настоятели и отцы духовные, налагающіе послушаніе и блюдушіе послушника. Но настоятель и отецъ духовный есть только представитель Отца небеснаго, нашего Господа Иисуса Христа. *Того послушайте* (Лук. 9. 35.), сказано было людямъ. *Слушай васъ Мене слушаетъ* (Лук. 10. 16), говорилъ въ свою очередь Иисусъ Христосъ апостоламъ, и право налагать послушаніе передалъ Церкви. Тамъ слѣд. для всякаго Христіанскаго подвижника настоятель и отецъ духовный, гдѣ есть законъ евангельскій и уставъ церковный. Поревнуй же быть послушникомъ ихъ непрекословнымъ и нелицностнымъ. Праздникъ, постъ, всякій обрядъ и обычай церковный — вотъ неизмѣнные предметы твоего послушанія! Богослуженіе, слово Божіе, церковное собесѣдованіе, пастырское увѣщаніе, — вотъ твои отцы духовные! При всякомъ напорѣ напастей и искушеній, при всякомъ смущеніи ума

и колебаніи совѣсти, иди въ общую для всѣхъ обитателей отшельническую—церковь Божию, и ищи въ ней указаній и опредѣленій, пекущейся о тебѣ, воли Божіей. Какъ и въ чемъ искать?—лучше не спрашивать, чтобы не предварить самовольно и необдуманно промысла Божія, единственно премудрымъ и благопотребнымъ образомъ отвѣчающаго своему послушнику.

Лишь только мы возымѣемъ мужественную рѣшимость отречься отъ своей воли, и подчиниться общей нашей настоятельницѣ и матери духовной, — св. Церкви, мы несомнѣнно стяжемъ *попечительное покаяніе*, потому что нѣтъ въ церкви ни одного священнодѣйствія, ни одного священнаго предмета, которыми бы грѣшникъ не призывался къ покаянію. Ставши *дѣйствительнымъ*, покаяніе непременно приведетъ насъ къ *памяти смертной*. А сія память поведетъ къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Она есть переломъ грѣховной болѣзни; послѣ нея начнется желаемое Господомъ Богомъ и радостное для всего неба (Лук. 15. 10.) выздоровленіе наше. При семъ, такъ сказать, погребеніи нашего ветхаго человѣка умѣстно опять остановиться мыслию подвижнику. Трудно, скажетъ онъ, представить себя умирающимъ? Не болѣе трудно,

какъ и вообще воображать себя въ мечтахъ достигающимъ или уже достигшимъ какого-нибудь несбыточнаго благополучія. Нѣтъ, — гораздо легче. Умираніе у насъ ежедневно передъ глазами, а кромѣ того, рано или поздно, мы сами неизбежно умремъ; мечтательнаго же благополучія часто мы видѣ не видали, и, вѣрнѣе всего, никогда не достигнемъ.. Трудно привыкнуть—скажетъ онъ?. Труднѣе умереть, не привыкнувъ. Трудно удержать память смертную надолго?. На то ему подвигъ,—на то онъ христіанинъ,—на то съ нимъ благодать Божія!

Память смертная введетъ въ душу *умиленіе*, которое при живѣйшемъ чувствѣ можетъ высказывать себя *плачемъ радостотворнымъ*. Умиленіе—состояніе и скорбное и радостное, точно наше душевное выздоровленіе, — востаніе въ жизнь новую, входъ въ небо. Блаженъ послушникъ Христовъ, котораго послушаніе доведетъ до умиленія! Вкусивши сладкаго, съ тѣхъ поръ онъ уже не захочетъ горькаго. Обезсиливая повидимому тѣломъ и душой, умиленный человѣкъ въ то же время носитъ въ себѣ скрытно непреодолимую силу духа, поборающую и сокрушающую всякое востаніе грѣха. Тайна любви Божіей, посылаемая въ первое утѣ-

щеніе подвижнику! Душа наша начинаетъ тогда предчувствовать, что *Богъ любви есть* (1. Іоанъ 4. 16.). Вся совокупность творенія кажется ей тогда однимъ домомъ Божиимъ, люди однимъ семействомъ; исчезаетъ различіе добрыхъ и злыхъ, близкихъ и чужихъ; сердце расширяется, и хочетъ досказать подвижнику, что *пребывая въ любви въ Бозѣ пребываетъ*. Но чтобы имѣть законное право и дерзновеніе считать себя въ такомъ высокомъ союзѣ, нужно идти со степени умиленія далѣе, выше. Отсюда начнутся для насъ опасности и искушенія высшаго рода, неизвѣстныя намъ дотолѣ. И вотъ первая изъ опасностей: Часто люди не понимали, что умиленіе есть еще только одна изъ низшихъ ступеней духовной лѣстницы, и хотѣли съ нее переступить на послѣднюю степень — пребыванія въ Богѣ. Не дай Богъ Христолюбцу впасть въ подобную ошибку. Она дѣлаетъ изъ христіанина неразумнаго мечтателя, поклонника страстей и всѣхъ преходящихъ ощущеній сердца, ловимыхъ и принимаемыхъ за внушенія Божіи. Вотъ и нѣсколько и с к у ш е н і й: «Нерѣдко къ божественному сему рыданію примѣшивается богопротивная слеза, говоритъ преподобный Лѣстничникъ, пристекающая отъ тщеславія: а оную мы тща-

тельно и благочестиво познать можемъ въ то время, какъ примѣтимъ, что мы не отстаемъ отъ пороковъ.» Другое искушеніе: «Если мы съ прилежаніемъ вникнемъ, говоритъ тотъже св. Подвижникъ, то примѣтимъ, что діаволы весьма часто надъ нами смѣются въ то время, когда намъ, пищею пресыщеннымъ, напоминаютъ объ умиленіи, а когда постимся тогда насъ ожесточенными дѣлаютъ; да, мнимыми сими слезами прельстившеса, предадимъ себя роскоши, матери всѣхъ пороковъ.» Будемъ же, боголюбивые небошественники, блюсти себя, а паче просить у Бога освобожденія себя отъ такихъ тонкихъ и непримѣтныхъ напастей.

Умиленіе совершенно преобразить нравственную природу нашу, попяля огнемъ божественнаго сочувствія плевельные посѣвы гнѣвливости, памятозлобія, клеветничества, болтливости, лживости, мѣнности, чревоненасытности, и произраститъ въ ней цвѣтъ ангелоподобнаго жительствова—*чистоту сердца* или *цѣломудріе*. Съ любовію мы останавливались на этой ступени, когда созерцали мысленно духовную мѣствицу. Еще съ большею любовію возвращаемся къ ней теперь. Всѣ подвижники благочестія въ благоговѣйномъ и радостномъ волненіи духа говорятъ о чистотѣ, — не находятъ, — съ чѣмъ

достоинно сравнить ее. Она представляется имъ дѣвою, невѣстою, раемъ, свѣтомъ, цвѣтомъ — всѣмъ, что есть прекраснаго на землѣ. Душа Христоименная! Ты самымъ званіемъ своимъ введена въ свѣтлый міръ чистоты. Ты принадлежишь Христу, *яко аглицу непорочному и пречистому*. О, какъ опасно и многозаботливо надобно тебѣ беречь чистоту свою! — Юность боголюбезная! Чистота есть твоя природная доля! Въ тебѣ мы болѣе всего желаемъ и думаемъ видѣть ангелоподобіе. Не обманывай, и такъ рѣдко сбывающееся, чаяніе добраго и святаго на землѣ! Не обмани всего болѣе сама себя. „Не забывай себя самого, о юноша!“ восклицаетъ Лѣтвичникъ. Чистота твоя есть только тогда чистота, когда она чистота совершенная. Малѣйшее грѣховное пятно есть великое безобразіе для юноши, и великое несчастіе для его будущаго мужества. Сѣмя грѣха возрастетъ потомъ въ древо, а самый обильный источникъ чистоты можетъ изсякнуть до послѣдней капли. То, что юность имѣетъ въ такомъ изобиліи, и что такъ легко досталось ей, и что еще такъ легко сохранить ей, въ зрѣломъ возрастѣ уже достается тяжелымъ подвигомъ, и то въ скудной мѣрѣ! Не забудемъ этого.

Кто удостоился быть вмѣстилищемъ и жилищемъ чистоты, тотъ сталъ уже на половинѣ чудодѣйственной Лѣствицы. Быстрѣе, чѣмъ прежде, пойдетъ онъ впередъ, укрѣпляясь все болѣе и болѣе, и препобѣждая искушенія — уже не такія страстныя, какія были прежде, но за то болѣе глубокія и сильныя. Сильнѣйшее искушеніе — мы видѣли — ждетъ насъ тамъ, гдѣ мы увидимъ и сознаемъ себя мужественными и безбоязненными. Сіе высокое нравственное совершенство подтачиваетъ презрѣнный червь — *самолюбіе*, обнаруживающееся то тщеславіемъ, то гордостью. Нельзя не поскорбѣть о бѣдственной долѣ человѣка, неотступно преслѣдуемаго искушеніями до самыхъ высокихъ степеней его добродѣтельнаго жительствова! И чѣмъ выше восходъ, тѣмъ злѣе прилогъ вражій. Замѣчая близость предѣла своему владычеству, искуситель, перебравшій уже всѣ *любимыя* коварства, насылаетъ наконецъ на подвижника свой собственный духъ, разрушительнѣйшій и могущественнѣйшій, и хочетъ потрясти имъ всю Лѣствицу... Истинно — безъ содѣйствія Божія можетъ весь трудъ нашъ обратиться въ ничто, — въ позоръ или и прямо въ гибель намъ. Блаженъ взявшійся за рало и не озирающійся вспять (Лук. 9 62)! Онъ будетъ помышлять не о томъ, сколько про-

шелъ ступеней, а—сколько еще идти, и, сознавая притомъ всегда присущую ему помощь Божію, весь проникнется хриstopодражательнымъ *смиренномудрiемъ*. Ставши на эту блаженную степень духовной жизни, мы будемъ уже внѣ опасности отъ всякаго земнаго искушенія, потому что вообразимъ въ себѣ Христа, кроткаго и смиреннаго сердцемъ, въ образѣ Божію сущаго, но смирившаго и умалившаго себя до зрака рабія (Фил. 2, 7.). Высочайшее это совершенство человѣческое есть предметъ непостижимый для того, кто не имѣетъ его въ себѣ. Оно есть „сокровище въ брѣнныхъ сосудахъ, или «лучше, въ тѣлесахъ человѣческихъ заключенное, «но —сокровище такое, котораго качества никакимъ словомъ изобразить не можно,“—говоритъ св. С писатель Лѣтвицы. И такъ, можно бы спросить при этомъ: его ли мы имѣемъ въ виду, когда тому или другому изъ среды своей (а чаще всего самия себѣ) приписываемъ смиреніе? «Смиренномудрiе есть божественное покрывало, не позволяющее намъ смотрѣть на свои добродѣтели.“ Слѣд. то смиреніе, которое мы имѣемъ возможность замѣтить въ себѣ, уже не есть сіе самое высочайшее и непостижаемое чувствами» смиренномудрiе.. Братія подвиголюбцы! чтобъ не обманываться намъ, послу-

шаемъ, какъ описывается сія, всѣ пороки истребляющая, добродѣтель. „Жилы и стези сея добродѣтели суть: нестяжаніе, потаенная отъ міра уклонность, скрытіе своея премудрости, нехитрая бесѣда, прошеніе милостыни, необъявленіе своего благородства, истребленіе въ себѣ всякой дерзости, убѣганіе многословія. Тогда бо, тогда мы являемъ себя прямыми философами и боголюбцами, когда и можемъ выситися, но всякія высоты не-возвратно убѣгаемъ.“

Что станется съ нами, еслибы мы не преступили за ступень смиренномудрія?—объ этомъ не будемъ бесѣдовать, чтобы своимъ словомъ не уронить дѣла Божія. „Кто одною бесѣдою о сихъ и подобныхъ добродѣтеляхъ просвѣтити и научити думаетъ тѣхъ, кои вовсе чувства сего не вкушали, тотъ дѣлаетъ не иначе, какъ бы кто хотѣлъ одними словами и доказательствами внушить понятіе о сладости меда тѣмъ, кои никогда онаго не вкушали, — говоритъ Лѣствичникъ. Что же сказать о томъ, кто, самъ не знаетъ, чему учитъ другихъ? „Онъ, по умѣренному и снисходительному выраженію того же блаженнаго Спасителя, поруганъ наконецъ бываетъ.“

«Восходите, восходите, братіе! — слышится на

высотѣ Лѣствицы тотъ же голосъ Преподобнаго учителя—усердно въ сердце своемъ восхожденія полагающе (Пс. 83, 6.), и внимая словамъ онымъ: *приидите взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога нашего, совершающаго нозъ наши яко елени и на высокихъ поставляющаго* (Пс. 17. 34). Тецыте, молю съ онымъ глаголющимъ: потщимся, дондеже достигнемъ вси въ единство вѣры и познанія Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова (Евр. 4. 13), Иже тридесатолѣтень видимымъ возрастомъ сый, крещень бысть, и на тридесатой степени мысленная наша лѣствицы обрѣтается, ибо любовь есть Богъ: ему же слава, держава и сила,—въ Немъ же всѣхъ благъ источникъ есть, былъ и будетъ въ безконечныя вѣки. **Аминь**».

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ ПЯТОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Се раба Господня..

Яко призрь на смиреніе рабы Своея..

Лук. 1, 38. 48.

Вотъ смиренныя слова Той, которая возвеличилась паче Серафимовъ и Херувимовъ и возвеличила собою смиренное естество наше! Ими началась божественная слава Избранной отъ всѣхъ родовъ, а съ нею и всѣхъ насъ. *Се раба Господня. Буди мнѣ по глаголу Твоему..* это были послѣднія слова пресвятой Дѣвы. *Яко призрь на смиреніе рабы Своея; се бо отнынь ублажатъ Мя вси роди..*

это были первые слова присноблаженной Матери. И тамъ и здѣсь одно, вѣчнопамятное и вѣчноублажаемое, слово: *Раба*. Читатель и подражатель преблагословенной Дѣвы-Матери! Высокая тайна богоугодной жизни призываетъ насъ нынѣ къ себѣ. Посвятимъ ей наше вниманіе.

Раба Господня. Какая безконечно великая причина дѣль божественнаго промысленія излилась изъ такого малаго и незамѣтнаго, повидимому, источника! Раба смиреннымъ исповѣданіемъ рабства своего даруетъ міру вѣчную свободу, вводя въ него Свободителя душъ нашихъ. Блаженное рабство! — Незаконная и неразумная жажда свободы поработила человѣка грѣху: преданность рабская, безотвѣтная и свободное отреченіе отъ свободы освободили его отъ грѣха! Невинность неопытная утратила цѣрство и всыновленіе: Невинность, воспитанная опытами молитвы и богомыслия, стяжала роду человѣческому Царя вселенныя и Сына Божія. Матерь человѣковъ связала землю узами проклятія и вражды противъ человѣка: Матерь Богочеловѣка разрѣшаетъ землю отъ клятвы Божіей и заставляетъ ее отъ человѣка чаять себѣ свободы, вмѣстѣ съ его свободою! Все возвращается въ прежній богоустановленный порядокъ!

Свободна убо тварь познавается! и сынове свѣта прежде омраченіи! Единъ при этомъ всеобщемъ освобожденіи, стелетъ тьмы предстатель, возревновавшій нѣкогда о свободѣ и связуемый теперь еще большими плѣвницами мрака. Но не затемнимъ праздника свѣтоноснаго рабства памятію о мрачной участи безумно и несчастно взысканной свободы. Ублажимъ святое христопріемное и христорательное рабство, да будемъ раби Господни, и сбудетъ нѣкогда на насъ слово Господне: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ; и аще кто мнѣ служитъ, почититъ его Отець Мой* (Іоан. 12. 26.).

Раба Господня. Работать и служить часто значить одно и тоже. Служеніе есть первая принадлежность рабства, и первое свойство раба. Оно было первымъ свойствомъ и присноблаженной Рабы Господней. Отъ дѣтства она посвящена была на служеніе при храмѣ Божіемъ и служила, по преданію церковному, до самаго совершеннолѣтія; слѣд. все то время, въ которое воспитывается и обогащается навыками и склонностями духъ чело-вѣка, она провела въ служеніи, — училась служить роду чело-вѣческому. Очень мало извѣстна намъ послѣдующая жизнь пресвятой Дѣвы. Но и

сіе малое представляеть намъ Ее служащею. Она служила въ домъ Іосифа, не смотря на все, что слышала въ благовѣщеніи и рождествѣ Христовомъ, съ такимъ усердіемъ и самоотверженіемъ, что для постороннихъ казалась женою св. Старца. Мы знаемъ, что Она искала услужить на бракъ въ Кавѣ, — болѣе ничего не говоритъ намъ о Ней Евангеліе. За то преданіе и исторія церковная представляютъ взору и сердцу нашему безконечную повѣсть служенія Ея роду Христіанскому. Нѣтъ надобности говорить о семъ подробно. Исторія отечества нашего (лѣтописные памятники края и града сего) и можетъ быть непишемая память сердца многихъ изъ насъ знаютъ хорошо сіе благодатное служеніе Ея спасенію нашему. Какъ раба Господня, она искала и ищетъ служить преимущественно рабамъ же Господнимъ, споспѣшествуя освобожденію ихъ отъ грѣха и порабощенію волѣ Господней. Нѣтъ здѣсь для Нея и быть не можетъ ни въ чемъ препятствія для оказанія нуждающемуся своей услуги. Всякое время міробытія, жизни, года, дня и часа, всякое мѣсто владычества Господня, всякій возрастъ, полъ, чинъ и степень образованія, всякій возгласъ, вздохъ и молитвенный помыслъ—все имѣеть право и сча-

стіе привлечь услугу Заступницы и Ходатаицы
рода нашего. Всѣмъ представляеши, Благая,
съ второю приближающимъ въ державный Твой пок-
ровъ Иного бо не имамы грѣшнѣи въ бѣдахъ и скор-
бехъ присно избавленія, обремени грѣхи многими.

Раби Господни! Переведемъ внимательную мысль
отъ Рабы и Матери Господа нашего къ самимъ
себѣ. Большая часть изъ насъ также всю жизнь
проводятъ на службѣ. Служба есть неизбѣжная
потребность всякаго благоустроеннаго общества.
Она беретъ у человѣка трудъ и силы, и даетъ ему
звание, значеніе, образъ жизни, честь и насущ-
ный хлѣбъ. На нее потому преимущественно
обращается наше вниманіе.. Святое дѣло служба
сама въ себѣ! И благословенъ Богъ, призвавшій
того или другаго изъ насъ къ тому или другому ро-
ду службы! Но изъ чего человѣкъ, вдавшійся въ
суету и пустоту мірскую, не можетъ сдѣлать злоупо-
требленія? Чѣмъ не можетъ поработить, парящаго
ко Господу, духа своего? Служба очень часто пе-
рестаетъ у него считаться служеніемъ, и превра-
щается въ должность, изъ должности нерѣдко
переходитъ въ наемничество, изъ наемничества
можетъ перейти въ тунеядство. Нѣтъ сомнѣнія,
что послѣдняго рода служба не есть служба Гос-

поду, заповѣдавшему служить, а не жить только на счетъ службы. Служба наемническая не даетъ челоуѣку права на заслугу. Тогда какъ слуга вѣрный, т. е. истинный рабъ Господень, готовъ душу свою положить за вѣренное ему дѣло, наемникъ при первомъ удобномъ случаѣ бѣжить отъ дѣла, яко наемникъ есть. За то, когда настанетъ время мздовозданія, онъ получитъ только свой условный пѣнязь. Наемничество обличить и укорить тогда само себя. Наемникъ возропщетъ, на что и за что? и самъ не узнаетъ. *Друже, скажетъ ему Господь, не обижу тебе: не по пѣнязю ли совѣщала еси со мною? Возьми твое, и иди* (Мат. 20. 13.)

— Лучше наемничества, повидимому, тотъ видъ службы, который представляетъ намъ ее должно-стію. Такъ большею частію мы и понимаемъ свою службу. Не скроемъ отъ себя, что должность говорить о долгѣ, а долгъ — о займѣ. Такимъ образомъ различіе между наемничествомъ и должно-стію (такъ сказать: заемничествомъ) очень незначительное. Кто имѣетъ въ виду только долгъ, тотъ спѣшитъ только выплатиться, чѣмъ и ограничиваются его цѣли. А тѣмъ слѣд. ограничатся и послѣдствія его службы. *Аще исполните вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы*

(Лук. 17. 10. 11.).. Почему? *Яко, еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ. Еда имать хвалу, прибавляетъ Господь, рабу тому, яко сотвори повелѣнная? не мню.* Если Господь, нашъ будущій Судія и Мздовоздаятель, не мнить, — то все упованіе наше на должностную службу нашу. Надобно гораздо далѣе границъ ея простираться намъ своимъ служеніемъ. Есть служба особеннаго рода, не свидѣтельствуемая спискомъ дѣлъ и служебныхъ перемѣнъ во вносимая Ангеломъ жизни нашей въ сокровенную книгу живота, — служба усердія, а не долга. Сею службою приходилъ послужить самъ Сынъ Божій. Сею службою служила и служить присноблаженная Матерь Его. Ею служатъ міру и роду нашему Ангелы и Святые Божіи — не гласно, не замѣтно, — съ участіемъ и любовію неотступною и предупредительною, — всюду приникая, на все призирая, всячески стараясь изыскать случай и способъ сдѣлать добро. Высота и особенное могущество сихъ небесныхъ служителей да не внушаютъ тебѣ извиненія и отговорки, рабъ Божій! И у насъ у всякаго есть свой небольшой кругъ жизни, надъ которымъ мы возвышаемся и стоимъ могущественно. Исполни же сей малый кругъ своею хриstopодражательною службою, не

воздремли и не усни, когда всѣ къ тебѣ чають, — дай, пособи, укажи, отведи, награди, приласкай! И если хочешь, чтобы цвѣтъ дѣлъ твоихъ былъ не только прекрасенъ, но и благоуханенъ, при всякомъ добромъ дѣлѣ старайся закрыться отъ пытливости, молвы и даже собственнаго къ себѣ вниманія, отдавая себя въ совершенное рабство Господу. И—*вѣрнаго о малъ Онъ поставитъ тебя надъ многими. Незамѣтно для тебя самого, ты увидишь въ радость Господа твоего!* (Мат. 25. 23). Кто хотя когда нибудь на малое время не признавалъ въ себѣ блаженнѣйшей потребности благотворить въ тайнѣ?.. Кто признавалъ, — не угашай духа. Это—духъ нашъ богоподобный высказываетъ себя свойственнымъ ему, духовнымъ, утаеннымъ образомъ. Пусть же онъ *идьже* *хочеть дышетъ*, а никто не вѣдаетъ, *откуда приходитъ и камо идетъ!* (Иоан. 3. 8).

Раба Господня!.. Рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его (Иоан. 15. 15) — слышитъ; *иди — и идетъ, приходи, и приходитъ.* — (Мат. 8. 9), — послушно и безропотно несетъ свое, иногда не легкое, служеніе. Таково точно было благоплодное рабство и пресвятой Дѣвы! Отвѣтъ Ея благовѣстнику воплощенія Бога слова превышаетъ все, что

мы можемъ сказать въ честь послушанія. Да не покажется кому-нибудь неудивительнымъ послушаніе глаголамъ Благовѣщенія, столько вождѣленно-радостнымъ и столько очевидно-вѣрнымъ. Не удивительно только послушаніе тому, что легко можетъ быть и бываетъ. *Имъйте вѣру Божію*, сказалъ Господь. *Аминь бо глаголю вамъ: яко иже аще речеть гортъ сей: двинися и верзися въ море, и неразмыслитъ въ сердце своемъ, но вѣру иметь, яко еже глаголетъ, бываетъ: будетъ ему, еже аще речеть* (Марк. 11. ст. 23.). И вождѣленно для всякаго и несомнѣнно-вѣрно обътованіе Спасителя. Но у кого достанетъ мужества оказать послушаніе словамъ Его?—Послушливость присноблаженной Рабы Господней въ этомъ случаѣ предупредила благодатныя и чудотворныя времена Новаго Завѣта, — тѣмъ она выше и достославнѣе. Пророчественный духъ Елисаветы назвалъ ее блаженною за то, что она повѣрила, *яко будетъ совершеніе глаголаннѣмъ Ей отъ Господа* (Лук. 1. 45.). Глубокая тайна смиренія Рабы Господней не дала намъ радости видѣть и ублажить послушливую жизнь Ея. Но что вся она была живымъ послушаніемъ, объ этомъ свидѣтельствуется уже и то обстоятельство, что Матерь Господа до послѣднихъ

дней жизни Его привитала у своихъ родныхъ, и конечно трудами послушанія снискивала пропитаніе насущное.

Приведенный нами примѣръ духовнаго нашего безсилія можетъ испытателя судебъ вѣры и Церкви Христовой смутить недоумѣніемъ: отъ чего наше время такъ разительно не похоже на древнѣйшее время Христіанства? Отъ чего оно представляетъ въ людяхъ такъ мало сердечной простоты, чудодѣйственной вѣры и подвижнической жизни? Отъ того, — что истлѣло въ нихъ сѣмя духовнаго плодоношенія — святое послушаніе, рабски-покорное и безотвѣтное. Въ наше, время когда всѣ болѣе надлежащаго заняты собою, и слушать довѣрчиво не всякій расположенъ, слушаться — еще менѣе, быть послушнымъ — надобно заставлять силою! Рабство воли кажется почему-то про тивнымъ человѣческому достоинству, несогласнымъ съ естественнымъ правомъ его... Но какъ согласно оно было бы съ его правомъ сверхъестественнымъ, т. е. съ правомъ Божиимъ на чело-вѣка, и съ правомъ чело-вѣка на участіе въ жизни Божественной! Но и естественное право не можетъ возставать противъ рабства; оно само все основано на рабствѣ — предъ совѣстію и закономъ, т. е.

предъ Богомъ и людьми. — Самолюбіе опасается, какъ бы послушность не сдѣлала человѣка безхарактернымъ, мелкимъ, пустымъ и неспособнымъ къ самодѣятельности и разсудительности, — какъ бы рабство не умертвило въ немъ духа, и не сдѣлало его безсловеснымъ?. Самолюбіе какъ бы и не знаетъ, что человѣкъ давно уже потерялъ право на свободу. Рабство и послушаніе — неизбѣжная доля человѣка послѣ того, какъ онъ потерялъ владычество свое, подавшись увлекавшей его похоти. Теперь вопросъ жизни уже не въ томъ, рабомъ ли быть или свободнымъ, но — кому или чему лучше работать, — закону ли Божію и установленію человѣческому, вѣковыми опытами утвержденному и оправданному, или беззаконію, волнующему человѣкомъ во имя его свободы, и обѣщающему всякаго самаго для себя сдѣлать законодателемъ?.. Рабъ Господень разрѣшаетъ сей многотревожный вопросъ очень просто. Онъ не беретъ на себя судьбы своей, и проситъ Бога дать ему пѣстуна — живой образъ и голосъ Его самого, — въ увѣренности, что по мѣрѣ большей преданности волѣ другаго, онъ болѣе и болѣе освобождается отъ рабства своей волѣ, и восходитъ къ безстрастію, — совершеннѣйшему на землѣ образцу Боже-

ственной свободы — Рабы Господни! Мы — свидѣтели трудной, кровавой, грозно поучительной, борьбы усиленно вызываемой — свободы съ насильно подавляемымъ рабствомъ. По челоѳчеству ходитъ (*) новая язва — разрушительныхъ началъ, потрясающихъ народы и царства. Именемъ сомого челоѳка хотять воставить его на самого себя. Ревнуя по свободѣ, требуютъ настойчиво рабскаго послушанія воплямъ страсти и безумія, какъ будто челоѳчество можетъ забыть, какими благами неоцѳнимыми и незамѳнимыми оно обязано христолюбезному рабству и христоносному послушанію, — какъ будто можетъ когда нибудь выйти изъ виду у него Христось его, *иже во образъ Божіи сый, не восхищеніемъ нещцева быти равенъ Богу: но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ смирилъ Себе, послушилвѣ бывѣ даже до смерти* (Фил. 2, 6. 7). Да не поработитъ насъ съ тобою, рабъ Божій, и ненужная и нерадостная свобода!

Раба Господня!... Какъ мало словъ слышимъ мы изъ усть Богоматери! На привѣтъ Архангела она отвѣчала однимъ смущеніемъ, на обѣтованіе — замѣчаніемъ, самымъ краткимъ и немногопытливымъ

(*) Говорено въ 1849 году.

Согласіе ея, какъ видимъ, еще короче. — Новое достоублажаемое свойство Рабы Господней! Смирная молчаливость—по преимуществу свойство Богоматери. Какъ нельзя болѣе симъ свойствомъ св. Дѣва соотвѣтствовала намѣреніямъ Божественнаго совѣта, утаевавшаго до времени преестественное дѣло вочеловѣченія Божія! Она никому (даже самому праведному Іосифу) ничего не сказала о преславной тайнѣ благовѣщенія. Она *соблюдала вся глаголы Ангеловъ и человѣковъ о Сынѣ своемъ, слагающы въ сердцахъ своемъ* (Лук. 2, 19), молчаливо ожидая, пока само собою настанетъ время откровенія тайны Божіей. Какъ бы не зная ничего и не помня словъ Архангела, чрезъ 12 лѣтъ терпѣливаго вниманія къ совершающемуся таинству, она дивилась, нашедши Іисуса, сѣдящаго посреди учителей, и послѣ словъ Его: *не вѣсте ли, яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоинъ быти ми* (Луки 2. 49 и 50.), вмѣстѣ съ Іосифомъ казалась не разумѣющею *глагола, его же глагола има.*—Со времени вступленія Спасителя въ дѣло служенія роду человѣческому, смиреннолюбивая душа Ея еще болѣе утаилась отъ міра. О матери великаго Пророка и Чудотворца никто повидимому не зналъ и не имѣлъ нужды знать.

Ходила ли она во слѣдъ Его, какъ ходили многіе, имѣвшіе гораздо меньше причинъ быть при Немъ, или нѣтъ—неизвѣстно. Если и ходила, то такъ прикровенно и безмолвно, что сами ученики Христовы не имѣли повода упомянуть о Ней. Съ тѣмъ же безмолвіемъ явилась Она ко кресту, и съ тѣмъ же безмолвіемъ отведена была отъ креста, какъ бы все еще *слагая тайну Божию въ сердцахъ своихъ*, хотя уже и земля и небо возвѣщали ее. И потомъ, по вознесеніи Господа нашего на небо, когда она имѣла величайшую славу и честь считаться Матерію Бога, Раба Господня не измѣнила обыкновенной кротости и молчаливости духа своего, — жила, какъ бы ея не было, и почила, какъ бы вовсе не думая, что Ея *славятъ успеніе Власти и Престоли, Начала и Господства, Силы и Херувими и страшніи Серафими*, что *радуются земнородніи о Божественной славы Ея красящися, припадаютъ царіе со Архангелы и Ангелы.*

Достойная Кроткаго и Смирннаго сердцемъ Матерь. Подобно тому, какъ Онъ, Господь и Богъ нашъ, вѣчная мудрость, благодать и сила, Самъ совершенъ сый, умалилъ Себя до того, что требовалось совершеніе Его *страданми* (Евр. 2. 10.), — славный *прежде, неже міръ бысть* (Іоан. 17.

3.). долженъ былъ *пострадати и внити въ славу свою* (Лук. 24. 26.), *вънчатися славою и честію за пріятіе смерти* (Евр. 2. 9.). — и Мать Его преблагословенная какъ бы вовсе не считала славою славы Матери Божіей, но подвигомъ глубочайшаго смиренія искала еще заслужить славу. Сія-то само-взысканная внутренняя слава Ея привлекла къ ней благодать Божію, почтившую Ее славою «Царицы небесе и земли.» Какъ во всякомъ другомъ случаѣ, и здѣсь земнымъ привлеклось небесное, всегда готовое послушаться и послужить призывающему его сердцу. Сколько уроковъ опять для раба Господня! . Что же послѣ сего значить обыкновенное превозношеніе наше заслугами рода, званія, общества, времени и мѣста нашего — почиваніе на чужой славѣ? Что значать, не менѣе обыкновенныя, провозглашенія многоразличныхъ добродѣтелей нашихъ, въ которыхъ лучшее есть дѣло Божіе, посредственное — плодъ обстоятельствъ, худшее — безспорно наше? Что значить похваленіе совершенствами духа и тѣла — иногда столько искусное, — совершенствами — иногда такъ сомнительными, что остается недоумѣвать, не хотимъ ли мы посмѣяться надъ чужимъ смысломъ или терпѣніемъ? Что значить наше пересчитываніе при вся-

комъ удобномъ случаѣ заслугъ своихъ, принесшихъ пользу, можетъ быть только самому служившему. — пожертвованій часто ничего не стоившихъ, — трудовъ, по лукавому выраженію, *посильныхъ*? — пересчитываніе преждевременное, когда еще не раскрыта книга Божія, и неизвѣстенъ счетъ опущеній нашихъ по службѣ, корыстныхъ видовъ при пожертвованіяхъ и малодушныхъ роптаній въ трудѣ? Что значать домогательство наградъ и жалобы на невниманіе къ намъ высшихъ — нетерпѣливое вмѣшательство въ дѣло Божественнаго суда и мздоузданія? — при успѣхѣ завидливое соревнованіе и соперничество, а въ неудачѣ уныніе и презрительное бездѣйствіе? — какъ бы сывъ царствія *вовсе и не зналъ*, что у него есть другая и *многая мзда на небесахъ!* Все это значить одно, а именно: что рабство Господу, глубокое и молчаливое, неизвѣстно и недоступно суетливому духу нашему, — что мы пріятнѣе для себя находимъ сами себя оцѣнить и наградить и ублажить, какъ бы не довѣряя или мудрости, или благости, или правдѣ, или могуществу Господа. Это уже не свойство рабовъ Господнихъ; и съ рабами Господними нѣтъ блаженной доли такому рабству. Кто работалъ себѣ, тотъ самъ себя и награждай, а

кто наградилъ себя, тому уже нечего ждать отъ Бога.

Раби Господни, стоящи въ храмъ Господни, и припадающіи къ Матери Божіей! Не забудемъ, что она—Раба Господня, а у рабы Господа искать сочувствія ни тому, кто не научился самъ служить другимъ, ни тому, кто не умѣетъ плѣнить воли своей въ послушаніе Христово, ни тому, кто не привыкъ рабски-терпѣливо и молчаливо встрѣчать и провожать всякое обстоятельство жизни. Она не требуетъ ни высшаго тона, ни хитраго слова, ни изысканнаго положенія, ни холодной вѣжливости отъ своего молитвенника. Ей нужна простота, прямота, теплота и чистота! Кто стяжалъ сію четверицу любезныхъ Ей свойствъ, тотъ можетъ надѣяться, что Раба Господня послужитъ и ему во спасеніе Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПЯТУЮ НЕДЕЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Приснопамятная *Лествица*, возводящая на небо, сказала намъ, что на послѣдней степени ея восходящій обрѣтаетъ Бога, — «видитъ лице Верховнаго Владыки, невидимо въ чистую душу входящаго». Какъ благовременно это ея свидѣтельство для постника, готовящагося также зрѣть Бога въ образномъ воспоминаніи Его искупительнаго служенія роду человѣческому! Соединить то и другое богозрѣніе—вотъ спасительное намѣреніе Церкви. Имѣя это въ виду, она при самомъ вступленіи нашемъ въ постъ говорила уже о богозрѣніи, нѣкогда общей долѣ человѣчества, напоминая намъ то

отдаленное время, въ которое первый богозритель первый же и лишень былъ радости видѣть Бога, когда изгнанный изъ рая сладости, онъ въ горести духа говорилъ: *ктому не узрю Господа и Бога моего.* По окончаніи говѣнія нашего — Богъ дастъ — она пригласитъ всѣхъ насъ *очиститъ* чувства и зрѣть *неприступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистающа* — въ начало и залогъ будущаго полнаго, совершеннаго видѣнія Его, когда мы будемъ *ѣсть причащаться* Его *въ не вечернемъ дни царствія* небеснаго. Какъ связь перваго боговидѣнія съ послѣднимъ, выставляется Церковію на видъ то преественное боговидѣніе, къ которому ведетъ и приводитъ лѣствица христіанскихъ подвиговъ. Что въ прошлую недѣлю мы видѣли какъ правило и образецъ, то въ настоящей день имѣемъ радость видѣть, какъ живое, олицетворенное выполненіе. Совершеннѣйшимъ образомъ прошла блаженную лѣстницу, ублажаемая нынѣ, величайшая подвижница христіанскаго міра, преподобная Марія Египетская. Стоя на высотѣ ея, она не разъ входила въ толь тѣсное общеніе съ Богомъ, что удостоивалась видѣть Его, сколько это можно брэнному естеству человѣческому. «Егда же довольно плакахся, и въ перси усердно бяхъ: тогда свѣтъ видѣхъ всюду

облястающѣ мя, тишина велика въ бури мѣсто бываше ми.» Такъ высказывала преподобная подвижница своепреестественное состояніе. Не сказала смиренномудренная: видѣла ли она еще что, кромѣ свѣта; но когда она говоритъ, что «никогда и книгамъ не учившуюся и не слыхавшую никогда ни поющаго, ни читающаго, ее само Слово Божіе живущее» учило въ пустыни, то мы не сомнѣваемся, что свѣтъ оный былъ только спутникомъ другаго свѣта истиннаго, просвѣщающаго всякаго человека, а преимущественно того, кто самъ заботится о просвѣтленіи очей сердца своего. Но и боговидѣніе перваго человека, и боговидѣніе будущей жизни, и боговидѣніе подвижническое есть боговидѣніе преестественное, — собственно удѣлъ неба, а не земли. На землѣ мы видимъ Бога только *въ виданіи, яко зеркаломъ*, — чрезъ посредство, свидѣтельствующей о Немъ, твари. Между тѣмъ и земное и небесное боговидѣніе есть одно и тоже видѣніе Божественной славы, — естественное — въ мірѣ земнаго, измѣнчиваго, образнаго естества, и преестественное — въ премірномъ, вѣчномъ, первообразномъ царствѣ бытія. Простираясь чрезъ всю совокупность дѣлъ творенія и промышленія Божія, оно можетъ составлять также особенную лѣствицу

богозрительнаго восхожденія, дополненіе къ блаженной лѣствицѣ нравственно-дѣятельнаго восхожденія. Та—лѣствица труда, эта—отдыха. Ослабѣвающій на той можетъ укрѣпиться на этой. Та возводитъ, эта возноситъ къ Богу. На той послѣдняя ступень позволяетъ видѣть Бога чрезъ союзъ вѣры, надежды и любви; на этой — чрезъ союзъ правды, мира и радости о Дусѣ святѣ — послѣднихъ свидѣтелей и указателей на землѣ присутствія Божія. Ревнители подвига воли и подвига мысли! Время постническаго приготовленія нашего оканчивается. Чрезъ недѣлю мы призовемъ къ тому, къ чему готовились, —къ живому созерцанію величайшей тайны искупленія нашего, —къ зрѣнію Бога въ плоти, въ болѣзни, въ мукѣ, въ смерти и въ славѣ воскресенія... Ослѣпительный блескъ солнца требуетъ, чтобы взоръ, долженствующій къ нему устремиться, приготовленъ былъ къ тому постепенно бѣльшимъ и бѣльшимъ видѣніемъ свѣта. Блескъ совершеннѣйшаго христіанскаго богозрѣнія заставляетъ насъ идти къ нему лѣствицею естественнаго богозрѣнія. Посвятимъ на святое дѣло сіе минуты настоящаго собесѣдованія.

Бога никто же видѣ нигдѣ же (Іоан. 1, 19), говоритъ Боговидѣць. Такимъ образомъ какъ бы

съ перваго раза отнимается всякая надежда на богозрѣніе, и дѣлается напраснымъ изслѣдованіе о немъ. *Духъ есть Богъ* (Іоан. 4. 24.), говоритъ Господь. Онъ наполняетъ Собою небо и землю (Іерем. 23. 24), живетъ во вѣки (Второз. 32. 40), невидимъ (1-е Тим. 1. 20), не подобенъ никакому подобію (Ис. 40. 18. 25.), не постижимъ (Рим. 2. 34) и т. под. — *Богъ*, какъ Онъ есть, безъ образа и подобія, действительно *никто же ни видѣлъ же видѣлъ* (1-й Іоан. 4. 12). Нѣтъ для этого въ безконечно-маломъ существѣ человѣка способности и возможности, какъ нѣтъ возможности исчерпать горстью море. Но, не видя Бога видѣніемъ земнымъ, человѣческимъ, самымъ, по нашему мнѣнію, полнымъ и совершеннымъ, мы имѣемъ возможность видѣть Его видѣніемъ другаго рода, не менѣе истиннымъ. Человѣческое видѣніе останавливается обыкновенно на поверхности, — не углубляясь во внутрь, спѣшитъ составить заключеніе, большею частию выводимое изъ предположеній. Господа Бога надобно зрѣть не поверхностнымъ, нагляднымъ образомъ. Безконечная полнота совершенствъ Его требуетъ внимательнѣйшаго, подробнѣйшаго разсмотрѣнія ихъ. Совершенно такимъ образомъ Онъ и открылъ себя проницатель-

ному взору богомыслителя. Онъ начерталъ божественный образъ свой на всемъ, что вышло изъ творческихъ, и выходитъ изъ промыслительныхъ, рукъ Его. Во всѣхъ дѣлахъ Его и можетъ слѣдъ видѣть Его человѣкъ.

Не по самолюбію, а по предчувствію истиннаго значенія и положенія вещей, человѣкъ привыкъ дѣлить все, окружающее его, на *себя* и *не себя*. Послѣднее онъ называетъ то *міромъ* (видимымъ), то *свѣтомъ*, то *природою*... Первое понимаетъ и принимаетъ, какъ собственное лице и бытіе. Любомудріе недавняго времени едва не охладило всякую любовь къ мудрости своимъ, столько извѣстнымъ, эгонстическимъ выводамъ изъ: *я не-я*, или *міра*; смиренномудріе древнихъ временъ проще полагало, что и *я*, и *не-я* суть равно выводы одного Его.

1. Міръ видимый есть первый отпечатокъ Божества, Его неизмѣримые предѣлы говорятъ о безпредѣльности Создателя. Его неизмѣнный чинъ явленій и переменъ указываетъ на вѣчность Бога. Его изумительный порядокъ свидѣтельствуешь объ одномъ и томъ же, всегда себѣ вѣрномъ, законѣ Божественнаго дѣйствованія. Его единство, съ безчисленнымъ разнообразіемъ частей, говоритъ о единомъ, но бесконечно-свободномъ, Дѣятелѣ. Пре-

мудрое сочетание и соподчинение и сонаправление тварей въ одинъ, вездѣ себя поддерживающій и охраняющій, кругъ бытія и жизни проповѣдуютъ о премудрости Верховной причины всего сущаго. Неудержимо-влекущая красота міра ведетъ мысль къ невообразимой красотѣ Божіей. Видимое до-вольство жизнію чувствующихъ тварей, знающихъ и понимающихъ наслажденіе и радость, говорить о любви и блаженствѣ Жизнодавца. Каждая область великаго царства Божія, каждый предметъ — отъ величайшаго до малѣйшаго — входящій въ общій составъ міра, своимъ образомъ показываетъ въ себѣ Бога. *Небеса повѣдаютъ славу Его* (Пс. 18. 2.), *правду Его* (Пс. 96. 6), *чудеса Его* (Пс. 88. 6). Земля исповѣдуетъ *милости Его* (Пс. 32, 5.). Стоитъ только не закрывать очей души, и Богъ явится повсюду. Въ минуты всеобщаго покоя природы, когда вызывающее и обличающее шумную суету жизни свѣтило закроется отъ насъ, выйди, боголюбецъ, изъ тѣсной хранины тѣснаго житія земнаго въ великій храмъ Божій, и посмотри на сводъ небесный. Кажется, каждая звѣзда несетъ къ тебѣ особенную черту Божества, и вся изумляющая необъятность неба хочетъ начертать предъ тобою одинъ ликъ высокаго, неиз-

мѣннаго, безстрастнаго, безпредѣльнаго, вѣчнаго, повсюднаго Зрителя дѣлъ твоихъ, окружающаго и объемлющаго тебя со всѣхъ сторонъ, безмолвно о чемъ-то съ тобою бесѣдующаго, и медленно — таинственно проходящаго предъ тобою. Мы призывали, думая о Богѣ, обращаться къ небу. Мы знаемъ, что много разъ міръ духовный, дѣйствуя на землю, приходилъ съ неба. Знаемъ, что на небо вознесся нашъ Господь — слава и радость всего человѣчества. Не знаемъ только, на сколько небо видимое можетъ свидѣтельствовать о небѣ невидимомъ, но имѣемъ несомнѣнно-вѣрное убѣжденіе, что тамъ — въ необъятности и безконечности небесной живетъ безконечный Богъ. Не знаемъ, въ какой степени земля съ ея человѣкомъ принимаетъ участіе въ общей жизни неба, но знаемъ, что тамъ нашъ зиждущій, управляющій, судящій и милующій Промыслъ. Небо для насъ, такимъ образомъ, неизбежный и неустрашимый, а потому, надобно думать, вѣрный указатель, и учитель о Божествѣ. Съ неба низведи взоръ на нашу, все еще слишкомъ великую, но въ сравненіи съ небомъ ничтожно-малую, землю, и пронесись испытующимъ взоромъ по всѣмъ царствамъ бытія ея. Какая отрада разольется въ душѣ твоей при первой мысли, что

оний безконечно высокій и удаленный Богъ небесный есть и Богъ нашей земли, — что Онъ положилъ слѣдъ Свой на каждой подручной намъ вещи, — останавливался нѣкогда творческою мыслию на каждомъ родѣ бытія. напечатлѣлъ ее на немъ навсегда для разумнаго созерцанія. Грѣхъ осуетилъ все, окружающее насъ. Мы присмотрѣлись къ дѣламъ Божиимъ до того, что часто вовсе не считаемъ ихъ Божиими, замѣняя Бога безотчетно (чтобъ не сказать прямо: безумно) употребляемымъ словомъ: *природа*. Но какъ природа не можетъ ни творить, ни мыслить, ни отобразить себя, то мы и не думаемъ видѣть въ предметахъ земныхъ что нибудь высшее, свидѣтельствующее о Богѣ. Неразуміе и ослѣпленіе, достойное всегдашняго оплакиванія! Дивный величіемъ въ небѣ, Господь дивенъ разнообразіемъ силы, жизни, красоты на землѣ. Смотри на него въ обыденныхъ явленіяхъ стихій земныхъ: водою Онъ все произращаетъ, питаетъ, очищаетъ, огнемъ все согрѣваетъ, освѣщаетъ и претворяетъ, воздухомъ живительно поживаетъ надъ всею землею, теплотою вызываетъ жизнь и плодоношеніе, — хладомъ укрѣпляетъ живущее и плодоносящее, дождемъ даетъ силу и крѣпость и свѣжесть всякому возрастанію, — вѣт-

ромъ разноситъ милующую или карающую долю суда Своего по лицу земли. Онъ, милостивый и грозный, присутствуетъ въ тучахъ и посылаетъ молнию и громъ для возбужденія силъ и для уравновѣшенія стихій земли. Вездѣ, отъ поверхности земной до высоты небесной, начертывается Его промыслительный Ликъ. Посмотри и на каждое животное земли, на дерево, на цвѣтъ сельный, на быліе травное. Не видишь ли и тутъ опять Его же премудраго, преблагаго, облеченнаго въ красоту и велелѣпоту, благоуханнаго, сладчайшаго пречистаго, всесовершеннаго? Если бы ты углубился внутрь земли, и тамъ увидѣлъ бы Его же начало-зидительную руку, воздвигающую вещество, и связующую тѣло земли водными жилами.

Камо пойду отъ Духа Твоего? и отъ Лица Твоего камо бѣгу? Аще възыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси: аще возму криль мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя.. (Пс. 38. 7. 8.) Вездѣ Ты единый, все живящій, всѣмъ правящій, всѣхъ радующій! Къ Адаму Ты приходишь въ прохладѣ дня (Быт. 3. 8), — Аврааму знаменуешь себя мракомъ (Быт. 5. 12.), съ Моисеемъ бесѣдуешь въ облакѣ (Исх. 24, 18), съ народомъ Израиль

Исраильскимъ—въ гласѣ трубномъ, огнѣ и дымѣ (Исх. 24. 18), Или являешься въ гласѣ хлада тонка (3. Цар. 19. 12), на апостоловъ сходишь въ бурномъ дыханіи и огнѣ (Дѣян. 2, 23.).. Павла облиставашъ свѣтомъ (Дѣян. 9. 3), всѣхъ насъ возраждаешь водою, запечатлѣвашъ елеемъ святымъ, питаешь хлѣбомъ жизни, освящаешь древомъ крестнымъ.. Вездѣ видѣнь Ты свѣтлomu и чистому взору богомыслителя!—Не отвращай же и никогда Лица Твоего отъ отроковъ Твоихъ! Пусть мы видимъ Тебя, Вездѣсущаго, повсюду! Пусть неблагодарное мудрованіе, отнимающее у Тебя славу ближайшаго и непосредственнаго міроуправленія, и предпочитающее Тебѣ дѣло рукъ Твоихъ, отрокамъ Твоимъ кажется и неправдою, и безуміемъ, и хулою на Тебя, на міръ и на собственное ихъ достоинство!

2. Человѣкъ самъ есть не только печать, но и образъ Бога. Отсюда второй путь къ богозрѣнію есть взглядъ нашъ на самихъ себя. До тѣхъ поръ, пока грѣхъ не обезобразилъ естества нашего, человекъ былъ яснѣйшимъ отображеніемъ высочайшихъ совершенствъ Божіихъ. Но и въ растлѣнномъ состояніи своемъ, онъ все еще существенно стоитъ выше всѣхъ другихъ тварей земли, а

потому непререкаемо указываетъ въ себѣ на образъ Божій. Его трехчастная дѣятельность давно вела богомудренную мысль къ заключенію о троичности Лиць Божества—при единомъ существѣ. Его стремленія ко всему истинному, доброму и прекрасному суть неистребимо наложенный на него отпечатокъ неизмѣнности, святости и совершенства Творца его. Его совѣсть неумолима и незаглушимая говоритъ о вѣчномъ законодательствѣ и правосудіи Божіемъ. Сердце, истаевающее отъ любви, и любовію вызывающее, и направляющее и связующее всѣ отношенія жизни, говоритъ о Богѣ, Который *любы есть*. Умъ, во все проникающій и все обозрѣвающий, и соображающій даетъ гадать по себѣ о Всевидящемъ, Всевѣдущемъ, и Всесодержащемъ. Воля свободная есть прямое свидѣтельство о Независимомъ, *вся, елика восхотѣ, сотворившемъ* (Пс. 113, 2.) и *всѣмъ, яко же хочетъ* (1 Кор. 12. 11.) управляющемъ. Наша безпрестанная дѣятельность душевная есть черта Того, Кто отъ вѣчности дѣлалъ и досель дѣлаетъ (Ісан. 5.17.), *не воздремлетъ, ниже уснетъ* (Пс. 120, 4.). Наша способность созидать изъ малаго многое, задумывать и выполнять, дѣлать и разрушать и т. дал. указываетъ на божественное творчество. Даже и не въ глубинѣ толь-

ко существа нашего можетъ быть зримъ его Создатель, а и во внѣшнемъ составѣ нашемъ, который есть образъ образа Божія. Наше зрѣніе, простирающееся до изумительной отдаленности, укажетъ въ себѣ черту Бога Всевидца. Нашъ слухъ, открывающій въ простомъ законѣ чуждаго ему вещества безстрастное и самое глубокое наслажденіе, даетъ намекъ на чистѣйшее, полнѣйшее, блаженнѣйшее вседовольство Божіе. Устройство тѣла нашего также указывало нѣкоторымъ богумудрымъ мужамъ въ себѣ образъ Божій. Словомъ: на какую бы сторону существа своего мы ни обратили богомысленное вниманіе, мы вездѣ увидимъ Бога;—человѣкъ съ тѣмъ и созданъ въ образъ Божій.—Во сколько разумное и свободное существо выше всей неразумной природы, во столько ближе и точнѣе человѣкъ даетъ видѣть въ себѣ Господа Бога, нежели міръ. Міръ говорилъ о бытіи и свойствахъ Бога, человѣкъ можетъ высказывать собою тайну жизни Божіей. Онъ соединенъ съ Богомъ началомъ жизни своей, живетъ Его дуновеніемъ, носитъ въ себѣ Его силы, обнаруживаетъ Его въ своей дѣятельности. Глубочайшая сторона его жизни — нравственная — есть сѣдалище вѣчнаго и неизмѣннаго закона воли Божіей, пере-

ходящей уже какъ бы въ нашу волю, и составляющей начатокъ нашего обоженія. Владычество человѣка надъ природою, сохранившееся отчасти еще теперь, для неразумной твари дѣлало его видимымъ образомъ Бога. Врагъ рода нашего чувствовалъ въ насъ присутствіе Божественныхъ силъ, и нехотя высказалъ это, когда лукаво увѣрялъ, что мы будемъ *яко Бози* (Быт. 3,). Такъ ясно и гласно мы повѣдаемъ собою Бога видимо и невидимо окружающему насъ міру! Но чтобы совершеннѣе прозирать въ человѣкѣ Бога, надобно искать человѣка высокой духовной жизни. Непобѣдимое могущество духа часто при слабомъ и немощномъ тѣлѣ, неутомимая дѣятельность мысли и сердца большею частію при безмятежномъ состояніи тѣла, — невозмутимый миръ совѣсти, — безстрастное, но переполненное любовію ко всѣмъ и всему, сердце, — взоръ, проникающій до глубины души и судящій помышленіямъ сердечнымъ, — голосъ или неудержимо влекущій къ себѣ, или поражающій страхомъ, — и многое другое., вотъ черты истинно божественныя, предъ которыми съ благоговѣйнымъ почтеніемъ преклоняется самъ человѣкъ, волей или неволей, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ свидѣтельствуя чрезъ то, что онъ видитъ Бога, — хотя и въ

скудельномъ сосудѣ человѣческой природы. — О, какими слезами можно оплакать то, что не всѣ мы говоримъ собою о Богѣ! Лучшій бы и блаженнѣйшій былъ способъ намъ видѣть Бога — въ самихъ себѣ, — въ своей чистотѣ, правотѣ, силѣ, власти, славѣ.

2. Книга дѣлъ творенія Божія не полна безъ книги дѣлъ Божественнаго искупленія, — говоритъ много и подробно, но все на древнемъ, не для всѣхъ равно понятномъ, языкѣ, и представляетъ Бога болѣе бывшимъ, нежели пребывающимъ съ нами. Развернемъ, боголюбцы, другую божественную книгу, — книгу христіанскаго богоявленія. Здѣсь мы увидимъ Господа Бога нашего лицомъ къ лицу.

1. Къ сожалѣнію всего человѣчества, въ первый разъ человѣкъ самъ не захотѣлъ видѣть Бога, убѣжалъ отъ Его присутствія. Когда только что насаждалась въ мірѣ жизнь нравственная, каждое движеніе воли, самое малое, по видимому, имѣло чрезвычайную важность, — давало направленіе характеру всего человѣчества. Нежеланіе видѣть Бога говорило уже о начинающейся неспособности боговидѣнія. Чѣмъ далѣе человѣкъ жилъ, тѣмъ менѣе становился способнымъ къ тому. *Невозможеши*

видѣти лица Моего: не бо узритъ человекъ Лице Мое и живъ будетъ (Исх. 33, 20), говорилъ Господь лучшему изъ людей, хотя все еще говорилъ съ нимъ такъ, *яко же аще бы кто возлагалъ къ своему другу* (— — 11). Для всей остальной избранной части рода человѣческаго Онъ закрылъ себя Скинїей и Ковчегомъ Завета, и долгое время зримъ былъ подъ симъ прообразовательнымъ покровомъ. Наконецъ идолопоклонство и нечестіе совершенно скрыли Его отъ взора человѣческаго; —исчезъ и таинственный Ковчегъ. Еще менѣе зрѣла Бога другая часть человѣчества. Томимая неискоренимымъ желаніемъ боговидѣнія, она пыталась идти по обоимъ указаннымъ нами путямъ къ Нему, и всегда бѣдственно заблуждалась, воображая, что или міръ—Богъ, или человекъ — Богъ. Первый путь приводилъ ее къ поклоненію небу и тайнымъ силамъ Естества, второй—къ обожанію всего, что казалось лучшимъ и достоуважительнѣйшимъ въ человекѣ. И въ томъ и другомъ случаѣ желаніе ближайшаго богозрѣнія вело къ позорному идолопоклонству. Человѣколюбецъ жалѣлъ о человекѣ, зная, что въ основаніи его заблужденія лежало похвальное стремленіе къ Богу, желаніе возвратитъ первобытное состояніе боговидѣнія, и при-

готовлялъ мало по малу людей къ совершеннѣйшему богоявленію. Въ народѣ Божіемъ давно стали появляться носители Духа Божія, говорившіе и дѣйствовавшіе отъ имени и лица Божія—предвѣстники воплощенія Бога-Слова. Наконецъ блаженныя очи увидѣли то, что мнози пророцы и царіе восхотѣли видѣти (Лук. 10. 24.),—утѣху Израилеву (Лук. 2, 25.) и чаяніе языковъ (Быт. 49, 10). Богъ явился во плоти (1 Тим. 3. 16.), и образомъ обрѣтается якоже человекъ (Фил. 2. 7), свѣтъ сіяніе славы и образъ ипостаси Божіей (Евр. 1, 3.). Видѣсть очи мои спасеніе Твое (Лук. 2, 30). Видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца (Иоан. 1, 14). заговорили въ слухъ всему міру самовидцы и слуги бывшіи Словесе (Лук. 1, 2). Азъ и Отецъ едино есма (Иоан. 10. 30.), говорило само Слово животное. Видѣвший Мене видѣ Отца (Иоан. 14, 9). Съ тѣхъ поръ очи всѣхъ обратились къ Богочеловѣку, сердца устремились къ сладчайшему Иисусу, мысли направились къ Христу,—всеобщему средоточію человѣческой исторіи, соединившему оба Завѣта въ одно неразрывное царство Божіе. Но божественнаго Лица, всѣми искомаго, на землѣ уже не было! Остались только Его утѣшительныя слова: *се Азъ съ вами есмь во вся дни*

до скончанія вѣка (Мат. 28. 20). Блаженіи не видѣвшіи и вѣровавшіе (Іоан. 21. 29). Любятъ Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ (Іоан. 14. 2)... Много обѣщано, но все менѣе, нежели сколько хотѣла бы душа, ищущая Бога.— Душа христолюбивая! На что яснѣе и совершеннѣе того образа Христова, который начертали предъ нами Евангелисты? Смотри на него, и восторгайся! Вотъ Онъ, кроткій и смиренный сердцемъ, яко агнецъ непорочный и пречистый, яко агнецъ ведется на закланіе и не отвергаетъ устъ своихъ; не преречетъ, ни возопіетъ, ни же услышитъ кто на распутіяхъ гласа его; трости сокрушенныя не преломитъ и льна внемшася не угаситъ (Мат. 12. 19. 20)... Вотъ Онъ милосердуетъ о людяхъ, воздыхаетъ, обвиняетъ и благословляетъ дѣтей, плачетъ надъ умершимъ, скорбитъ до смерти, предателя называетъ другомъ, молится за распинателей.. Умаливши Себя до зрака рабія, всѣмъ служить, всѣмъ благодарствуетъ, не ищетъ своей славы, душу полагаетъ за овецъ, ищетъ ищущихъ Его, пріемлетъ мытарей и грѣшниковъ, послушливъ бываетъ до смерти.. Возстановляя истинное богопочтеніе, учить всѣхъ и повсюду, переходя съ мѣста на мѣсто и

не имѣя, — гдѣ главы подклонить, обличаетъ злоупотребленія, негодуетъ, съ гнѣвомъ взираетъ на злоупотребителей, съ ревностію очищаетъ домъ Божій отъ купли, съ угрозою пророчествуетъ на сопротивленіе Его божественной истинѣ... И можно ли перечислить всѣ черты божественнаго образа Христова? Присоединимъ ко всему сказанному голосъ преданія, утверждающаго, что никто, никогда не видалъ Господа смѣющимся, а плачущимъ видали часто. Не говоримъ уже о томъ, что Онъ былъ *красенъ добротою паче сыновъ человеческихъ*. Это какъ бы уже не существенная черта божественная Лица Спасителя. Между тѣмъ, если что болѣе, такъ это именно обликъ Господа, составляетъ для многихъ самое возжелѣннѣйшее въ христіанскомъ боговидѣніи. И этому желанію уступила любовь и заботливая снисходительность Божія. Въ Церкви Христовой долго сохранялся нерукотворенный образъ Лица Иисуса Христа. Очень рано также стали по преданію изображать Господа въ томъ видѣ, въ какомъ видѣли Его во время Его земной жизни. Заботливость православной Церкви и благочестивая ревность христіанцевъ сохранили въ общихъ чертахъ образъ Господа до нашего времени. Дополняя сей образъ образомъ Евангельскимъ, мы съ до-

статочною ясностію зримъ и этимъ третьимъ способомъ Бога. — Христіанинъ! Безцѣнный образъ Господа нашего также можетъ быть затемняемъ и искажаемъ и въ наше время, какъ онъ былъ перетолковываемъ и обезображиваемъ при жизни Господа Его недоброжелателями. Поревнуемъ, сколько у насъ достанетъ силъ и законныхъ средствъ, о томъ, чтобы ни Евангельскій ликъ Спасителя не искажался суемудріемъ или суевѣріемъ, ни живописный не былъ плодомъ неискусной руки или нечистаго воображенія. Взирая же на пречистый образъ Христовъ, будемъ постоянно памятовать слова несѣдальной пѣсни Спасителю: «Странно Бога вочеловѣчшася видяще, устранимся суетнаго міра, ни умъ на божественная возложимъ: сего бо ради Богъ на землю сниде, да насъ на небеса возведетъ.» (Конд. 8.)

2. Блаженное обѣтованіе Господа пребывать въ Церкви до скончанія вѣка даровало вѣрующимъ новую возможность новымъ способомъ зрѣть Бога. Господь благоволилъ соединить насъ съ Собою, какъ соединены рождіе съ лозою (Іоан. 15. 5.), сдѣлался нашимъ, всегда и повсюду намъ присутимъ, такъ что гдѣ—вѣра, тамъ и Онъ,—*впроую вселяющійся въ сердца наши* (Еф. 3. 17.), гдѣ—

молитва, тамъ и Онъ—давшій слово сотворить все, еже аще что воспросимъ во имя Его, и слѣд. быть при молитвѣ нашей; гдѣ — любовь, тамъ и Онъ,—обѣщавшійся вмѣстѣ съ Отцемъ придти къ возлюбившему Его и обитель у него сотворить (Иоан. 14. 23.). Гдѣ—два или три, собраннїи во имя Его, ту и Онъ—посредь (Мат. 18. 20.)... Но таинственное соприсутствїе Его много даетъ сердцу, мало—зрѣнію.. Господь благословилъ намъ видѣть Себя и чувственно — въ таинствѣ пречистаго Тѣла и честныя Крови Его. Здѣсь вся искупительная жертва предъ очами нашими точно въ томъ видѣ, въ какомъ видѣли ее Апостолы, въ первый разъ воззванные къ таинствамъ Новаго Завѣта, и познавшіе въ своемъ Учителѣ Бога законоположника. Чего недостаетъ здѣсь для полноты нашего боговидѣнія, того недоставало и Апостоламъ. Успокоимся и заключимъ изъ этого, что для чувственныхъ очей нашихъ вѣрно и нѣтъ возможности видѣть прославленное и вознесенное на небо пречистое Тѣло Господа нашего въ Его человѣческомъ образѣ.—Вкушая хлѣбъ небесный и чашу жизни, мы вселяемъ въ себя Христа и вселяемся въ Него, бываемъ *единъ духъ съ Господемъ* (1. Кор. 6. 17.). Что же? Сїе преестественное

единеніе должно ли навсегда оставаться несвидѣтельствованнымъ для насъ? Соединившій Себя съ нами останется ли для насъ навсегда сокровеннымъ?. Можетъ остаться, если въ насъ не будетъ любви къ Нему непрестанной, неумолчно-вопіющей, неотступной и непреодолимой. Гдѣ же есть теплѣйшее устремленіе души къ своему сладчайшему Жениху, тамъ не заставитъ ждать Себя стоящій при дверяхъ и толкующій, — увидеть къ ней, и будетъ вечерять съ нею до невечерняго дня царствія Своего (Апок. 3. 20.). Какъ блаженная душа узритъ при этомъ Бога—нельзя сказать тому, кто не зрѣлъ Его Мы знаемъ, что часто сіе таинственнѣйшее богоявленіе обнаруживало себя особеннымъ, не похожимъ ни на какой земный, свѣтомъ. О семъ свѣтѣ говорила и ублажаемая нынѣ богозрительница—Преп. Марія Египетская. Но то, что являлось глазу, боговидцы считали за ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что видѣла ихъ душа, по выраженію Лѣствицы, погружающаяся въ Бога. Незримый для посторонняго взора, свѣтъ богоявленія часто отражался видимо на лицѣ богозрителя. Первый и разительнѣйшій примѣръ тому Моисей (Исх. 34. 30.). Многіе изъ боголюбивыхъ подвижниковъ, лежа на одрѣ смертномъ, сотрясались

всѣмъ существомъ отъ незримаго богоявленія, и такъ же просвѣтлялись лицомъ. Но что видѣли они... о, если бы Человѣколюбецъ удостоилъ видѣть когданибудь наше нечистое и омраченное око душевное если—не въ здѣшнемъ мѣрѣ, то по крайней мѣрѣ тогда, когда достойные Бога будутъ зрѣть Его *яко же есть...* Тогда *узритъ Его всяко око* (Апок. 1. 7.), гов. Тайновидѣцъ. Слѣд. и наше должно узрѣть. Но какъ и съ чѣмъ узритъ? Съ тѣмъ ли, чтобы просвѣтить лице наше яко солнце, или чтобы облечь его въ мракъ стыдѣнія вѣчнаго?..

О Братія! И увидѣть Бога можно не на радость себѣ. Какъ это горько для грѣшнаго человѣка! Чтобы не встрѣтить Его на небѣ неприготовленно,—неожиданно и нежеланно карателемъ и мстителемъ своимъ, постараемся заравѣе, теперь, восходить къ Нему по лѣствицѣ нашего земнаго богозрѣнія,—къ чему благоприятнѣйшее время есть время настоящее, время оканчивающагося оплакиванія страстной жизни нашей и начинающагося радостотворнаго плача надъ страстями Христовыми—еще особеннаго способа боговидѣнія, о которомъ мы намѣренно умалчиваемъ, потому что онъ самъ за себя будетъ громко и поучительно говорить любящему сердцу и благоговѣющему уму.—Но восходя на лѣствицу,

не забудемъ напомнить себѣ печальную истину, что высокая и сладостная доля видѣть Бога не естъ доля, общая всѣмъ безъ исключенія. *Злотворяй*, говоритъ Апостоль, *не видь Бога* (3. Іоан. 11.). *Миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихъ же кромь никтоже узритъ Бога* (Евр. 12. 14.), говоритъ другой Апостоль. *Блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ* (Мат. 5. 8.), говоритъ самъ Господь. Почему такъ? Потому, что кто злотворитъ, тотъ не можетъ спокойно возрѣть на Всеблагаго. А кто самъ въ себѣ не имѣетъ мира, и не установилъ святыхъ отношеній со всѣми, тотъ повсюду увидитъ только безпорядокъ и разстройство; а Богъ нѣсть *Богъ нестроенія* (1. Кор. 14. 33), *но мира* (Рим. 16. 19). Кто нечистъ сердцемъ, тому и все представляется въ грѣховномъ безобразіи. А потому *всякъ имѣяй надежду сію на Нь, да очищаетъ себе, яко же Онъ чистъ есть* (1. Іоан. 3, 3.). Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ ШЕСТОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

*Душеполезную совершивше Четыре-
десятницу, и святую седмицу стра-
сти Твоя просимъ видѣти, Человѣ-
колюбче.*

Стихира Субботы Ваий.

Какъ все преходящее, прошла и св. Четыреде-
сятница, казавшаяся намъ въ началѣ своемъ столь-
ко длинною, такую тяжелою!. — Съ тѣхъ поръ
какъ *человѣкъ суетъ уподобися* (Пс. 143. 4.),
своимъ суетливымъ взглядомъ на ходъ и порядокъ
вещей, онъ самое время вводитъ въ рядъ обык-
новенныхъ предметовъ своего занятія—любимыхъ
или нелюбимыхъ, вождельнныхъ или неприятныхъ.

Но время, не смотря и на его любовь и на его не-любовь, влечетъ его за собою со всѣми его радостями и скорбями, страстями и пороками, надеждами и воспоминаніями,—не давая ему ни на минуту остановиться среди, непрерывно движущагося и волнующагося, потока обстоятельствъ, —уравнивая и умиряя собою мало по малу всякое новое, необыкновенное состояніе души его. Такъ, привыкшую къ обыкновенному чину жизни, душу занимало (но болѣе тяготило) и наступленіе Четыредесятницы. Она грозила намъ новымъ родомъ пищи, новымъ образомъ жизни домашней и общественной, новымъ церковнымъ чинопослѣдованіемъ — не столько веселымъ и радостнымъ, новымъ состояніемъ совѣсти—довольно не легкимъ для души грѣхлюбивой, и т. под.. Блаженъ, кто дѣйствительно видѣлъ съ началомъ Четыредесятницы вокругъ себя все новое, и потомъ, свыкшись съ нимъ, заставилъ его постарѣть для себя! Онъ не видалъ, какъ прошла Четыредесятница, увлеченный духомъ Церкви, ставшимъ едино съ его духомъ. Но также не видалъ— можетъ быть — и тотъ, кто съ началомъ Четыредесятницы не сопрягалъ никакого *начала благаго*, жилъ, — какъ жилъ прежде, и о перемѣнѣ церковнаго времени

зналъ только по слуху? Есть разность между тѣмъ и другимъ и — весьма значительная. Первый по истинѣ *душеполезную* совершилъ *Четыредесятницу*, послѣдній прожилъ только 40 дней года. Первый, идя *Четыредесятницею*, зналъ, что онъ идетъ впередъ по пути жизни, второй стоялъ на одномъ мѣстѣ, и не думалъ, что жизнь есть путь. Первый искалъ пользы душѣ, второй не замѣчалъ, что у него есть душа. Первый, потому, ждетъ теперь праздника Воскресенія Христова, послѣдній не имѣетъ понятія о праздникѣ, и радуется одной работѣ истлѣнія (Римл. 8. 21.)..

Самое то, что нынѣшнее собесѣдованіе наше имѣетъ себѣ слышателей, служить уже свидѣтельствомъ, что мы съ вами, братія, *душеполезную* совершили *Четыредесятницу*. Кто не слѣдилъ съ участіемъ и любовію за ходомъ великопостнаго богослуженія, для того и нынѣшній день не есть день праздничный, и онъ не сознаетъ въ себѣ призванія быть въ церкви. Радуюсь радости вашей, мы настоящею бесѣдою напомнимъ вамъ только въ совокупности то, что разновременно и по частямъ видѣла и находила полезнаго въ св. *Четыредесятницѣ* христолюбивая душа ваша, и то, что еще найдетъ впереди.

4. Четырдесятница установлена съ тѣмъ, чтобы приготовить Христіанина къ надлежащему препровожденію дней страданія и прославленія Христова. Вся польза, которую можетъ приносить она, по этому, должна быть опредѣляема главнымъ образомъ по отношенію къ сей цѣли. Ведя Христіанина ко Христу, Церковь прежде всего въ Четырдесятницѣ видитъ *Постъ* — время, въ которое требуется воздержаніе отъ всякаго влеченія къ предметамъ міра. *Не суть отъ міра*, сказалъ Господь объ ученикахъ Своихъ, *якоже и Азъ отъ міра нльсмь* (Іоан. 17. 14.) И дѣйствительно, апостолы не принадлежали міру. Они завѣщали и намъ *не любить міра* (1. Іоан. 2. 15.), чтобы на его мѣсто полюбить царство Христово, не сущее *отъ міра сего* (Іоан. 18. 36.). Воздержаніе отъ всѣхъ житейскихъ попеченій очищаетъ и укрощаетъ душу, дѣлаетъ ее свободною и способною къ принятію высшихъ внушеній неба. Земное и небесное послѣ несчастнаго раздвоенія въ чловѣкѣ *закона ума отъ закона инаго, противовоюющаго* первому, стали въ противоположность, взаимно исключая другъ друга, и взаимно стремясь замѣнить другъ друга. Ослабѣваетъ одно, усиливается другое; перестаетъ земля, начинается небо; *преходитъ міръ и*

похоть его, приходитъ Христосъ и царство Его..
 Таковъ теперь законъ духовной жизни! Какъ постъ,
 Четыредесятница именно заставляетъ своего пост-
 ника хладѣть къ міру, и обращаться сердцемъ ко
 Христу. Это первая, начальная польза Четыреде-
 сятницы! — Четыредесятница, во 2-хъ, есть, *говѣніе*,
 т. е. устремленіе души къ Богу. Говѣніе слагает-
 ся изъ двухъ состояній добродѣтельной воли: разъ-
 единенія съ грѣхомъ и соединенія съ Богомъ, вѣн-
 чаемыхъ двумя таинствами Церкви: *Покаяніемъ* и
Причащеніемъ. Покаяніе есть сколько съ одной
 стороны горестная и тягостная, столько съ дру-
 гой—отрадная и спасительная необходимость хри-
 стианской жизни. Благодать Духа Святаго, введен-
 наго таинствомъ св. Мвропомазанія въ душу, есть
 сѣмя истинной, богоугодной жизни. Оно ввѣрено
 землѣ, исполненной зачатками плевельными, вы-
 растающими часто скорѣе его.. *Тернія и волцы*,
проклятой въ дѣлѣхъ рубъ человѣческихъ земли,
 были только внѣшнимъ выраженіемъ душевныхъ
 волцевъ и терній, сѣемыхъ безпрестанно врагомъ
 человѣка въ засыпающую душу.. Ихъ безпрестан-
 но нужно истреблять и выбрасывать изъ души.
 Это самое и есть покаяніе. Кто покаялся во грѣ-
 хѣ, тотъ исторгъ его изъ души своей, и очистилъ

въ ней мѣсто для благодати. При этомъ, чѣмъ ранѣе исторгается плевель, тѣмъ менѣе терпитъ ущерба жизнь благодатная, и чѣмъ рѣшительнѣе и совершеннѣе—исторгается, тѣмъ невозбраннѣе и безпрепятственнѣе растеть сѣмя святое.—Но тернія и волчцы—это только одна сторона зла! Бываетъ въ душѣ, какъ и въ природѣ, безведріе и бездождіе, губящія зачатокъ хриstopодражательнаго жительствова. И чудное, пренебесное благораствореніе посылается въ помощь собственнымъ силамъ и усиліямъ человека! Это есть—таинство Причащенія. *Изъ Него же все тѣло (Церкви) составляемо и счинъваемо приличнъ возвращеніе творитъ въ созданіе самаго себе (Еф. 4. 16.),* Тотъ самъ приходитъ къ душѣ, орошаетъ ее источникомъ жизни и безсмертія, согрѣваетъ свѣтомъ Божества, вводитъ ее въ единеніе съ Собою; послѣ чего она, какъ розга плодоноснѣйшей Лозы, уже не можетъ не плодоносить, и, плодонося, ждетъ дней страданія и воскресенія Христова, какъ дней блаженнаго собранія плодовъ въ житницу, — дней успокоенія и радованія. Окончаніе Четырехдесятницы несетъ ей вѣнецъ славы. Въ страждущемъ Господѣ она узнаетъ Того, именемъ и заслугами Коего ей отпущало грѣхи св. таинство покаянія, — Искупителя,

взявшаго на Себя долгъ челоѳчества... Въ воскресшемъ Господѣ она уразумѣетъ родоначальника новаго челоѳчества, смертію поправшаго смерть, и сообщеніемъ нетлѣннаго, божественнаго, естества Своего, вводящаго въ смертное естество челоѳческое новую, совершеннѣйшую жизнь, — соединяющаго своимъ прославленнымъ, богочелоѳческимъ существомъ всѣ царства бытія въ едино царство Божіе. И страждущій и воскресшій Господь, въ такой близости находятся къ говѣющей душѣ, что дѣло Господне съ ея собственнымъ дѣломъ становится для нея нераздѣльнымъ. Сострадавая Господу, она страдаетъ о достопаечномъ положеніи собственномъ въ жизни настоящей. Сорадуясь Господу, она радуется за радость жизни будущей. — Отъ Христа и отъ себя ея страданіе и радость переходятъ потомъ и на всю обширность земли и неба. Она страдаетъ за все челоѳчество и за всю тварь, суеть повинувшуюся неволею, она радуется за все небо, торжествующее примиреніе Бога съ челоѳкомъ! Вотъ къ чему ведетъ душу говѣніе душеполезной Четырдесятницы! — Наконецъ — въ 3-хъ, самое названіе: *святая Четырдесятница* заставляетъ искать въ ней еще особенной душеполезности. Слово: *святая* показываетъ, что она

есть время священія, т. е. время посвященное Богу, а чрезъ это и освящающее человѣка. Всего неестественнѣе роду избранному, царскому священію, языку святу, людямъ обновленія (1 Петр. 2. 9.), освященнымъ таинствомъ крещенія, приметаться къ сквернамъ грѣха, еще болѣе неестественно быть оскверненнымъ въ то время, когда призываешься на величайшій праздникъ земли и неба, и долженъ бываешь занять мѣсто между Ангелами. *Душеполезная* Четырдесятница приноситъ душѣ и эту окончательную пользу. Она освящаетъ человѣка. Она есть десятина Богу изъ всего года христіанскаго, — есть жертва хвалы Ему и благодаренія. Принося ея Богу, мы привлекаемъ тѣмъ на себя Его оправдывающую милость, покрывающую всѣ недостатки и нашего поста и нашего говѣнія, — дѣлаемъ непорочными и *святыми*, въ которыхъ *Господь* можетъ удивить *вся хотѣнія Своя* (Пс. 15. 3.) мало того — мы освящаемъ собою всю землю, и еще болѣе, — несемъ освященіе въ преисподнія земли — въ обители усопшихъ братій нашихъ. *Сѣмя свято стояніе* земли (Ис. 6. 13), сказалъ *Господь*. Чего еще болѣе? Сѣмя же свято мы видѣли, растеть въ святую пору. Освятивши, — *святая* Четырдесятница передаетъ насъ потомъ *святой седмицѣ* страсти

Христовой, а сія—Святой Недѣлѣ. Отъ одной святыни къ другой будемъ переходить мы.. *Святый да святится еще* (Апок. 22. 11.)!

2. Душеполезную совершивше *Четырехдесятиницу*, и святую седмицу страсти Твоя просимъ видѣти, *Человѣколюбче!* То, къ чему вела и приготавливала насъ св. Четырехдесятиница, уже наступаетъ, братія! Близится конецъ, долженствующій увѣнчать дѣло. Всякій порывъ богомудрія, всякій подвигъ богоугожденія теперь должны получить свое завершеніе. Святую Четырехдесятиницу смѣняетъ довершительная седмица постническаго говѣнія, называемая *великою* и *страстною*. Христось, о которомъ столько сказано было уму и сердцу въ истекшее время, явится предъ очами всѣхъ страждущимъ и входящимъ въ славу свою,—такъ живо, ясно и поразительно, какъ бы очи наши были тѣ самыя *блаженныя* очи, которыя нѣкогда видѣли Господа нашего и рабомъ умаленнымъ и смирившимся, и Богомъ неба и земли. Для чего Онъ явится! конечно, для того, чтобъ Его видѣли.

И святую седмицу страсти Твоя просимъ видѣти.. Такъ говоритъ пѣснь церковная. Прежде всего конечно надобно молить Бога, чтобы Онъ не лишилъ насъ радости дожить до Святой Седми-

цы и прожить ее. Лучшаго для христіанина времени на землѣ и быть не можетъ, какъ сія седмица. Не знаемъ: такъ же ли хороша св. Седмица за предѣлами земной жизни, какъ здѣсь!. Богохвальнѣйшій пѣвецъ говорилъ: *нѣсть въ смерти поминаній Тебе.. во адѣ же кто исповѣсться Тебе.* (Пс. 66.) Что бы ни было тамъ, лучше желать провести дни страданія Іисуса Христа здѣсь — на той землѣ, гдѣ Онъ страдалъ, — въ той плоти, какую Онъ носилъ. — Потомъ надобно молить Господа, чтобы Онъ сберегъ намъ не только жизнь, но и здоровье. Болѣзнь есть зло, неблагопріятное часто столько же душѣ, сколько и тѣлу. Невольно ея оковами связуется парящій въ небо духъ, болящее тѣло сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе и попеченіе человѣка, — и дѣло Церкви можетъ быть отложено имъ въ сторону. Православный и благочестивый христіанинъ, кромѣ того, тогда только надлежащимъ образомъ проводить св. Седмицу, когда проводить ее въ Церкви, участвуя во всѣхъ богослуженіяхъ, содержащихъ въ себѣ столько живыхъ намековъ, напоминавѣй и наставленій христіолюбивому сердцу. Какъ, по этому нерадостною должна казаться намъ необходимость оставаться на одрѣ болѣзни въ то время, когда все движется ко храму, — всѣ ды-

шутъ общимъ сочувствіемъ съ Господомъ!—Но лучше совсѣмъ не имѣть возможности видѣть св. Седмицу, нежели имѣть—и не видѣть!. Св. Седмица, какъ все святое, есть исключеніе изъ общаго—правила суетливой жизни, по которому только то считается дѣломъ, что видимо доставляетъ человѣку выгоду, хотя бы то самую ничтожную и жалкую. Для кого жизнь есть только смѣна одного дня другимъ, переходъ отъ одного дѣла къ другому, — трудъ и отдыхъ, сонъ и бдѣніе, — насыщеніе, прогулка, работа, предпріятіе, расчетъ, сдѣлка, пустословіе, игра... для того не существуетъ различіе седмиць; его не занимають ходъ и чинъ церковнаго богослуженія; ему не когда видѣть св. седмицы страсти Христовой!. Надобно особенно молить Господа, чтобы не остаться въ этомъ преступномъ ослѣпленіи, которому часто и помочь нельзя!. — Думаешь, или нѣтъ о св. седмиць, знаешь ее или нѣтъ, а видѣть ее непременно нужно тому, кто долженъ будетъ нѣкогда увидѣть Господа Іисуса *врядущимъ на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою мноюю* (Мат. 24, 30), и восплакаться отъ неизреченнаго видѣнія. Есть плачь любви и радости, и есть плачь страха и отчаянія. *Восплачутся вся колѣна земная* (—) тогда, одни—

тѣмъ, другіе другимъ плачемъ. Братъ—христіанинъ! Если хочешь тогда плакать отъ радости, плачь теперь отъ горести предъ страждущимъ Искупителемъ,—старайся спострадать Ему въ седмицу страстей Его, проси о томъ Бога, употреби все, чтобы *видѣть* ее и видѣть надлежащимъ образомъ! Церковное празднованіе Христу обыкновенно не есть простое воспоминаніе событія изъ жизни Христовой, а введеніе въ празднующую душу Христа, обѣщавшагося придти и обитель сотворить у того, кто возлюбитъ Его, и призоветъ Его устами состраждущаго Ему сердца. Какая же потеря для христіанина, если суета возметъ его отъ Христа, и вмѣсто седмицы страстей Христовыхъ заставитъ видѣть все ту же нескончаемую седмицу его собственныхъ, погибельныхъ страстей!

Братія! Кто по истинѣ *душеполезную совершилъ* *Четырдесятницу*, тотъ уже тѣмъ самымъ предпочистилъ душевное око свое для видѣнія *святой и великой седмицы* страстей Христовыхъ. У кого же Четырдесятница, къ несчастію, служила въ пользу болѣе тѣлу, нежели душѣ, тотъ по крайней мѣрѣ въ сей единадесятый часъ покаянія пусть обратится лицомъ ко Господу, и просвѣтитъ!—Дивное и преславное и всерадостное событіе

—воскресеніе мертвеца четверодневнаго, празднуемое нынѣ, пусть воздвигнетъ и нашъ духъ изъ гроба суеты, и оживить для новой, богозрительной жизни! Восторженныя восклицанія завтрашняго праздника пусть увлекутъ и насъ во слѣдъ Христу! *Идемъ и мы* (Іоан. 11, 16.) вмѣстѣ съ Апостолами! «Прійдите очищенными смыслами спешествуимъ Ему!»

Се Женихъ грядетъ! Души благочестивыя — *исходите въ срътеніе Его* (Мат. 25, 6.)! Аминь.—

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ ШЕСТУЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

(Ваи)

Кто есть сей? Мат. 21. 10.

Нельзя не подивиться, что спрашиваетъ такимъ образомъ объ Иисусѣ Христѣ тотъ самый городъ, въ которомъ Онъ столько сотворилъ знаменій и чудесъ, особенно — когда припомнимъ, что предъ самымъ прибытіемъ Его въ Іерусалимъ, тамъ уже *искажу Иисуса, и глаголашу въ Церкви стояще: что мнится вамъ: яко не имать ли пріити въ праздникъ? (Іоан. 11, 56.)*. Уже покрывало ослѣпленія упало на очи народа христуубійственнаго.. Скоро Іерусалимъ совершенно откажется отъ Помазанника Божія! — Неумѣстной пытливости отвѣ-

томъ были слова народа предшествовавшего и послѣдовавшего Господу: *сей есть Иисусъ пророкъ, иже отъ Назарета Галлейскаго* (Мат. 21, 11.). Отвѣтъ — стоявшій вопроса! Онъ обличалъ самый общій взглядъ на Иисуса Христа. Пророкомъ могъ называться всякій, дѣйствующій отъ имени и во имя Бога. Иное говорилъ народъ, когда говорилъ не по требованію стороннему, а по собственному, свободному влеченію сердца. *Благословенъ грядый во имя Господне* (Мат. Марк.) — восклицалъ онъ. *Благословенъ грядый Царь во имя Господне!* (Лук.). *Благословенъ грядый во имя Господне, Царь Израилевъ* (Іоан.)! *Благословенно грядущее царство отца нашего Давида* (Марк.)! *Миръ на небеси и слава въ вышнихъ* (Лук.)! *Осанна* (Марк. Іоан.)! *Осанна сыну Давидову* (Мат.)! *Осанна въ вышнихъ* (Мат. Марк.)!.. Столько привѣтствій послано было на встрѣчу и во слѣдъ Христу! Они точно были хвалою устъ младенческихъ (Мат. 21, 16) — хвалою безотчетнаго восторга, неясносознаемаго, богодвижимаго чувства. *Кто есть сей?* — также не знали въ точности восклицавшіе Христу: *осанна*, какъ не звали — тѣ, которымъ тяжело было это, неумѣстное, по ихъ мнѣнію, привѣтствіе. Братія, (на время) торжествующіе! *Кто есть Сей?* спросимъ и мы св.

Евангеліе. Руководимые церковію, мы теперь стоимъ у самаго входа въ искупительный подвигъ Господа нашего. *Днесь благодать Св. Духа насъ собора, и вси взяше Крестъ Твой глаголемъ* — отъ лица нашего воспѣваетъ она нынѣ Господу. Чтобы сей крестъ не былъ для насъ предметомъ одного холоднаго, скользящаго пробѣга мыслей, и не сдѣлался такимъ образомъ только тяжестью для рукъ, его взявшихъ, посмотримъ богословствующимъ взоромъ: *кто есть Сей*, освятившій его своею смертію, *благословенный, кроткій и спасающій* (Зах. 9, 9.), означенный у боговидца Пророка однимъ таинственнымъ именемъ *Сына* (Исаі. 9, 6.) — неизвѣстно чьего, и неизвѣстно какого? По достоуважительному обыкновенію древнихъ народовъ, занятому конечно изъ духа божественнаго міроуправленія, спросить: *кто онъ*, значило спросить *чей онъ*, т. е. *чей онъ сынъ*. И такъ —

1. *Кто есть Сей?* — *И дивляхуся вси народи глаголюще: еда сей есть Христосъ*, — **СЫНЪ ДАВИДОВЪ** (Мат. 12, 23.)? Когда водружена была на землѣ Церковь Божія въ образѣ таинственной Скинии Свидѣнія, освящена богослуженіемъ, скрѣплена законными постановленіями, упорядочена Іерархическимъ устройствомъ, — требовалось оградить

ея благосостояніе съ внѣшней стороны, дать ей опору и защиту въ могущественной власти гражданской. Долго избранный народъ приготовляемъ былъ къ этому. Самъ онъ многократно ходомъ обстоятельствъ своихъ приводимъ былъ къ необходимости—избрать изъ среды себя Единовластителя — съ правомъ судить всего Исраиля. Но ни въ одномъ изъ *Судей* Господь не нашелъ Себѣ мужа по сердцу, достойнаго представителя Себя Самого, и верховнаго покровителя Своей Церкви. *На кого воззрю, глаголетъ Онъ, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ.* (Исаі. 46, 2). И сего кроткаго узрѣлъ Онъ въ сынѣ *Иессея!* (1. Цар. 26, 1.) То былъ Давидъ. Онъ только могъ быть истиннымъ царемъ народа Божія, сочетать и Церковь и государство въ одно Царство Божіе. (Предшественникъ его былъ поставленъ Промысломъ на царство только для воспитанія сего Царя.) Давидъ былъ царь въ богонамѣренномъ смыслѣ сего слова. Онъ былъ посредникъ между Богомъ и народомъ, правитель во имя и отъ имени Бога. Онъ былъ образъ незримаго, но всеприсущаго Царя небеснаго, собравшаго и совокупившаго всѣ судьбы человѣчскія въ одно домостроительство спасенія человѣ-

ческаго; онъ былъ живой и поразительный образъ грядущаго Искупителя, отобразилъ на себѣ почти всю земную судьбу Его; и малое царство его было не только образомъ, но и началомъ величайшаго Царства Христова. Родъ Давида долженъ былъ царствовать вѣчно на престолѣ Израильскомъ, престолъ — быть *исправленнымъ во вѣки* царство—продолжаться *до вѣка* (2. Цар. 7, 16). Мы не поняли бы обѣтовательныхъ словъ Господа, если бы на царство Давидово стали смотрѣть какъ на государство, и на домъ Давида, какъ на родъ царей Иудейскихъ. Уже внуку Давидову изъ государства его досталась только шестая часть. Потомъ не стало и самаго царства Иудейскаго. Между тѣмъ на богодухновенномъ языкѣ Пророковъ все было одно и то же имя Давида. Одинъ говорить, что таинственный Сынъ, который *дадеся намъ, имѣетъ велие начальство, и мира Его нѣсть предѣла на престолѣ Давидовѣ и на царствѣ Его, исправити е, и заступити его въ судѣ и правдѣ отъ нынѣ и до вѣка* (Ис. 9. 7). Завѣщаю вамъ завѣтъ вѣченъ, гов. Господь чрезъ того же Пророка, *преподобная Давида вѣрная. Се свидѣтельство во языцѣхъ дахъ Его князя и повелителя языкомъ* (—55. 4.)—*Се днѣ грядутъ, илаголетъ*

Господь другому Пророку, и возставлю Давиду
 Востокъ праведный, и царствовати будетъ царь,
 и премудръ будетъ.. и сіе имя Ему, иже на-
 рекуть Его: Господь праведенъ нашъ. (Іерем. 23, 5.
 6.) Послужатъ ти Господу Богу своему, и Да-
 вида Царя ихъ возставлю имъ (—30. 9). Тако
 глаголетъ Господь: можетъ ли разоритися завѣтъ
 Мой съ днемъ и завѣтъ Мой съ ночью, еже не
 быти дню и ноци во время свое? То и завѣтъ
 Мой разорится съ Давидомъ рабомъ Моимъ, еже
 не быти отъ него Сыну царствующу на престолѣ
 его, и левиты и священники рабы мои. Яко-
 же сочтены быти не могутъ звѣзды небесныя,
 ни измѣренъ быти песокъ морскій, тако умножу
 съмя раба Моего Давида и левиты, служители
 Моя (—33. 20—22.)... Въ какой ясности открыва-
 ется, что Давидъ въ очахъ Господа есть не Да-
 видъ-лице, царствовавшее нѣкогда въ Іудеѣ, а Да-
 видъ царь и помазанникъ царства Божія, что съ-
 мя его, многое какъ звѣзды и песокъ, не есть
 плотское потомство Давидово, но Христось, ко-
 рень и родъ Давидовъ (Апок. 22. 16) съ своимъ
 съменемъ (Гал. 3; 4, 4. 7.), что Левиты и священ-
 ники суть служители новаго Завѣта, новой Церкви
 Божіей. Еще разительнѣе Господь описываетъ бу-

дущее царство Давида раба Своего Пророкамъ, Іезекилю (гл. 34. 23—31 и 37 21—28. слич. Осія 3. 4. 5 Амоса 9, 11. 12) и Захаріи (гл. 12, 13.). Такимъ образомъ, ко временамъ Спасителя въ народѣ Іудейскомъ было всеобщее чаяніе возстановленія царства Давидова. Всѣ ждали возстановителя, — потомка или, по образу выраженія Іудеевъ, Сына Давидова; хотя очень немногіе понимали, что это за царство должно быть, и что за царь, съ которыми такъ тѣсно связывалось имя Давида. Христосъ и Сынъ Давидовъ—это были въ народѣ тогда уже однозначашія слова и понятія (Мат. 12, 23. 22. 42. Іоан. 7. 42..). Архангелъ, благовѣстникъ первый сказалъ, что симъ возстановителемъ престола Давидова будетъ, благовѣстваемый имъ, Іисусъ. Но эту вѣсть приняла и сложила въ сердце своемъ одна кроткая и молчаливая Матерь Іисусова. Дѣла великаго Пророка (Лук. 7, 36.) вскорѣ огласившаго именемъ своимъ всю землю Израильскую, невольно заставили придавать ему драгоцѣнное, и всѣмъ вождельное имя Сына Давидова (Мат. 9, 37. 20. 30. 15. 22 и др.). И Самъ Господь не отрицалъ отъ Себя сего имени, только хотѣлъ возвести мысль Іудейскихъ учителей къ высшему и истиннѣйшему разумѣнію

его (Мат. 22, 44. и др.). Но и это Онъ дѣлалъ уже тогда, когда, *утаенное отъ премудрыхъ и разумныхъ, открыто* было благоволеніемъ Божиимъ *младенцамъ*,—когда народъ, увлеченный пророческимъ духомъ, восклицалъ: *осанна Сыну Давидову*, и также можетъ быть не вѣдалъ, что творить, какъ вскорѣ послѣ сего не вѣдая, что творить, будетъ распинать Сына Давидова.

Осанна Сыну Давидову! . Мы, восклицающіе подобнымъ образомъ, имѣемъ неоцѣненную выгоду не только знать Сына Давидова и Его царство, но и быть цѣнителями Іудейскихъ восклицателей. Изъ знанія нашего извлечемъ для себя слѣдующіе, необходимые Христіанскому благовѣрію и благочестію, уроки: 1.) Христіанство есть одно и то же съ благословеннымъ царствомъ Давидовымъ, въ день вшествія Христова въ Іерусалимъ еще *грядущимъ* (Марк. 11, 10.), а вскорѣ потомъ и *пришедшимъ въ силу*, по обѣтованію Господа (Марк. 9, 1.). Его первая половина была прообразовательная, вторая совершительная (Іоан. 19, 30.). Тамъ царство состояло изъ *Израиля плотскаго* (1 Кор. 10, 18), здѣсь—новаго, духовнаго, *Божія* (Гал. 6, 16). Тамъ Христомъ былъ Богоугодный человѣкъ, здѣсь—Богочеловѣкъ... Сіе тожество двухъ царствъ да при-

учить богословствующую мысль нашу къ одному общему взгляду на Церковь Божию, и да воспламенитъ насъ любовію къ древнимъ временамъ богоуправляемаго человѣчества, столь мало изучаемымъ, и столь много поучающимъ. 2.) Христіанское царство тогда только въ должномъ отношеніи находится къ Царству Божию, когда представляетъ въ себѣ сходство съ царствомъ Давидовымъ,—когда царь есть избранникъ и помазанникъ Божій, дѣйствующій во имя и отъ имени Царя небеснаго,—когда подданный свято чтитъ особу и санъ царя, какъ представителя Бога для него, и въ дѣлахъ управленія государственнаго имѣетъ всегда голосъ только подчинительный, какъ прилично рабу Господню;—когда и царь и подданный, составляя царство земное, не столько думаютъ о земномъ, сколько о небесномъ царствѣ, и повелѣвая и повинуюсь, несутъ одно служеніе, одно послушаніе Богу, одно спасающее иго Христово. 3.) Христіанское братство, вѣрно и точно соотвѣтствующее намѣреніямъ и ожиданіямъ Сына Давидова, своего божественнаго Брата (Евр. 2, 11.) и Господа, должно быть одушевлено, подобно Ему, любовію ко всему человѣческому братству, а преимущественно къ Ветхому Израилю, о которомъ Онъ столько скорбѣлъ

и болѣлъ духомъ во днѣхъ плоти Своея. Оно должно стараться всѣми силами расширять предѣлы царства нашего кроткаго и возлюбленнаго Давида — Иисуса, и молиться о заблуждающихъ братіяхъ, дабы и они обратились въ царство истины, и вмѣстѣ съ нами восклицали: *осанна Сыну Давидову!*

2. *Кто есть Сей?... И Азъ видѣхъ и свидѣтельствовахъ, яко Сей есть СЫНЪ БОЖІЙ* (Іоан. 1, 24) — говорилъ Христовъ Предтеча. — Въ древнѣйшей исторіи рода человѣческаго есть упоминевіе о сынахъ Божіихъ (Быт. 6, 2.). Это были первенцы, возраждающей человѣчество, благодати Божіей. Но глубоко уязвленные жалою грѣха праротческаго, сыны не долго ревновали о своемъ сыновствѣ, и вскорѣ прилькнули сердцемъ къ землѣ. Отецъ небесный торжественно отрекся отъ нихъ, сказавъ: *не имать Духъ Мой пребывати въ челоуцѣхъ во вѣки, зане суть плоть* (Быт. 6, 3.); а только *елицы Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи* (Римл. 8, 14.). Отселѣ надолго сыновнія отношенія людей къ Богу уступили мѣсто рабскимъ. Господь потомъ призывалъ снова людей къ сыновству, но уже не находилъ въ нихъ сочувствія Себѣ. Наконецъ, Онъ избралъ изъ всего человѣчества одно малое племя, чтобы сдѣлать его

Своимъ, и Моисей *человѣкъ Божій*, ближайшій зритель намѣреній и опредѣленій Божіихъ касательно своихъ соотчичей, не усумнился въ восторженной пѣсни своей прямо назвать Бога Отцемъ ихъ (Второз. 32, 6.) и ихъ—Его сынами (— — 43). Съ Заѡтомъ образъ и сѣней дѣйствительно стало мало по малу показываться (хотя еще очень не ясно) утраченное сыновство. Давидъ псалмопѣвецъ, увлекаемый Духомъ Божіимъ въ область, недовѣдомыхъ для его времени, истинъ грядущаго царства своего, не разъ въ служителяхъ Божіихъ видѣлъ сыновъ Божіихъ (Пс. 28, 1. 88. 7.). Богонаставленная премудрость Соломона обличала людей смѣявшихся надъ праведникомъ, именовавшимъ себя сыномъ Божіимъ (Прем. 2, 13. 16. 18), и высказала при этомъ убѣжденіе своего времени, что Сынъ Божій долженъ имѣть разумъ Божій (Прем. 2, 13.), что Онъ долженъ быть защищенъ Богомъ и избавленъ отъ руки противящихся (— — 18). Тѣнь говорила о тѣлѣ, образъ намекалъ на подлинникъ. Сыновство Вѣтхозавѣтное скрывало подъ собою начинавшую выступать въ исторію человечества, тайну явленія на землѣ *Сына Божія*, первовиновника человѣческаго богоусыновленія и родоначальника новыхъ сыновъ Божіихъ въ духѣ и

вѣрѣ. Прообразовательный Царь Сіона — святой Божіей горы (Пс. 2, 6.) слышалъ таинственный голосъ: *Сынъ Мой еси ты. Азъ днесъ родихъ тя* (Пс. 2, 7.). *Се прииду* (Пс. 38, 8.) — говорилъ устами Образа самъ Прообразуемый... Исаія уже видѣлъ Его *Отрочатемъ*, рожденнымъ и даннымъ намъ (Ис. 9, 6.).. Довольно ясно такимъ образомъ Сынъ и Сыноположникъ давалъ видѣть Себя еще въ сѣннописанномъ мракѣ гаданій! — Настало время совершеннѣйшаго откровенія величайшей тайны: *Се зачнешь во чревь*, говорилъ благодатной Дѣвѣ Архангелъ, *родиши Сына, и наречеши имя Ему: Иисусъ. Сей будетъ велии, и Сынъ Вышняго наречетъся. Духъ Святой найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя. Тѣмже и раждаемое свято, наречетъся Сынъ Божій* (Лук. 1, 31. 32. 35.) По неизнемогающему у Господа глаголу, тогда же *Слово во плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14.). Богъ, многочастиль и многообразиль древль глаголавый *Отцемъ во пророцъхъ*, сталъ глаголатъ въ *Сынль* (Евр. 1, 1.). Общее вниманіе устремилось на Иисуса.. Но очень рѣдкіе призваны были къ уразумѣнію чрезвычайнаго величія Его. Больше всѣхъ занято было имъ существо не нашего міра. *Аще Сынъ еси Божій* — съ пытливымъ лукавствомъ гово-

рило оно (Мат. 4, 3.), и много разъ потомъ Сію, непріятную для него, истину высказывало прямо, нудимое неизвѣстною силою (Мат. 8, 29. Мар. 3, 2. Марк. 3, 24) Гораздо съ большею рѣшительностію, хотя можетъ быть съ меньшею отчетливостію, признавали въ Иисусѣ Сына Божія ученики Его (Мат. 14, 33. 16. 16. Іоан. 1, 49..). Онъ самъ прямо и опредѣленно выдавалъ Себя за то самое (Лук. 11, 49, Марк. 14, 37, Іоан. 5, 25.). И еще вчера, при воскресеніи Лазаря, прямо говорилъ: *да прославится Сынъ Божій ея ради*, т. е. ради смерти Лазаревой (Іоан. 11. 4..) И точно прославился—столько, сколько міръ могъ почитать Его. Встрѣча съ ваіами и неумолкаемыя восклицанія *Благословенному, грядущему во имя Господне*. были явнымъ знакомъ проразумѣнія въ божественное достоинство Иисусово. Но духъ лукаваго сомнѣнія, встрѣтившій Господа при первомъ вступленіи Его въ дѣло нашего Искушенія, не оставитъ преслѣдовать Его и при Его исходѣ изъ міра. На суд. онъ будетъ говорить Иисусу Христу: *Ты ли убо еси Сынъ Божій?* (Лук. 22, 70.). Даже на Голгоѣѣ онъ еще скажетъ: *аще Сынъ еси Божій, спиди со Креста* (Мат. 27, 40.). Отвѣтомъ лукавству будетъ простой, вызванный неопровержимою и во-

ціющею истинною, возгласъ богоумудреннаго язычника: *воистину человекъ сей Сынъ — бже Божій* (Марк. 15, 39.). *Осанна въ вышнихъ! Миръ на небеси и слава въ вышнихъ!* — будемъ восклицать и мы Сыну Божію, грядущему кровію креста Своего умиротворить еще земная, еще ли небесная (Кол. 1. 20.) — И вышняя и дольняя великаго Царства Божія вѣкогда составляли одно неразрывное братство. Ангелы и люди были равно сыны Божіи. *Клеветникъ братіи нашея* (Апок. 12. 10.) разстроилъ сіе царство. Ни на землѣ, ни на небѣ не стало мира. На землѣ, — потому что человекъ расторгъ завѣтъ свой съ Богомъ, и навлекъ тѣмъ на себя бѣдствія нескончаемыя. На небѣ, — потому что погибающая земля возбуждала въ небожителяхъ непрестанную жалось и скорбь. Отъ того, когда Богъ благоволилъ возстановитъ завѣтъ Свой съ людьми и, на землѣ родился Искупитель, Ангелы восклицали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ!* Когда же наступила седмица, долженствовавшая утвердить сей завѣтъ (Дан. 9, 27.), и Царство Божіе приготовлялось принять въ себя Побѣдителя смерти и Воскресителя рода нашего, — Духъ Божій, спослушествующій дѣлу спасенія нашего, заста-

вляяль восклицать: *миръ на небеси, и слава въ вышнихъ* — обратное дополненіе къ славословію Ангельскому!.. Отселъ небо совокупляется съ землею. Исполняется всеобщее чаяніе. Средостѣніе ограды между людьми и Богомъ разрушается (Еф. 2, 14.), и *рукописаніе, еже бѣ сопротивно намъ, призвожденное на крестъ, вземлется отъ среды* (Кол. 2, 14.). Сынъ и Наслѣдникъ Божій вводитъ къ Богу своихъ сонаслѣдниковъ (Римл. 8, 17.), приемлющихъ въ себя Его Духа, *Духа сыноположенія, вопіющаго въ сердцахъ ихъ: Авва Отче!* (Римл. 8, 15. Гал. 4, 6) — Брагія, всыновленные Богу Сыномъ Божиимъ! Въ качествѣ сыновъ Божіихъ послушаемъ, что говоритъ сынамъ Божиимъ Апостоль. *Вси вы, говоритъ онъ, сынове Божіи есте вѣрною о Христѣ Иисусѣ. Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.* (Гал. 3, 26. 27) *Вси вы сынове свѣта есте и сынове дне* (Сол. 5, 5.); а потому *яко чада свѣта ходите* (Еф. 5, 8), *искушающе, что есть благоугодно Богови* (— — 10), — *яко чада послушанія, не преобразующеся первыми невѣдѣнія вашего похотѣніи* (1 Петр. 1, 13.), *въ нихъ же и мы вси живомъ иногда, творяще волю плоти и помышленій, и бѣжомъ естествомъ чада гнѣва* (Еф. 2, 9.).

Вся творите безъ роптанія и размышленія; да будете чада Божія непорочна посредь рода строптива и развращена (Филп. 2, 15.). Вся намъ Божественныя силы, яже къ животу и благочестію подана (2. Петр. 1. 3). Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія (Рим. 8. 16.). Вся тварь съ нами совоздыхаетъ и собользнуетъ, чая откровенія сыновъ Божіихъ. Яко и сама тварь свободится отъ работы истльнїя въ свободу славы чадъ Божіихъ (Римл. 8, 19. 21. 22.). Видите, какову любовь далъ есть Отецъ намъ, да чада Божія наречемся, и — будемъ (1 Іоан. 3, 1)! Начатокъ Духа имуще, мы и сами въ себѣ воздыхаемъ, в с н о в л е н і я чающе, избавленія тѣлу нашему (Римл. 8, 23.). Возлюбленнїи! Нынь чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ. Въмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его яко же есть (1 Іоан. 3, 2.). На какую недосыгаемую для мысли высоту ведетъ и возведетъ насъ Сынъ Божій! Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!

3. Кто есть сей?.. Съявый доброе съмя есть СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ (Мат. 13, 37), отвѣчаетъ Господь! — На землѣ, проклятой въ дѣльхъ рукъ че-

ловѣческихъ (Быт. 3, 17.), въ изгнаніи, въ трудѣ и болѣзняхъ, въ грѣхѣ и страсти, первый человекъ родилъ сына *по виду своему и по образу своему* (Быт. 5, 3.). Отсель начался преемственный рядъ «сыновъ человѣческихъ» или—человѣческой Родъ. Разрастаясь потомствомъ, человекъ разрастался и худыми склонностями сердца и, разъ удалившись отъ Бога, стремился потомъ все далѣе и далѣе. Каждый новый сынъ человѣческой привносилъ новое приращеніе злу,—такъ что когда, по словамъ Пророка-пѣвца, *Господь съ небесе прииде на сыны человѣческія видѣти, аще есть разумѣвая или взыскавая Бога*, то нашелъ, что *вси уклонишася, вкупль неключими быша: нѣсть творяй благостьню, нѣсть до единого.* (Пс. 13, 2). Люди знали и видѣли свое глубокое наденіе, но не имѣли силъ и не находили средствъ поправить зло. Напрасно они обращались за этимъ къ Богу; потому что большею частію вмѣсто Бога истиннаго попадали на то, что не только не имѣло силы, но еще ихъ обезсиливало. Напрасно уповали, что настанетъ новое поколѣніе сыновъ человѣческихъ, и принесетъ съ собою лучшее время. Всегда отецъ раждалъ сына *по виду своему и по образу своему*; у человека всегда раждался человекъ — съ общи-

ми всему человѣчеству слабостями. Отъ того предъ взоромъ Бога, и ума богопросвѣщеннаго, всякій человѣкъ, безъ отношенія къ его личнымъ особенностямъ, былъ извѣстенъ вообще какъ *сынъ человѣческій*. Не смотря на крайнее поврежденіе сыновъ человѣческихъ, Отецъ отцевъ ихъ не оставлялъ ихъ безъ своего спасительнаго промысленія. Многоразличнымъ образомъ Онъ являлся въ среду ихъ, и дѣйствовалъ въ ихъ благо. Признательное къ благодѣянιάмъ Божиимъ, сердце заставило воскликнуть одного изъ возлюбленныхъ Богомъ. *что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ чловѣчь, яко посѣщаеши его* (Пс. 8, 5.)? И дѣйствительно, тайна любви Божіей къ человѣку осталась бы необъяснимою, если бы не предшествовала ей тайна преднамѣреннаго вочеловѣченія Божія, привлеченная третією, началосовершительною, тайною премудрости Божіей, тайною — *побѣжденія блгимъ злаго*. Судя по нашему сердцу, столько склонному къ снисходительности и самопожертвованію при видѣ бѣдности и немощи, раскаянія и покорности, мы нѣсколько можемъ понимать, какъ Господь Богъ—вѣчная правда и строжайшая мздовоздаятельность—сталъ безконечною милостію, благостію и любовію, и Самъ взялъ на Себя дѣло че-

ловѣка. Тако возлюби Богъ міръ, яко и сына Своего единороднаго далъ есть (Іоан. 3, 16.). Между тѣмъ искушительная за родъ нашъ жертва долженствовала быть принесена кѣмъ-нибудь изъ сыновъ человѣческихъ. Не отъ Ангелъ бо воистинну прие-летъ, но отъ сѣмене Авраамова (Евр. 2, 16), потому что кто началъ покаяніе, тотъ долженъ и кончить его. Но гдѣ же сынъ человѣческій, который бы не былъ въ беззаконіяхъ зачатъ и во грѣсѣхъ рожденъ?—чистый, неповинный, въ совершенной полнотѣ богоподобный, который могъ бы быть вторымъ Адамомъ, подателемъ и проводникомъ новой жизни, ходатаемъ всыновляющей благодати Духа Святаго?. Отъ временъ первоначальной древности шло въ человѣчествѣ преданіе о обѣтованномъ *Сѣмени жены*. Не напрасно указано на сѣмя *жены*. Не сыномъ ловѣка, а сыномъ человѣчества долженствовалъ быть Обѣтованный. Въ этомъ отношеніи Исаакъ, Самуиль и Іоаннъ, суть первоначатки онаго сѣмени жены, предтечи безсѣменно зачатаго и преестественно рожденнаго, для Котораго братомъ, сестрою и матерію былъ всякій, кто творитъ волю Отца небеснаго (Мат. 12, 49.). Потаенно проводилась въ людяхъ линія очищеннаго человѣчества, и чѣмъ чище и безстраствѣе яв-

лялась она, тѣмъ ближе подходила къ Краснѣйшему паче сыновъ *человѣческихъ* (Пс. 44, 3). Самыя слова: *сынъ человѣческой* получили мало по малу особенное значеніе. Когда мы слышимъ, какъ многократно Господь говоритъ пророку (Езекилю) *сыне человѣчь*, то невольно воззываемся къ тому, чтобы предполагать при этомъ у Господа особенную нѣкоторую мысль.. Тайнозритель Данииль видѣлъ сію, такъ долго утаеваемую и прикрываемую, мысль въ живомъ и ясномъ обликѣ. *Видѣхъ*, говоритъ онъ, *во снѣ нощію, и се на облацѣхъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бѣше, и даже до Вѣчнаго денми дойде, и предъ него приведеса.. И Тому дадеса власть и честь и царство, и вси людіе, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его власть вѣчная, яже не преидетъ, и царство Его не разсыплется* (Дан. 7, 13. 14). Въ другой разъ *мужъ желаній* видѣлъ, желаннаго всѣмъ *человѣчествомъ*, Сына *человѣческаго* и на яву (— 10 16), въ *великомъ видѣніи* (— 8) сокрушившемъ (— 9) и умилившемъ (— 15) тайновидца.. Долго послѣ сего знаменательнѣйшаго откровенія Божія не слышно было имени сына *человѣческаго*. Необыкновенно было потому услышать его отъ Лица, которое само себя назы-

вало сыномъ Человѣческимъ; и когда стали слышать, — то многимъ показалось умѣстнымъ спросить: кто есть сей Сынъ Человѣческій? Несмысленнымъ вопрошателямъ данъ былъ отвѣтъ (Іоан. 12, 34, 35.), который заставлялъ ихъ напередъ просвѣтить свое мысленное око. Сынъ Человѣческій былъ человекъ — истинный и совершенный, безгрѣшный и взявшаи грѣхи міра (Іоан. 1, 29, 36.), а потому ходатаи Бога и Человѣковъ, примирившій насъ съ Богомъ въ своемъ тѣлѣ, крестомъ убивъ вражду на немъ (Еф. 2, 16.), и въ семъ самомъ Тѣлѣ открывшій намъ источникъ жизни и безсмертія. Онъ долженъ бы по всему подобитися брати, да милостивъ будетъ и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскія (Евр. 2, 17.); долженствовалъ быть примирительною жертвою за насъ, Агнцемъ Человѣчества, непорочнымъ и пречистымъ, закланнымъ за грѣхи людей, пострадавшимъ и искушеннымъ и могущимъ помогать искушаемымъ (Евр. 2, 18), приемящимъ книгу судебъ Человѣческихъ, написану внутрюду и внѣуду, запечатану седмью печатію, и разверзающимъ ихъ одну за другою (Апок. 5, 1.) до скончанія временъ (Лук. 21, 24.). Подъ звуками торжественныхъ привѣтствій вступалъ Онъ

нѣкогда въ этотъ день въ Іерусалимѣ обреченною на закланіе жертвою, и плакалъ надъ несчастнымъ городомъ, убившимъ уже столько Пророковъ—Его слугъ, друзей и собратій по человѣчеству. Вскорѣ и Самъ *Сынъ человѣческій* отверженъ будетъ людьми, преданъ, поруганъ и осужденъ,—испїеть чашу бѣдствій человѣческихъ всю до послѣдней капли. *Вознесися подобаетъ Сыну человѣческому* (Іоан. 12, 34.), говорилъ Онъ въ сей же самый день. —Но вмѣстѣ съ безчестіемъ начиналась и слава Сына человѣческаго. Въ сей же день Онъ говорилъ: *приде часъ, да прославится Сынъ человѣческій* (— — 23.). Лишь только предатель выйдетъ съ тайной Вечери приготовить Ему величайшій и послѣдній позоръ, первыя слова Его будутъ: *нынѣ прославися Сынъ человѣческій* (Іоан. 13, 31.)... Среди самаго позора заплеваній и заушеній, Онъ скажетъ нѣчто еще, самое высшее, что только можетъ быть сказано въ похвалу и славу Сына человѣческаго: *отсель узрите Сына Человѣческаго, сядяща одесную Силы и грядуща на облацяхъ небесныхъ* (Мат. 26, 64.). Слова сіи въ то время слѣпоты и оглушенія (Мат. 21, 15.) произвели всеобщее неудовольствіе, и ускорили смертный приговоръ Его. Не то будетъ, когда въ са-

момъ дѣлѣ люди узрятъ Сына человеческого, грядуща на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою мноюю. Тогда восплачутся вся колѣна земная (Мат. 24, 30. Апок. 1, 7). Тогда всѣ поймутъ, какое значеніе имѣть для всего рода человѣческаго уничиженный нѣкогда и обезславленный, Сынъ человѣческій. Предстатель и представитель всего человѣчества — Онъ, съ явленіемъ своей славы, приведетъ еще многи сыны въ славу (Евр. 2, 10.), и скажетъ Своему и нашему Отцу тѣ же приснопамятныя слова, которыми прощался съ нами, готовясь пострадать и вѣйти въ славу свою (Лук. 24, 26.): *Отче Святыи! Ихъ же далъ еси Миѣ, сохранихъ. Да вси едино будутъ: яко же Ты, Отче, во Миѣ и Азъ въ Тебѣ, — да и ти въ Насъ едино будутъ. И Азъ славу, юже далъ еси Миѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, яко же Мы едино есмы.* (Юан. 17, 11, 12, 21, 22.).

Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне — Царь и Отець, братъ и другъ, — радость, честь, надежда, слава сыновъ человѣческихъ, — грядый и царемъ кроткимъ спасающимъ, возсѣдшимъ на ося и жребя сына подъяремника (Мат. 21, 5), — и царемъ судящимъ и карающимъ, сѣдящимъ на облацѣхъ одесную силы Божія (Лук. 22, 69.)! —

Сынове чловѣчестіи! До тѣхъ поръ, пока не было на землѣ Сына чловѣческаго, наше имя часто было предметомъ укоровъ и нареканій. (Пс. 4. 3; 56. 5; 57. 2; 61, 10; 1 Цар. 26. 19. и др. мн). Теперь пѣтъ ничего славнѣе и вождельннѣе, какъ быть сыномъ чловѣческимъ. Черезъ Ходатая нашего мы теперь—сыны Божіи, наслѣдники Богу, —спосажжены съ Сыномъ Его на престолѣ славы Его (Еф. 2, 6.),—имѣемъ судить ангеловъ (1 Кор. 6, 3.)... *Кто есмь азъ, Господи мой, Господи? и что—домъ мой, яко возлюбилъ мя еси даже до сихъ!. И мала сія предъ Тобою суть, Господи мой, Господи! И глаголахъ еси о домъ раба Твоего вдалеко, Господи мой, Господи!* (2. Цар. 7, 18. 19.).

Гряди Жертва живая, Агнче Божій, воземляй грѣхи міра! Гряди—куда влечетъ Тебя безмѣрное Твое благоутробіе!.. Гряди и влечи за Собою мысль нашу, возми Себѣ сердце наше, отыми насъ отъ насъ самихъ, да, погубляя душу, спасемъ ее! —Братія христіанцы! Чловѣколюбець возлюбилъ насъ до конца. Мы ли возлюбимъ Его на время? Не поревнуемъ тѣмъ, кои сегодня возглашаютъ Ему: *благословенъ грядый Царь Израилевъ*, а черезъ нѣсколько дней будутъ говорить: *не сею, но*

Варавву. Не имамы царя (Іоан. 18, 40; 19, 15),
 —сегодня подстилають ему свои ризы, а вскорѣ
 совлекутъ съ Него Его послѣднюю одежду, —сего-
 дня срѣтають Его съ ваіями, а чрезъ три дня
 выйдуть на Него съ оружіемъ и дрекольми.
Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕТВЕРТОКЪ.

*„Во оставленіи грѣховъ и во жизнь
вѣчную.“*

(Слова причастной молитвы.)

Единъ ли человекомъ грѣхъ во мѣръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человеки вниде (Римл. 5. 12).— Грѣхъ и смерть!.. Что за печальныя явленія въ жизни человѣческой! Какъ не ублажить тѣхъ, кому они вовсе неизвѣстны! Блаженны и приснорадостны вы, премірныя области Царства Божія! Вы знаете одно только вѣчное совершенство, и одну только вѣчную жизнь, — тогда какъ мы, земнородные, несходно волнуемся въ постоянно измѣнячивой, но всегда равно губительной, суетѣ грѣховной, — тер-

заемъ себя муками всякаго рода, и безутѣшно смотримъ впереди еще на муку смертную!.. По безграничной любви, связующей все царство Божіе неразрывнымъ единствомъ, чѣмъ бы не пожертвовали блаженные обитатели свѣта, — чтобы просвѣтить тьму и сѣнь смертную, окружающую и подавляющую ихъ бѣдное земное братство? Не безъ радости потому смотрѣли они, какъ изъ мрака земли пробился нѣкогда таинственный свѣтъ, привлекшій ихъ къ намъ и заставившій возгласить славословіе Богу Вышнему за нашу землю (Лук. 2, 14.). По слову ихъ, съ тѣхъ поръ на ней водворился *миръ*, потому что явился Примиритель (Быт. 49, 10; Кол. 1. 20). Они нашли обыкновеннаго человѣка, но знали, что это *Спасъ нашъ* (Лук. 1. 14.); — видѣли, какъ Онъ раздѣлялъ съ людьми всю долю человѣческихъ бѣдствій, но служили Ему, какъ рабы Господу; — желали приникнуть въ Его чрезвычайное значеніе, но удерживаемы были завѣтною тайною, пока не настало Ему время показаться ангеламъ (1. Тим. 3, 16). Въ нынѣшней, приснопамятный для земли и неба, день ихъ должно было поразить новое явленіе въ Его жизни, доселѣ незамѣченное. Властвовавшій всѣми силами естества земнаго, разрѣшавшій узы

болѣзни и смерти, видять, теперь Онъ самъ бо-
 лить, скорбитъ, изнемогаетъ, падаетъ, плачетъ,
 вопіетъ, — можетъ, но не хочетъ защитить Себя
 отъ угрожающей бѣды двѣнадцатью легионами ихъ
 воинства, и утѣшается наконецъ однимъ изъ анге-
 ловъ. Что за непостижимая для нихъ тайна! Но для
 насъ она понятна. Мы имѣемъ ключъ отъ нея. Сей
 ключъ есть *грѣхъ*, и дверь, которую отверзаетъ
 онъ, есть *смерть*, — общая, послѣдняя доля зем-
 нородныхъ. Въ священную ночь нынѣшняго дня
 Искупитель міра всею тяжестью немощной при-
 роды нашей созналъ на Себѣ грѣхи всего человѣ-
 чества, и, подобно всѣмъ грѣшникамъ, убоился
 смерти—съ тѣмъ, чтобы Своимъ страданіемъ уже
 навсегда притупить жало грѣха и смертью по-
 прать смерть.

Грѣхъ. Малое слово.. неясное понятіе.. не
 замѣтное дѣйствіе! Что такое грѣхъ?. Ужели грѣхъ
 имѣлъ силу потрясти землей и небомъ? Въ минуту
 —легкимъ движеніемъ руки—все разрушить, и съ
 участіемъ всего міра, требовать цѣлыхъ вѣковъ
 для поправленія зла! Нельзя усомниться,—страш-
 но убѣдиться—въ томъ! Что такое грѣхъ? *Грѣхъ*
есть беззаконіе (Іоан. 3, 4.), отвѣчаетъ Апостоль.
 Повидимому, отвѣтъ не кажется намъ вседоволь-

нымъ къ успокоенію пытливости, справедливѣе же—заботливости нашей. Каждый разъ, какъ мы слышимъ или читаемъ покаянный псаломъ Давидовъ, много разъ по слуху нашему проходить сіе слово и занимаетъ насъ далеко не въ мѣру той чрезвычайной важности, какая приписывается грѣху. Беззаконіе есть жизнь не по закону. Что жъ такое—законъ? Законъ, по человѣческому представленію, есть правило, съ которымъ должны согласоваться всѣ свободныя дѣйствія человѣческія. Законъ, поэтому, долженъ быть для человѣка ближе всего, что занимаетъ его на землѣ. Но такимъ ли онъ дѣйствительно кажется намъ? Частію разнообразныя перемѣны неразумнаго міра, позволяющія человѣку замѣчать безпрестанныя уклоненія ихъ отъ одного какого-нибудь общаго и неизмѣннаго правила, и необходимо отражающіяся на его тѣлесной жизни, но больше—суевѣныя и преходящія, легко-забывающіяся отношенія его къ окружающему его ходу вещей, а и того болѣе — непостижимое, слѣпое и страстное, увлеченіе всякимъ занимающимъ предметомъ, заставляющее забывать его на тотъ разъ о всемъ прочемъ, наконецъ всего рѣшительнѣе — обыкновенное невниманіе его къ своей внутренней, ду-

ховой жизни—дѣлаютъ то, что понятіе о законѣ
 становится у него и слабымъ и неопредѣленнымъ,
 а самый законъ—безсильнымъ, недѣйственнымъ,
 неважнымъ, внѣшнимъ, чуждымъ, ненужнымъ,
 не сущимъ. Между тѣмъ, законъ есть такое пра-
 вило, которое составляетъ одно и то же съ су-
 ществомъ человѣка, и одно и то же съ волею Бо-
 жіею, равъ навсегда неизмѣнною и непреложною.
 Въ слѣдствіе опредѣленія сей св. Воли, и созданъ
 человѣкъ (такимъ, а не инымъ), она послужила
 образцемъ при устроеніи существа человѣческаго,
 положила себя въ основаніе его,—и потому толь-
 ко подъ условіемъ полнѣйшаго соотвѣтствія чело-
 вѣка божественной волѣ и возможно единеніе его
 съ всеобщимъ Царствомъ Божиимъ, съ царствомъ
 одного и того же вѣчнаго Закона, утвержденнаго
 въ существѣ Божіемъ. Нарушеніе сего закона
 или *беззаконіе* (т. е. грѣхъ), гдѣ бы оно ни
 оказалось, дѣлаетъ всеобщее разстройство, и дол-
 жно быть или совершенно устранено изъ общаго
 порядка, или исправлено. Устранено — если оно
 обнаружило себя сознательно, намѣренно, у-
 порно и невозвратно, исправлено — если об-
 личило и осудило само себя, и стремится придти
 въ прежній порядокъ, снова подчиниться общему

Божественному Закону. Перваго рода беззаконіе сдѣлалось долею преступнаго Духа, втораго — долею преступнаго Человѣка. Рѣзкая черта, такимъ образомъ, прошла между судьбою двухъ грѣшниковъ. Въ сей самый день на тайной Вечери беззаконіе перваго дерзко и нагло просило съять учениковъ Господа, *яко пшеницу* (Лук. 22, 31), между тѣмъ какъ беззаконіе втораго устыдилось, и не вынесло самаго кроткаго намека Господняго на преступный замысль (Іоан. 13, 31). Грѣхъ человѣческій всегда сопровождался раскаяніемъ, хотя и безсильнымъ, и потому требовалъ Божественнаго исправленія — введенія человѣка въ прежній богоустановленный порядокъ жизни. Для этого прежде всего надобно было возвратить человѣку силу Божию, снова сдѣлать его доступнымъ для вседѣйственнаго соприсутствія съ нимъ Всевятаго Духа, который пересталъ *пробывать въ немъ* съ тѣхъ поръ, какъ они стали *плотью* (Быт. 6, 3). Но прежде этого надобно было прославить естество человѣческое *не у бы Духъ Святый, яко Іисусъ не у бы прославляетъ* (Іоан. 7, 39). *Уже есть вамъ, да азъ иду. Аще бо не иду азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ* (Іоан. 14,

7.).. Какъ же прославить?—Во 1-хъ оправдать челоѣчество предъ Богомъ, доказавъ общему клеветнику Бога и людей, что челоѣкъ не общникъ діавола, что всѣянное имъ сѣмя зла чуждо насъ, что мы отрекаемся отъ него и отъ всѣхъ дѣлъ его свободно и вседушевно, — только не имѣемъ силъ поборотъ его, насильно увлекаемые его лукавствомъ къ беззаконію, — *еже не хожемъ, сіе содѣваемъ* (Римл. 7, 20). — Челоѣкъ Христосъ даетъ Себе избавленіе за всѣхъ (1 Тим. 2, 5). Укрѣпляемый Божествомъ, величайшимъ подвигомъ челоѣчества — перебораетъ всю силу вражію, преодолеваетъ всѣ искушенія, и возвращаетъ природѣ нашей ея первобытное достоинство, — становится вторымъ Адамомъ — родоначальникомъ новаго возраждаемаго челоѣчества. Первый Адамъ, предъ лицомъ всего разумнаго и неразумнаго міра, взыскалъ себя паче Бога, второй — отрекается отъ себя ради Бога. Первый возревновалъ объ удовольствіяхъ чувственныхъ, второй — обрекаетъ себя на всевозможныя горести и мученія до самой послѣдней горчайшей муки, — насильственной смерти. Первый возгордившись, преслушалъ заповѣдь Божию, второй *смирись, Себе, послушавъ бывъ* заповѣди Отца Своего

Иоан. 10, 18) даже до смерти, смерти же крестныя. (Фил. 2. 8). Прегрѣшеніемъ перваго во вся челоуьки вниде осужденіе: оправданіемъ послѣдняго во вся челоуьки вниде оправданіе жизни. (Римл. 5. 18)—такъ что, какъ ослушаніемъ перваго грѣшника быша мнози, такъ послушаніемъ послѣдняго праведни будутъ мнози (ст. 19.).—Во 2-хъ и купить челоуьчество, выплатить его неоплатный долгъ, удовлетворить за него правосудію Божию, понести его наказаніе.. Послѣ чего вѣчная правда уже не могла бы препятствовать вѣчной любви видѣть въ челоуькѣ по прежнему сына Божія, созданнаго въ образъ Божій, властителя земнаго естества и наслѣдника небеснаго царствія. Послѣ чего и мы бы всѣ, участвующіе въ смертной казни Іисуса Христа, могли участвовать также въ славѣ Его воскресенія и сѣдѣнія одесную Отца. *Спогрѣбохомся Ему, говоритъ Апостоль, крещеніемъ въ смерть: да якоже воста Христось отъ мертвыхъ славою Отчею; тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Римл. 6, 4). *Аще бо сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія—будемъ* (ст. 5). Пострадавши и умерши за насъ и совоскресивши насъ съ Собою, Икупитель ввелъ бы и насъ всѣхъ въ общее цар-

ство славы Божіей, снялъ бы древній позоръ съ рода нашего, исходатайствовалъ бы прощеніе грѣхамъ нашимъ, помощь немощамъ, милость слабостямъ, однимъ словомъ: представилъ бы насъ неповинными предъ величествомъ славы Божіей.

— Въ 3-хъ и с п р а в и т ь ч е л о в ѣ ч е с т в о . . . Самое трудное въ Божественномъ смотреніи дѣло, — требовавшее какъ-бы пересозданія человѣческой природы. Для этого, такъ давно и разнообразно приготовляемаго переворота въ человѣческой жизни Иисусъ Христосъ все время своего служенія людямъ употреблялъ на наученіе ихъ *путью Божію* (Лук. 20, 21.), постоянно въ Себѣ Самомъ показывалъ примѣръ того, чему училъ, даровалъ власть и силу о имени Своемъ творить чудеса, и Самъ творилъ ихъ безчисленное множество, вразумляя тѣмъ невѣрныхъ и ожесточенныхъ. Для этого образовалъ изъ учениковъ Своихъ общество Святыхъ — зачатокъ и разсадникъ будущей всемірной, всечеловѣческой Церкви, — просвѣтилъ ихъ мысль, очистилъ сердце, утвердилъ волю, связалъ ихъ между собою любовію и самопожертвовательнымъ служеніемъ другъ другу, — словомъ: сдѣлалъ изъ нихъ малый образецъ великаго Царства Божія. Для этого, наконецъ, въ залогъ Своего неизмѣн-

наго и вѣчно-продолжающагося, исправительнаго дѣйствованія на человечество въ послѣдній день своей земной проповѣди установилъ дивное, страшное и преславное Таинство преестественнаго общенія своего съ людьми, давая имъ возможность постоянно очищать себя отъ грѣховъ чрезъ участие въ Его ходатайственной, оправдывающей заслугѣ, — въ Его святѣйшей и всеосвящающей жизни, — въ Его богопримирительномъ Существовѣ. — Все такимъ образомъ сдѣлалъ, чтобы прославить человека славою совершенства богоподобнаго, сдѣлать его храмомъ Духа Святаго, истребивъ обезславившій его грѣхъ. Но Христу надлежало не только прославить человека, но и спасти. Здѣсь мы переходимъ къ другой половинѣ бѣдственной доли падшаго человечества — къ смерти.

С м е р т ь . *Грѣхомъ смерть вниде* (Римл. 5, 12) *Грѣхъ есть жало смерти* (1 Кор. 15, 56.) *Смерть есть оброкъ грѣху* (Рим. 6, 23.) *Грѣхъ содѣляя рождаетъ смерть* (Іак. 4, 15). *Грѣхъ царствуетъ въ смерть* (Римл. 5, 21). Какъ разительно и ощутительно становится теперь грозное и страшное значеніе грѣха! При видѣ тлѣющаго тѣлества нашего, мы ужасаемся самихъ себя и проклинаемъ грѣхъ, начинаемъ понимать, что онъ есть ужасное зло

и величайшее бѣдствіе. Смерть поставяетъ насъ въ нерѣшимое недоумѣніе! Что за связь между грѣхомъ и ею? Какъ нравственное рѣшеніе переходитъ въ тѣлесное разрушеніе? Что такое смерть, что — тлѣніе? — Землелюбивый взоръ нашъ, направляемый страстнымъ сердцемъ, тогда только видитъ смерть, когда видитъ разрушеніе, — такъ какъ кто-нибудь тогда бы только заключалъ объ огнѣ, когда увидѣлъ уже цѣлый пожаръ. Смерть, которую родилъ грѣхъ, есть смерть внутренняя, душевная, — остановка высшихъ жизненныхъ силъ, взаимное ихъ разстройство и противодѣйствіе другъ другу. Нарушить законъ, или согрѣшить, значило прежде всего пойти противъ воли Божіей, устранить себя отъ благодатной помощи Божіей, пресѣчь притокъ духовныхъ силъ, вообще: отказаться отъ участія во всеобщей жизни Царства Божія, а это и значило — умереть, — остаться при самомъ себѣ на вѣчное невидѣніе славы Божіей, на вѣчное мученіе собственными несовершенствами, несправимыми и неуничтожимыми, — на вѣчно-продолжающееся возрастаніе возлѣзла. Согрѣшить значило — потомъ пойти противъ своего существа, и при этомъ прежде всего стать въ прямое противодѣйствіе себѣ самому, растронть силы души, заставивъ ихъ дѣйст-

вовать одну во вредъ другой,—мало по малу разрушать весь богоустроенный законъ своего существованія. Затѣмъ душевное разстройство должно перейти на тѣло, невидимое сдѣлаться видимымъ, должны показаться признаки сокровеннаго разрушенія—тѣлесныя немощи и болѣзни. Расторгая общій союзъ между различными сторонами существа человѣческаго, разстройство душевное, должно убивать одну за другую части тѣла, дѣлая ихъ неспособными къ совокупному бытію, пока не выведетъ изъ всѣхъ ихъ духъ жизни, и не оставитъ души при самой себѣ—на дальнѣйшее, безконечное терзаніе. Мы увидимъ смерть... И такъ смерть тѣлесная есть только случайное, наружное выраженіе истинной, внутренней смерти. Она страшна не тѣмъ, что разрушаетъ составъ нашъ, а тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о нашемъ бѣдственнѣйшемъ паденіи изъ царства вѣчной, совокупной блаженной жизни въ область своей скудной, тягостной, вѣчно-недовольной, безутѣшной и безотрадной жизни. Послѣ раскаянія перваго грѣшника во грѣхѣ и послѣ божественнаго опредѣленія о спасеніи его, смерть тѣлесная уже должна быть почитаема только памятникомъ смерти душевной, она говоритъ только о томъ, что все человѣчество обречено, или луч-

ше, обрекло себя, на смерть. Если бы оно и не умирало тѣлесно, все надъ нимъ царствовала бы та вѣчная смерть, которая едва сколько-нибудь приблизительно можетъ быть описана подъ образомъ вѣчнаго огня, *уготованнаго діаволу и ангеломъ его*. Сія-то смерть есть оброкъ грѣха, — прямое и неизбѣжное его порожденіе. И отъ сей-то ужасной смерти спасти человѣчество пришелъ на землю Сынъ Божій. *Да якоже царствова грѣхъ въ смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную* (Римл. 5, 21). Какъ же онъ спасъ? *Смертію смерть поправъ* — отвѣчаетъ Церковь. Какою смертію — какую смерть? Тѣлесною — духовную, временною — вѣчную. Онъ долженъ былъ уничтожить смерть, т. е. извести родъ человѣческой изъ состоянія отчужденія отъ Бога и общенія съ діаволомъ, — иначе: изъ ада. Для сего Онъ долженъ былъ умереть тѣломъ и сойти во адъ душою, не оставляя престола Божественной славы. Это было окончательное средство Божеству войти въ отчуждившееся отъ него человѣчество, столько вѣковъ воціавшее всѣми путями и сторонами жизни своей къ Богу о помощи, но всегда встрѣчавшее между Имъ и собою средостѣніе въ своемъ безсиліи. Съ явленіемъ Бога въ живомъ человѣчествѣ

положено было только начало дѣлу спасенія нашего. Жизнь человѣка истинная послѣ грѣхопаденія—уже не на землѣ, не во времени; она только что начинается смертію тѣлесною, человѣколюбіемъ Божиимъ обращенною теперь уже въ непреложный законъ человѣческаго бытія. Въ тотъ міръ—міръ безконечнаго существованія отложена надежда истинной жизни; и туда долженъ былъ вестъ дѣло искупленія нашего Искупитель, туда направлять главнымъ образомъ весь ходъ Своего служенія и весь духъ Своего ученія. И Онъ умеръ съ тѣмъ, чтобы, проповѣданное живымъ, благовѣстіе спасенія *проповѣдать* и *духовомъ* усопшаго человѣчества, сблизить его съ Богомъ, какъ оно уже получило начатокъ сего сближенія въ Его собственномъ существѣ, — возвести человѣка въ прежнее его достояніе, — явиться въ Адѣ человѣкомъ, выйти оттуда Богомъ—*со всякою властію на небеси и на земли* (Мат. 28, 18) т. е. совокупивши отчуждившуюся землю съ Царствомъ Небеснымъ снова въ единое *Царство Божіе*, «вся исполнивъ свѣтомъ—и небо, и землю, и преисподняя».—Чтоже? Упраздненіе смерти вѣчной не долженствовало ли влечь за собою необходимо и упраздненіе смерти временной? *Въручай въ Мя не умреть*, говорилъ

Господь (Иоан. 11, 26); слѣд. должноствовало —, но только подь условіемъ вѣры, вѣра же безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 20.), а дѣла безъ любви — ничто (1. Кор. 13, 2.). а любовь есть союзъ совершенства.. (Кол. 3. 14) т. е.—подь условіемъ дѣятельнаго усвоенія искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа,—подь условіемъ жизни совершеннѣйшей, богоподобной. Смерти временной дѣйствительно бы не было, еслибы человѣкъ весь всецѣло предалъ себя спасающему влеченію Духа Христова; или если бы согласно было съ премудростію Божіею—насильно не приготовленнаго и не способнаго поставить его въ царство непреходящей жизни. Невозможно послѣднее, едва возможно первое (нетлѣнные останки святыхъ Божіихъ суть несомнѣнный залогъ сей возможности). Со стороны Божіей сдѣлано для этого все. Осужденіе съ насъ снято; средостѣніе вражды разорено; клеветникъ и навѣтникъ нашъ связанъ; *образъ здравыхъ словесъ* мы имѣемъ; ходатай, выну ходатайствующій о насъ, —самъ Богъ; благодатная помощь Духа Святаго всегда съ нами; *вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію, поданы.* Слѣдов. отъ насъ зависитъ вѣровать такъ, чтобы не умереть во вѣки. Но нѣтъ надежды, чтобы, вовлекаемая въ те-

ченіе многихъ тысячелѣтій въ грѣхъ, природа наша оказалась способною къ совершеннѣйшему послушанію Божественному призванію. Господь зналъ и предвидѣлъ это; а потому говорилъ больше о безсмертіи воскресенія, нежели о безсмертіи неумира-нія: *Аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. 11, 25.).. *Имать животъ вѣчный, и азъ воскрешу его въ послѣдній день* (6, 40.) и т. под. Но тѣмъ или другимъ путемъ, человѣкъ все приходитъ къ одному и тому же, —чего не можетъ достигъ естественнымъ ходомъ жизни, то получаетъ сверхъ-естественнымъ дѣломъ воскресенія. Воскресеніе въ этомъ случаѣ есть необходимое слѣдствіе оправданія, какъ смерть была необходимымъ слѣдствіемъ осужденія, или вѣчной, душевной смерти. Какъ самъ Господь умеръ воспринятымъ Имъ *подобіемъ плоти грѣха* (Рим. 8, 3) и воскресъ, такъ и всѣ искупленные Имъ и вѣрующіе въ Него отдадутъ необходимую дань заразившему ихъ грѣху, —умрутъ, но потомъ оживутъ для вѣчно-блаженной жизни со Христомъ и во Христѣ.

Какъ Искушитель и Оправдатель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, потому, есть умилоствительная жертва за все человѣчество. Подъ симъ образомъ зналъ и видѣлъ Его и вѣрилъ въ Него

весь Ветхій Завѣтъ.—Какъ Спаситель, Онъ есть наша ходатайственная Жертва—первая мысль, главная цѣль, духъ, сила, существо—Новаго Завѣта. Ею мы живемъ, ею служимъ Богу, молимся, питаемся, укрѣпляемся, освящаемся, одуховляемся въ залогъ воскресенія и въ зачатокъ жизни вѣчной. *Якоже посла Мя живой Отець, и Азь живу Отца ради: и ядый Мя и той живъ будетъ Мене ради. Сей есть хлбъ сшедый съ небесе (Іоан. 6, 57). Азь есмь хлбъ животный, иже сшедый съ небесе: аще кто съѣсть отъ хлба сего, живъ будетъ во вѣки (ст. 51).*

Уготовалъ еси предо мною трапезу противъ стужающимъ мнѣ. Умастилъ еси елеемъ главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя яко державна, и милость Твоя поженетъ мя вся дни живота моего, и еже вселитимися въ домъ Господень въ долготу дній (Пс. 22, 5. 6.). И точно: мы видѣли, какъ сія милость, уготовавшая намъ божественную трапезу тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа—нашего Искупителя и Спасителя, гналась за человекомъ въ теченіе всей его неисчетно—лѣтней жизни, какъ она отъ дней дѣтства нашего до нынѣ женетъ и всѣхъ насъ, преслѣдуетъ насъ, останавливаетъ, влечетъ къ себѣ званыхъ и незваныхъ,

готовыхъ и неготовыхъ, собираетъ съ распутій и халугъ, ищетъ всѣхъ всегда и повсюду, чтобы привести на брачный пирь Сына Царева, и напитать хлѣбомъ жизни и чашею безсмертія—*Примите, ядите.. во оставленіе грѣховъ! Пійте отъ нея.. во оставленіе грѣховъ!* Такъ говоритъ Милость. — Приидите же души грѣшныя, и примите оставленіе грѣховъ! И ты, душа согрѣшившая предъ Господомъ, не хотящи, отъ всѣхъ повелній Господнихъ, ихъ же нельтъ есть творити, и сотворившая едино что отъ нихъ! Аще архіерей помазанный (Лев. 4, 2. 3), аще весь сонмъ сыновъ Израилевыхъ (ст. 13), аще же князь (22), аще же душа едина отъ людей земли (27).. и ты, душа согрѣшившая и слышавшая гласъ клятвы и, не смотря на то, не возвьстившая о грѣхѣ, забывающая и припоминающая его, — душа беззаконная, общающаяся устнама своима зль или добрь сотворити и отрекающаяся отъ своего обѣта (—5, 1—4.).. и ты, душа согрѣшившая и презръвшая заповѣди Господни, — душа солгавшая другу, преобидающая ближняго, завладѣвшая чужимъ, клявшаяся въ неправду (6, 1—3).. всѣ души грѣшныя—присутпите съ жертвою очищенія къ Олтарю Господнему. Намъ не нужно приводить съ собою ни тельца,

ни козля, ни ягня. Желующаяся за нами во вся дни живота нашего, милость Божія давно привела и поставила предъ Господомъ Лица непорочна и пречиста Христа (1. Петр. 1, 19), *вземающаго грѣхи міра* (Іоан. 1, 29) — *Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь имать животъ вѣчный*, говоритъ Божественная милость (Іоан. 6, 54.), *и азъ воскрешу его въ послѣдній день*. Души брэнноносныя и притрепетно-боязливыя! Приступите къ источнику безсмертія, и укрѣпитесь противъ страха смертнаго *и ты, душа мятущаяся зъло отъ представленія, яко нльсть въ смерти поминай.. во адъ же кто исповьсться* (Пс. 6, 4. 6), *и ты, душа скорбная, смирившаяся въ персть и рошущая на Бога за то, что тебя прикры стнь смертная* (Пс. 43, 20. 26).. *и ты, душа, считающая себя отрѣянною отъ Господа, исполненная золъ и приближенная аду, изнывающая отъ терзаній смертныхъ* (Пс. 87).. *душа спящая, когда конецъ приближается, — душа разлучающаяся отъ тѣлесе, и слезящая.. всѣ души земнородныхъ, коимъ горька чаша смертная, приндите и примите чашу спасенія, уповающую насъ надеждою вѣчной, нетлѣнной жизни! Грѣхъ и смерть, страшные неискупленному, неоправданному чловѣчеству, не страшны причастникамъ Бо-*

жественнаго естества. Грѣхъ безсиленъ, смерть безпечальна для нихъ. Надъ грѣхомъ, по премногу *грьшнымъ*, царствуетъ преизбыточествующая благодать Божія. Смерть ведетъ насъ въ безконечную, невообразимо-прекрасную и вседовольную, жизнь.. *Ядый Мою плоть и пійи Мою Кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ — въ немъ* (Іоан. 6, 56.) Это говоритъ Богъ. Аминь.

ШЛАЧЪ

НА ПАМЯТЬ СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХЪ.

(Въ Великій Пятокъ).

*Плача плакася въ нощи, и слезы
его на ланитѣхъ его:*

1. Бысть Господь, аки врагъ, утверди десницу свою, яко супостатъ, напряже лукъ свой, яко ратникъ противный (Пл. Іерем. 2, 3. 4.), и постави мя, яко знаменіе, на стрѣлянїе (3. 12),—обѣщавши плоть мою и кожу мою, обѣя главу мою и утрудил (3. 4—6),—простре спячь ногамъ моимъ (1. 13), даде въ руцѣ мои болѣзни (—14),—насытити мя горести, напоити мя желчи (3, 15),—на мя обрати руку свою весь день (3, 3)!

Что ти засвидѣтельствую, или что уподоблю тебя?.. Кто тя спасетъ (2, 13)?

2. Ловяще уловиша мя, яко врабїя, врази мои, умориша въ ровь жизнь мою, и возложиша на мя камень (3, 52. 53.), слышали злая моя и порадовашася (1, 21,) быхъ въ смѣхъ всемъ людемъ моимъ. Пѣснь ихъ (3, 14), укоризны ихъ, вся совѣты ихъ на мя и поученіе ихъ на мя весь день (3, 61. 62)!

Что ти засвидѣтельствую, или что уподоблю тебя?.. Кто тя спасетъ, и кто тя утѣшитъ (2, 13)?

3. Многа суть стенанїя моя, и сердце мое скорбитъ (1, 22), и стужитъ во мнѣ—душа моя) 3, 20),—утроба моя смятется во мнѣ и превратится сердце мое; яко горести исполнихся (1, 20), яко удалися отъ мене утѣшай мя (1, 16), болѣзнующа весь день (1, 13)!

Что ти засвидѣтельствую, или что уподоблю тебя? Кто тя спасетъ, и кто тя утѣшитъ, и кто тя изцѣлитъ (2, 13)?

Какъ близко совпадаютъ съ настоящимъ настроенїемъ чувствъ нашихъ эти плачевные звуки, исторгшіеся изъ сердца скорбящаго Пророка!—*Кто Тя спасетъ?*—Какъ бы въ отвѣтъ на сіе пророче-

ское вопрошеніе—*Отче! спаси мя отъ часа сего!*— воскликнулъ возлюбленный Сынъ Божій, предъузрѣвъ Свой близкій исходъ, и Самъ же присовокунилъ: *но сего ради приидохъ на часъ сей.* (Іоан. 12, 27). А такъ какъ Самъ Онъ предъизбралъ рѣшеніе *положить душу Свою* за люди Своя: то никто уже не могъ спасти Его. Апотому вотще одинъ изъ увѣровавшихъ въ Него князей, болѣе другихъ мужественный, защищаетъ Его (—7, 51) передъ Верховнымъ совѣтомъ. Напрасно Ему совѣтуютъ не ходить въ Іудею (—11, 8) къ празднику послѣдней Пасхи. Напрасно народъ Іерусалимскій дѣлаетъ Ему царскую встрѣчу и привѣтствуетъ его словомъ *Спасенія.* Вотще Петръ ножемъ ищетъ спасти Учителя. Вотще Ироду представляется случай избавить Его, какъ Галилеянина, изъ рукъ Іудеевъ. Вотще жена Пилата проситъ мужа не дѣлать зла *Праведнику* (Мат. 27, 19). Вотще самъ Пилать хочетъ, *наказавъ, отпустить Его* (Лук. 23, 16. 22), и троекратно всенародно исповѣдуетъ, что *не обрѣтаетъ въ немъ вины* (Іоан.). Все, что, повидимому, могло служить къ сохраненію Его жизни, оказывается напраснымъ.

Никто не утѣшить! *Во своя прииде, и свои Его не пріяша* (Іоан. 1, 11). Въ сихъ краткихъ словахъ

выражена вся печальная сторона искупительнаго служенія Господа Іисуса. Все оно преисполнено было внутреннихъ и вѣшнихъ огорченій, возрасшихъ въ послѣдніе дни до послѣдней степени. *Се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ Человѣческій преданъ будетъ архіереемъ, и книжникомъ, и языкомъ* (Лук.) и поругаются ему, и укоряютъ его, и уязвятъ его, и оплюютъ его, — осудятъ его на смерть и, бивше, убьютъ его (Мат. Марк. Лук.) Такъ Онъ Самъ говорилъ на послѣднемъ пути въ Іерусалимъ. Какая глубина скорби заключаются въ каждомъ словѣ сихъ изречевій и въ соотвѣтствующей имъ дѣйствительности! Но еще прежде преданія *въ руки грѣшниковъ* (Марк. 14, 41), печаль за печалію поражала сердце Искупителя. Смерть друга вызвала у него слезы. Будущая участь Іерусалима — также слезы. Безчynie въ дому Божіемъ подвигло Его на гнѣвъ. Бесплодная смоковница — на слово клятвы; бесплодная Суванага — на гласную рѣчь обличенія и поношенія. Затѣмъ слѣдуютъ предательство Іуды, сонъ и бѣгство Учениковъ, отреченіе Петра, заушеніе отъ одного изъ слугъ и издѣванія всей прислуги первосвященника, надмѣніе и легкомысліе Пилата, вопли неблагодарной черни, посмѣваніе отъ Ирода, посмѣваніе отъ воиновъ, со-

поставленіе съ разбойникомъ, неправедное осужденіе, крестоношенія, стыдъ обнаженія, насиліе распинавіа, злорадованія враговъ, хуленіе сораспятыхъ злодѣевъ, — горечь и преогорченіе до послѣдняго вздоха! *И не бѣ утѣшай, и не бѣ скорбай!* Правда, плакали сострадательныя дщери *Иерусалимскія*, правда, стояли при крестѣ Матерь и любимый Ученикъ, но какое утѣщеніе могло доставить это безпомощное участіе? Самаго дѣйствительнаго и единственнаго потребнаго утѣшенія отъ Отца небеснаго не было. И возлюбленный Сынъ Божій, утѣха Израіля, былъ оставленъ безъ утѣшенія, взывая къ Отцу своему: *Боже мой! Боже мой! вскую мя еси оставилъ* (Пс. 21, 2).

Никто и не пзцѣлтъ! *Господь предаде его грѣхъ ради нашихъ* (Ис. 53, 6.). Довольно сказать сіе, чтобы не ождать ни откуда и ни отъ кого пзцѣленія. *Язвенъ бысть за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наша. Наказаніе мира нашего на немъ* (— 5). Вотъ почему язва Его, и мука Его, и наказаніе Его долженствовали длиться безъ облегченія до послѣдней минуты жизни. Если бы онѣ прекратились раѣе, то наши грѣхи остались бы неочищенными, и вмѣсто Его, преданнаго и мучимаго, продолжало бы болѣть неизцѣльно все

человѣчество. Но язвою его надлежало намъ изцѣлится (—); оттого наша язва оставалась для Него неизцѣльною, смертельною. Онъ страдалъ въ язвъ сей и вѣдый терпѣти бользнь (— 3), и вопіялъ воплемъ крѣпкимъ, со слезами; ибо вѣдалъ, что не пострадать невозможно. Боль заушенія, терноношенія, бичеванія и распинанія ничто въ сравненіи съ невыносимою мыслию, что она не прекратится, и что страданіе перейдетъ въ лютую муку насильственной смерти. Сознаніе увеличивающейся безнадежности къ жизни должноствовало быть тяжеле и болѣзненнѣе всѣхъ язвъ тѣлесныхъ. Имъ—то неизцѣлимо болѣла божественная душа Пострадавашаго съ самаго утра прегорестнаго дня, до той минуты, когда предала себя въ руки Отца. Мы не можемъ ни уразумѣть, ни оцѣнить по достоянію страданій Богочеловѣка. Наше ничтожество, выражаемое всѣмъ нашимъ ограниченнымъ бытіемъ, дѣлаеть для насъ менѣе ужаснымъ неотразимый мигъ смерти. Но Чудотворцу возвращавшему другихъ къ жизни, самому Виновнику жизни, быть обречену на смерть и умирать, это превосходитъ всякія наши понятія о страданіи и мукѣ. Только мука вѣчная дала бы, можетъ быть, привыкшему къ временному бытію ура-

зумѣть, по противоположности, неиздѣльную болѣзнь Христа распятаго. О, Цѣлителю сокрушенныхъ сердцемъ (Лук. 4, 18)! Да скажемъ съ про- рокомъ: *Кто Тя изцѣлитъ?* Никто.

Что же Ты засвидѣтельствуемъ Господи и Вла- дыко живота въ горестный день смерти Твоея, въ томительный часъ воображаемаго стоянія нашего при Крестѣ Твоемъ? Какимъ выраженіемъ сочув- ствія почтимъ безпредѣльные страданія Твои, Слове Божій, какъ не такими же чувствами, какъ не такими же слезами, какими выражали безпо- мощную скорбь свою при Крестѣ Твоемъ любя- щіе Тебя и Возлюбленные Тобою! Приидите же, сынове человѣчестіи, восплачемся предъ Господомъ (Пс. 94, 6), какъ одно осиротѣвшее семейство Его, какъ плоть отъ плоти Его и кость отъ костей Его!

Ты ли, Господи, на древѣ осужденія, *Судяй концемъ земли (1 Цар. 2, 10) Судяй въ правду (Пс. 66, 5), Судяй въ силѣ (53, 3), и побѣж- дай вегда судити ти (50, 6)? Ты ли чаяніе языковъ (Быт 69, 10), провареченный вѣстникъ, совершитель и податель оправданія человѣческому роду, предъ нами являешься поверженнымъ, уни- чиженымъ, озлобленнымъ и обезславленнымъ все-*

мірно, въ укоризну своимъ и въ отчаяніе языкомъ? Ты ли это—Солнце правды, возсіявшее міру, чтобы разогнать глубокую мглу извращенныхъ дѣлъ и всѣмъ явить *правду Божію, яко свѣтъ и яко полудне*, и вмѣсто того, само заходишь въ непровицаемый мракъ клеветы съ укоромъ въ богохульствѣ? Ты ли это *Отрокъ Божій возлюбленный, не пререкшій, не возопившій, трости сокрушенны не преломившій и льна внемшася не угасившій*, вмѣстѣ съ разбойниками причтенъ къ душегубцамъ и умираешь казнію злодѣевъ?. Твои ли это зпждительныя руки, благословлявшія, благотворившія, чудодѣйствовавшія, растягнуты и пригвождены къ древу казни, какъ бы для того, чтобы не простирались къ хищенію, къ насилію, къ беззаконію?. Твои ли это покланяемыя стопы, вносившія во грады, и веси, въ жилища человѣческія миръ, и отраду, и спасеніе вѣчное, истерзаны и прибиты къ древу позора? Твой ли это, отъ вѣка желанный и во вѣкъ пезабвенный, началобитный образъ, въ подобіе котораго созданы всѣ мы, сквозь пеобычный мракъ единственнаго дня страшно и жалостно зрится на древѣ проклятія, *не имѣющій ни вида, ни славы, ни доброты, умаленъ, отвращенъ, безчестенъ?*..

Судіе и вѣдче! Пріими скорбь мою по Тебѣ, мене ради осужденномъ, и не дай мнѣ ни словомъ, ни мыслію, ни вѣдѣніемъ, ни невѣдѣніемъ дерзнуть когда—либо судить совершенное Тобою дѣло моего оправданія! Ты *да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ*, (Пс. 50, 6), я же... *да сохранию словеса Твоя* (—18, 17. 101.)!

Не имѣлъ Ты идъ главу поклонити, и гдѣ жъ наконецъ преклонилъ ее? На крестѣ!—*Грѣха не сотворилъ Ты, и леств не обрѣтесе во устѣхъ Твоихъ* (1 Петр. 2, 22). Но вотъ предаешься смерти, какъ тяжчайшій грѣшникъ! Но вотъ цѣлмый Свѣдѣніонъ обзываетъ Тебя *льстецомъ*, обманывавшимъ народъ именемъ Христа и Сыва Божія!—Тебя свѣдала *жалость дому отца твоего* (Іоан. 2, 17. 18), и ревнуя о немъ, ты очищаль его отъ сквернителей. Но вотъ сквернители являются паче Тебя ревнителями церкви Божіей, и, покивая главами, говорятъ Тебѣ: *уа, разорй церковь и тремі денми созидай* (Марк. 15, 29)!—Раждаешься Ты для *воцаренія въ дому Іаковли на престоль Давида отца своего* (Лук. 1, 32. 33), и умираешь съ поруганнымъ именемъ притязателя на царство!—При Твоемъ явленіи на землю, для Тебя свѣтитъ новое свѣтило небесное. При Твоемъ от-

шествиі съ земли, отъ Тебя скрываются и древле вчиненныя свѣтила неба! — Ты алчешь, начиная дѣло спасенія нашего, и — Тебѣ искусительно предлагаютъ въ пищу камни. Ты жаждешь, окончивая свое искупительное служеніе, и — Тебѣ послѣдовательно даютъ въ питіе оцетъ и желчь! — Въ пещерѣ подземной встрѣчаешь Ты первую ночь бытія земнаго, въ пещерѣ плотію возлежишь и въ послѣднюю!

Агнче Божій, возьми грѣхи міра! Приемай, яко человекъ съ болѣзнію, позоръ крайняго уничиженія, вонми воплю скорби моей при видѣ нищеты Твоей вольной и не дай мнѣ *хвалитися* ни о чемъ иномъ, *только о крестѣ Твоемъ.* (Рим. 6, 14)!

Не видно болѣе лица Твоего пресвѣтлаго и пресіявнаго, блиставшаго *яко солнце* (Мат. 17, 2), въ часъ предварающей славы! Не слышно гласа Твоего, усмирявшаго стихіи и пронцавшаго въ послѣдніа исходища жизни! Не «ходишь ты болѣе по землѣ, пѣваемый отъ Серафимъ»! Не творишь и не учишь, изъ величайшихъ *Велий въ царствіи небесномъ* (Мат. 5, 19)! Не глашаешь своихъ овецъ по имени и не изгонишь ихъ предъ Собою, Самъ закланный яко овча! Не зовешь болѣе къ Себѣ труждающихся и обременныхъ, упокоившійся въ

безмѣрномъ трудѣ подъ тягчайшимъ бременемъ! —
 Время, желанное Пророками и царями (Лук. 10,
 24), небывалое прежде и неповторимое послѣ, приш-
 ло, миновало и сокрылось невозвратно! Кто теперь
 изцѣлитъ прикосновеніемъ болящаго, очиститъ взо-
 ромъ прокаженнаго, брениемъ уврачуеетъ слѣпа-
 го, воскреситъ словомъ умершаго? Силы, какихъ
 ни въ комъ отъ вѣка не могло обнаружить естество
 человѣческое, — знаменія, о какихъ не могъ помыс-
 лить умъ человѣческій, и, чудеса, какихъ могло
 чаять сердце человѣческое только какъ возможности
 инаго бытія, исписавшія собою самую дорогую и
 свѣтлую страницу исторіи человѣчества, изсякли,
 и болѣе невидимы! Такою отрадою, такимъ не-
 сравненнымъ довольствомъ и безпредѣльнымъ счас-
 тіемъ повѣявшая на изнемогшій подъ тяжестію
 вещества, плоти и суеты, духъ нашъ, струя
 вѣчной жизни, назадъ уносится изъ міра на-
 шего! И опять пойдутъ вопросы и недоумѣнія, со-
 мнѣнія и отрицанія, заносчивость ума и лжемудр-
 ствованіе разсудка, ложь, хула, клевета и праздно-
 словіе безъ конца и мѣры! И опять начнется цар-
 ство чувственности, самопрельщенія, самообоженія
 и страстнаго поклоненія всему не—божественному
 отъ невинночистаго до постыдно-преступнаго!

Учителю благій! На кого оставляешь Ты насъ, бѣдныхъ и *страшливыхъ* учениковъ Твоихъ, *вляющихся волнами* не на езерѣ, и не на морѣ въ бурю *вѣтрени велику* (Марк. 4, 37.), а среди мглы и хаоса сомнѣній, *воздвигаемыхъ невѣріемъ вѣка*, выдающимъ призраки за истину, и принимающимъ истину за призраки.

Пастырю добрый! Кто упасетъ Твое сирое и беззащитное стадо, привыкшее ходить за Тобой и отъ Тебя ожидать всего? Ему предлежать непроходимыя *дебри опасностей, искушеній, заблужденій*. Его духовное пастбище окружаетъ безводная и безпріютная пустыня міра, въ которой свирѣпствуютъ, *лютые волки* (Дѣян. 20, 29), хуленіями раздрающіе и терзающіе Твое Святое стадо, въ которой и самъ князь *власти воздушныя* (Ефес. 2, 2), *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5. 8). Съ Тобою все это не страшно, безъ Тебя — ужасно!

Врачу душъ! къ тебѣ привержаюсь моею болѣзнующею душею: *исцѣли* ее, стенающую у *подножія Твоего Креста*. Приклонися къ *моимъ* *вздоханіямъ* сердечнымъ, и мою каплю слезную, даже — *капли* *часть* *нѣкую*, *пролитую* о *разлученіи* съ Тобою, *приноsimую* Тебѣ, *ничтоже* *хотящему*

отъ меня. прїими, не яко даръ Тебя достойный, по яко плодъ скудный и убогій моеи дерзповеппой хотя в несовершенной в слабой любви къ Тебѣ!

Но, Братія! умѣстны ли слезы скорби при видѣ Господа пострадавшаго и погребенію Давшагося? Не слышимъ ли мы въ священной пѣснн словъ Его; *возстану и прославлюся? Уне есть вамъ. да Азъ иду*, читаемъ въ Евангеліи (Іо 16, 6)? Лучше для насъ Его смерть, нежели вѣчное пребываніе Его съ нами во плоти. Для вѣрующей любви больше утѣшенія въ видимомъ разлученіи съ Нимъ, нежели въ видимомъ соприсутствіи Его. *Аще бысте любили Мя. возрадовалися бысте убо, яко Азъ рѣхъ: иду ко Отцу* (— 14. 28). Покажемъ, братія, что мы Его любимъ, вѣрующимъ сердцемъ и у сего воспоминательнаго креста, и надъ симъ вмѣстообразнымъ гробомъ прольемъ иныя слезы: теплаго благодаренія, хваленія и поклоненія.

Крестъ и гробъ.. знаменіе клятвы и осужденія, и вмѣстѣ источникъ оправданія и благословенія! Для чего они? *«Насъ ради чловѣкъ и нашего ради спасенія»*. Такъ исповѣдуемъ всѣ мы, вѣрующіе, отъ временъ пророческихъ до нашихъ дней. Итакъ, кто въ силахъ понять и оцѣнить все дѣло искупленія своего, усвой любящимъ сердцемъ ту прерадостную

вѣсть, что между крестомъ и гробомъ совершенно величайшее благодѣяніе для тебя, и собери всю теплоту души своей, чтобы возблагодарить Благодѣтеля за счастье, которому нѣтъ имени на землѣ.

Крестъ и гробъ.. смерть и жизнь, истлѣніе и воскресеніе!. Еслибы и одинъ Христось умеръ и воскресъ, намъ и тогда осталось бы *радующа хвалити Бога гласомъ велимъ о сль, юже видьхомъ* (Лук. 19, 37) надъ однимъ изъ смертнаго рода нашего. Но—братія!—какъ сказать это, не вострепетавъ радостно всѣмъ существомъ своимъ? — У креста и гроба дѣло шло не о человѣкѣ, а о человѣчествѣ. Христу сораспялись, Христу спогреблись и со Христомъ воскресли предначинательно всѣ мы. Недовольно ли сего, чтобы пѣснь богохваленія не сходила съ устенъ нашихъ въ роды родовъ и во вѣки вѣковъ?

Крестъ и гробъ.. древо казни и знаменіе побѣды, пещера мрака и чертогъ свѣта! Когда стекалось во едино столько неожиданныхъ превратностей, столько разительныхъ противоположностей? Гдѣ еще видало столько странныхъ и чудныхъ, и непостижимыхъ вещей! Когда и гдѣ таинственное являло себя такимъ обиліемъ знаменій несомнѣнныхъ и

непреложныхъ и вмѣстѣ недоступныхъ никакому изслѣдованію?. Умираетъ повѣшенный на древѣ Человѣкъ, всенародно признанный невиннымъ, и, по какой то необъяснимой случайности названный *царемъ Іудейскимъ*. И что же? Вмѣстѣ съ тѣмъ меркнетъ солнце, раздирается на двое церковная завѣса, потрясается земля, отверзаются гробы и встаютъ усопшіе. Послѣ сего, кто съ богомудрымъ сотникомъ не воскликнетъ: *Воистинну Божій Сынъ бѣ сей* (Мат. 27, 54) или съ Апостоломъ не скажетъ: *Богъ бѣ во Христвъ, міръ примиряя себѣ* (2. Кор. 5, 19), и не преклонитъ коленъ ко *Отцу Господа нашего Іисуса Христа* (Еф. 3. 14.) о имени Котораго *всяко коленно поклонитъ небесныхъ и земныхъ и пресподнихъ.* (Фил. 2, 10)?

Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе!

Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе!

Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе!

Покажи намъ и славное твое воскресеніе! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ.

Воскреси Боже! Суди земли.

Пс. 81, 8.

Уста, изрекавшія глаголы живота сомкнуты. Гласъ, привлекавшій всѣхъ и отвсюду, заставлявшій забывать пищу и сонъ, домъ и мѣръ, умолкъ.. Взоръ, проникавшій въ сокровеннѣйшія глубины сердца, приводившій въ трепеть и плачь, погасъ.. Руки, подававшія всѣмъ все благопотребное, сотворившія столько знаменій и чудесъ, связаны узами нерѣшимыми.. Свѣтоносное лице одѣто мракомъ,—запечатлѣно страданіемъ и мукою. Пречистое тѣло, изъязвленное, изтерзанное, лежитъ хладно, недвижимо, безпомощно, беззащитно..

«Еще прежде солнца солнце» зашло во гробъ. *Свѣтъ міру* померкъ и помрачилъ собою свѣтло дня. *Путь жизни* сотреть съ лица земли, прошелъ въ ея утробу и вывелъ оттуда многохъ усопшихъ святыхъ. *Истина* открылась въ совершенной паготѣ и разорвала завѣсу сѣней и гаданій. «*Жизнь* во гробъ полагается, и ангельская вопиетъ ужасаются». — Что дѣлають люди въ это чрезвычайное, многотревожное время? Бьютъ въ перси; плачутъ и рыдаютъ; приготавлиють ароматы и миро; въ страхѣ кроются, пораженные неожиданнымъ концемъ безирримѣрнаго дѣла; бесѣдуютъ къ себѣ о вѣсѣхъ приключившихся; собираются у игемона, прося утвердить гробъ и утверждаютъ, знаменавше камень съ кустодією; стерегутъ богопріемную пещеру; дожидаются печальнаго утра, когда снова должны будутъ увидѣть Господа—мертваго и бездыханнаго, повидному обреченнаго на вѣчный покой, на постлѣніе. Дѣлають каждый свое и каждый — то, что ему внушаль дѣлать его взглядъ на Мертвеца.

Что, въ день памяти почивающаго во гробѣ Господа, изъ всего этого приличнѣе дѣлать намъ, вѣрующимъ въ Его богочеловѣчество, въ Его всеобщее для рода нашего значеніе,—истекшее слу-

женіе и грядущее господствованіе? Намъ надобно стоять выше самыхъ возвышеннѣйшихъ изъ нихъ, бесѣдовавшихъ *о вѣсѣхъ приключившихся*. Ежедневно мы слышали живую, вразумительную и наставительную бесѣду о всемъ, что совершилось съ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и со всѣмъ челоуѣчествомъ. Много разъ и сами бесѣдовали о томъ же, увлекаемые духомъ и примѣромъ Церкви. *Великій день той субботы*, заставившій *умолчать* усердіе и любовь св. женъ Муроносицъ — несравненно болѣе великій для насъ — связываетъ молчаніемъ и нашу мысль, стремящуюся въ сердце земли за Воскресителемъ рода нашего. *Да молчитъ всякая плоть челоуѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ..* какъ бы именно съ тѣмъ намѣреніемъ поетъ нынѣ (единственный разъ въ году), въ необычное для всякой новой пѣсни время, св. Церковь, чтобы не вызывать христолюбцевъ изъ глубины ихъ божественнаго созерцанія надъ гробомъ безмолвствующаго Слова животнаго, и дать полное, безрешительное теченіе ихъ, чувству, спогребающемуся Христу, Но не сама ли же Церковь первая подала вѣрующимъ призывный знакъ къ неудержимо-проторгающимся восклицаніямъ ихъ предпразднствующаго духа? Много-

кратно повторенная ею пѣснь: *воскресни Боже, суди земли*, и соединенное съ тѣмъ переоблаченіе ея слугителей въ свѣтлыя одежды наступающаго радованія, не вызвали ль изъ каждаго сердца радостнаго привѣтствія «исходящу Христу изъ гроба, яко Жениху?» Движимые сокровеннымъ восторгомъ, мы всѣ тогда не просвѣтились ли лицомъ, не готовы ли были уже «испраздновать любопразднственными чинми Пасху Божию спасительную?» Отголосокъ той трепетно-радостной минуты теперь движеть въ слово языкъ нашъ.

Воскресни Боже! Суди земли! Земля сперва была невидима и неустроена, но когда рука Змѣдителя привела ее въ надлежащее устройство, она была *вся добра злыю*. Грѣхъ челоѣка навлекъ на нее проклятіе и за проклятіемъ всѣ бѣды. *Проклята земля въ дѣльхъ твоихъ*, сказалъ Господь челоѣку (Быт. 3, 17) въ началѣ бытія его. Чѣмъ долѣе челоѣкъ жилъ потомъ, тѣмъ болѣе надобно было терпѣть землѣ. *И видѣ Богъ землю, и бѣ растльнна, яко растли всяка плоть путь свой на земли. И се азъ погублю ихъ и землю*, сказалъ Онъ (Быт. 6, 12, 13.). *И бысть потопъ*, (—7, 17.) Земля принесла за людей очистительную жертву, и успокоилась, — но не на долго.

Вскорѣ жупель и огонь Содомскій (— 19, 24.) возвѣстали о цовомъ мученіи земли за грѣхи людскіе. И на долго печальный долгъ страдать за челоуѣка сдѣлался постоянною долею земли. За грѣхъ братоуенавистнаго извѣста (— 37, 28) она употребляется голодомъ (40, 56); на ропотъ недовольныхъ «человѣкомъ Божиимъ» отверзаетъ свою внутренность (Числ. 20, 10); за идолопоклонство и нечестіе сохнегъ *три лѣта и мѣсяць шесть* (3. Цар. 18. Лук. 4, 35). Пророкъ предсказывалъ въ будущемъ еще большее зло землѣ. *Тльніемъ истлѣетъ земля, и расхищеніемъ расхищена будетъ земля. Земля бо беззаконіе сотвори живущихъ ради на ней; понеже преступиша законъ, и измѣниша заповѣди, разрушиша завітъ вѣчный. Сею ради проклятіе поястъ землю* (Пс. 24. 3—6).. *Земля же, и яже на ней дѣла сгорятъ* (2 Петр. 3, 10), прибавляетъ Апостоль. Земля будетъ тлѣть и горѣть, потому что должны истлѣть и сгорѣть дѣла. И такъ все бѣдствуетъ земля, и все бѣдствуетъ за челоуѣка! И теперь своимъ грѣхомъ онъ безпрестанно нарушаетъ ея богоустановленный чинъ и порядокъ, — жестокостію и невнимательностію мучитъ ея жизнь, — безпрестанно клевететь на нее, позорить ее, поносить,

— всѣ вины свои слагаетъ на нее беззащитную..
Воскреси Боже! Суди земли! Разсуди между ею и человѣкомъ!—Нѣкогда она возопила кровію убитаго праведника, и привлекла отмстительный судъ на братоубійцу (Быт. 4, 10). *Кровь кропленія, лучше глаголющая, нежели Авелева* вопіетъ теперь отъ земли къ престолу Божію.. Но—о чемъ глаголетъ сія безцѣнная Кровь? Объ отмщеніи ли человѣку, пролившему ее въ нѣдро земное?. Дивное таинство домостроенія Божія! Она говоритъ—совсѣмъ напротивъ объ избавленіи человѣка (Еф. 1, 7); Кол. 1, 14. —объ оставленіи его прегрѣшеній (Рим. 3, 25; Еф. 1, 7; Евр. 9, 15.), — объ очищеніи его (1. Іоан. 1, 7; Рим. 3, 25; Евр. 9, 14.).—о показаніи правды Божіей въ нынѣшнее время, *во еже быти Ему (т. е. Богу) праведну и оправдающе суцего отъ вѣры Иисусовы.* (Рим. 3, 24—26)—о его оправданіи и спасеніи отъ гнѣва (Рим. 5, 9),—о преумноженіи въ немъ благодати (Еф. 1, 7, 8),—о приближеніи его къ Богу (Еф. 2, 13.),—о примиреніи земнаго съ небеснымъ (Кол. 1, 20.)... Таковъ вопль Божественной Крови! Можно предугадывать: какой судъ изречетъ надъ землею принявшею сію ходатайцу человѣка, Человѣколюбецъ. *Се дніе грядутъ, глаголетъ Господь,*

и завѣщаю дому Израилеву и дому Іудину. За-
вѣтъ новъ, дая законы Моя въ мысляхъ ихъ и на серд-
цахъ ихъ напишу я, и буду имъ въ Бога, и ти
будутъ Ми въ люди. Милостивъ буду неправдамъ
ихъ, и грѣхъ ихъ не помяну кому. Аще вознесет-
ся небо на высоту, рече Господь и аще смирит-
ся исподъ земля низу, и Азъ не отвергну рода
Израилева о всѣхъ, яже сотвориша, глаголетъ Гос-
подь. (Іерем. 31. 32—35). Вотъ какъ судъ Богъ
произноситъ на жалобу земли. Земле! Земле! Зем-
ле! Слыши Слово Господне (Іерем. 22, 29.)!

Воскресни Боже! Суди земли!. Созда Богъ чело-
вѣка персть (вземъ) отъ земли. И вдуу въ лице
его дыханіе жизни: и бысть человекъ въ душу жи-
ву (Быт. 2, 7.)—по образу Божію (1, 27.). Зем-
ля, такимъ образомъ, получила высокую честь но-
сить на себѣ живой образъ неописаннаго Бога—
въ челоуѣкѣ изъ неразумнаго бытія возвысилась до
богоподобія. Челоуѣкъ созданъ обладать землею,
господствовать надъ нею. Онъ ея царь, ея про-
рокъ, ея первосвященникъ, ходатай предъ Богомъ,
представитель въ Царствѣ Божіемъ, — ея слава
честь, сила, жизнь. Земля связана съ нимъ уза-
ми вѣчными, нерѣшимыми. Она должна была по-
тому войти въ необходимое участіе во всей судъ-

бѣ его временной и вѣчной.. Что же вопіешь ты, мать земнородныхъ?. Наша участь—твоя участь. Радъ ли сынъ твой своему несчастію и твоему терзанію? Не видишь ли ты, какъ онъ, забывая часто небо и Отца своего, обращенъ всею заботою сердца къ тебѣ,—старается, сколько можетъ и какъ знаетъ, поправить твое зло и загладить свое преступленіе,—изобрѣтаетъ всѣ способы тебя украсить, защитить, обогатить?. Но ты, разъ потрясенная въ основаніяхъ своего и нашего благосостоянія, доселѣ мстишь ему, платишь за любовь и усердіе недоброжелательствомъ, за попеченіе — противоборствомъ. Со всѣхъ сторонъ ты несешь на него болѣзни, бѣды, скорби, лишенія, на каждомъ шагу помагаешь ему косою смерти, и, будь съ его стороны малѣйшая неосторожность, — снѣшишь разрѣшить составъ его и смѣшать съ собою, какъ бы невыносимымъ считая присутствіе его на лицѣ своемъ въ высшемъ, совершеннѣйшемъ образѣ,—какъ бы тяготясь его богоподобіемъ. Но—мало того,—ты хотѣла бы и духъ его сдѣлать землею. Съ первыхъ дней его жизни, ты увлекаешь его къ себѣ, приучаешь къ своему образу бытія, заставляешь любить себя исключительно, съ ревностію преслѣдуешь всякій порывъ его въ совершеннѣйшую об-

ласть бытія, льстишь ему мимолетными тлетворными наслажденіями, обманываешь заблужденіями, — употребляешь все, чтобы только неотдать его во власть духовнаго, сверхъ-естественнаго, Откровеннаго, Божественнаго. *Воскресни Боже, суди земли!* Разсуди долговременную прю ея съ человѣкомъ! — Нѣкогда возопилъ къ Богу человѣкъ, глубоко пораженный и огорченный землелюбивымъ характеромъ лучшей части рода человѣческаго, и на голосъ его *спаде огонь отъ Господа съ небесе, и пояде всесожегаемая, и дрова, и воду, и каменіе, и персть полиза огонь* (3. Цар. 18, 38)... И въ благодатныя времена Новаго завѣта на давній, горькій вопль, тѣснимаго землею, духа человѣческаго приходилъ Господь *огнь вобрещи на землю* (Лук 12, 49,), но — дивное таинство домостроенія Божія! Сей огонь, уготованный на судъ земли (Ис. 66, 16), вергнуть былъ не на землю, а на человѣка; но и въ немъ онъ горѣлъ невидимо и неощутительно, часто не вѣдомо ему самому, очистилъ, перетворилъ его, и его природою одуховленною и обоженною попяляетъ теперь землю, пока не настанетъ время измѣнить ее вмѣстѣ съ человѣкомъ въ совершеннѣйшій образъ бытія, потому что *сама тварь свободится нѣкогда отъ работы истлѣнія въ свобо-*

ду славы чадъ Божіихъ (Рим. 8, 21). Духъ сыноположенія, усыновивши людей Богу, и землю сдѣлаеть наслѣдіемъ, жилищемъ, престоломъ Божіимъ. Человѣкъ, навлекшій на нее проклятіе своимъ осужденіемъ, привлечеть и полнѣйше благословеніе Божіе своимъ оправданіемъ; вмѣстѣ съ нѣмъ она перетворится, очистится, обновится. Таковъ судъ Божій землѣ, обвиняемой человѣкомъ! *Работающимъ Мнѣ наречется имя новое, еже благословится на земли; благословятъ бо Бога истиннаго... забудутъ печаль свою первую, и не възидеть имъ на сердце. Будеть бо небо ново и земля нова. Тако глаголетъ Господь. (Ис. 66, 15. 16. 17)... Земнородни же и сынове чловѣчестіи (Пс. 48. 3)! Слышите слово Господне! (Іезек. 13. 2),*

Воскресни Божже! Суди земли! Суди — вмѣстѣ и человѣку и земли. Всякая жалоба ихъ другъ на друга не справедлива. Земнородному ли жаловаться на землю, и землѣ ли на свое порожденіе? Ихъ сочетала воля общаго всей твари Отца Небеснаго въ одинъ неразлучный союзъ жизни. И стыдъ ихъ общій, и слава ихъ общая. Несчастливая судьба ихъ привлекла на нихъ обоихъ милость Божію, которую Премудрость облекла въ невзреченнодивное событіе—воплощеніе Бога-Слова. *Тако воз-*

люби Богъ міръ яко и Сына своего едиnorodнаго далъ есть (Іоан. 3, 16). И понеже дѣти Его приобщаея плоти и крови, и той приискренне приобщаея тѣхъ же. . по всему уподобися брати (Евр. 2, 14 17), — сталъ земнороднымъ, — человѣкомъ, — у человѣчества взялъ душу, у земли тѣло, и тѣмъ связалъ ихъ между собою еще тѣснѣйшими узами. Когда приблизилось къ скончанію дѣло искупленія нашего, Господь положилъ душу свою, да паки приметъ ю (Іоан. 10, 18), — умеръ, и сошелъ въ преисподняя земли. Тайнственное трепетаніе земли возвѣстило земнороднымъ, что Господь нисходитъ въ сердце ея. Тамъ Онъ разсмотритъ и изслѣдуетъ все великое и многозапутанное дѣло человѣка съ землею, — помилуетъ перваго и благословитъ послѣднюю, возведши въ Лицѣ Своемъ того и другую на высоту, долженствующую изумить всю тварь, одуховивъ ихъ и посадивъ на престолѣ Божества!.. Какъ Женихъ отъ чертога изыдетъ Онъ изъ земной утробы со всякою властію на небеси и на земли (Мат. 28, 18), и будетъ судить землю судомъ праведнымъ, милующимъ и спасающимъ до скончанія вѣка. Новый трепеть ея возвѣститъ всерадостный исходъ Его на вождедѣнный всему Царству Божію судъ ея

— *Воскресни Боже! Суди земли!*.. Долго на ней не было ни суда, ни правосудія, ни правды, ни оправданія, ни помилованія, ни отмщенія. Все было извращено, перемѣшано, перепутано грѣхомъ. Къ собственному нестроенію земли неотлучно прилеталась клевета врага нашего; защитить же насъ было некому. Законъ осуждалъ насъ неумолимо на вѣчное наказаніе; свидѣтели были всѣ противъ насъ; истцемъ нашимъ была сама совѣсть наша — неотступный спутникъ, наблюдатель и участникъ нашъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ; Судія нашъ *попутемъ нашимъ* судилъ насъ (Иезек. 7, 8. 33, 20).. Все было противъ насъ съ землею — на общую бѣду нашу! Отселѣ мы имѣемъ у себя *Ходатая — Іерея велика* (Евр. 10, 12), *прошедшаго небеса* (— 9, 14.), *могуща спострадати немощемъ нашимъ* (Евр. 4, 15), *милостиваго и вѣрнаго* (— 2, 17.), *не пришедшаго, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ* (Іоан. 12, 47), *смертію Своею упразднившаго и мущаго державу смерти,* (Евр. 2, 41), *дарующаго намъ вся божественныя силы, яже къ животу и благочесшію* (2 Петр. 1, 3), *спослушествующаго намъ Духомъ своимъ во спасеніе, и уже напередъ оправдавшаго насъ предъ Вселенною!* Отселѣ у земли и человѣка будетъ Судія, кото-

рый не по славу судити имать, ниже по глаголанію обличитъ: но судитъ правдою смиренному судъ, и обличитъ правостію смиренныя земли: и поразитъ землю словомъ устъ Своихъ, и духомъ устенъ убіетъ нечестиваго: и будетъ препоясанъ правдою о чреслахъ своихъ, и истиною обвить по ребрамъ своимъ.. И не сотворятъ тогда зла, ни возмогутъ погубити никого же.. яко наполнится вся земля вѣдѣнія Господня (Ис. 10, 3—9.). Отсель мы имѣемъ Судію своего, роднаго намъ, котораго судъ прежде всего состоять будетъ въ томъ, что князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ (Іоан 12, 31), а котораго судящій Духъ будетъ обличать міръ о грѣсѣхъ и о правдѣ и о судѣ, но — о грѣсѣхъ только томъ, яко не вѣруютъ въ Него, о правдѣ, яко ко Отцу идетъ, о судѣ, яко князь міра сего осужденъ есть (Іоан. 16, 8 — 11). Въ собственное же осужденіе наше Судія не скажетъ ничего. О, вождѣльное, приснорадостное время! Воспойте Господеву вся земля! Воскликните Богови вся земля! Пойте Господеву въ гусельхъ, въ гусельхъ и гласъ псаломствъ! Да возвеселятся небеса и да радуется земля! Да подвижится море и исполненіе его, вселенная и вси живущіи на ней, — возрадуются поля и вся яже на нихъ, — рѣчки восплещутъ рукою

вкупль—горы возрадуются отъ лица Господня; яко грядеть, яко идетъ судити земли. (Иса. 95. и 48.)

Воскресни Боже! Суди земли! — Во смиреніи Его судъ Его взялся, отвѣчаетъ намъ слово Пророческое (Ис. 53). Какъ Ему судить? Онъ самъ теперь со беззаконными вмѣнися, озлобленъ, не отверзаетъ устъ. Нѣсть вида Ему, ниже славы! Онъ яко корень въ земли жаждующей! Видѣломъ Его—и не имяше вида ни доброты! По видѣ Его безчестенъ!! Умаленъ паче всѣхъ сыновъ человеческихъ! Отвратися лице Его, безчестно бысть! Возмется отъ земли животъ Его! (—).

Яко вода измѣся, разсыпашася вся кости Его; сердце Его, яко воскъ таяѣ посреди чрева Его. Изше, яко скудель крѣпость Его, языкъ Его прилепелъ гортани Его. Въ персть смерти сведель (Пс. 21) отъ персти Создавшій человѣка, и персть Сотворившій изъ ничего единымъ хотѣніемъ божественной воли! Господи! Кто върова слуху нашему?.. Быль же Онъ красенъ добротою паче сыновъ человеческихъ (Пс. 44.) — избранъ отъ темъ, весь-желаніе — (Пѣсн. Пѣсн. 5, 10 16), весь любовь, радость миръ, покой утѣшеніе.. Нося всяческая глаголомъ силы Своея (Евр. 1, 3), исполняя всяческая во всѣхъ (Еф. 1 23.), во всѣхъ первенствуя

(Кол. 1, 18), *Самъ дая всѣмъ животъ, дыханіе и вся.* (Дѣян. 17.)!..

«О чудесь странныхъ! о вещей новыхъ! Дыханія податель бездыханенъ носится!»

«Красный добротою паче всѣхъ чловѣкъ яко безвращенъ мертвъ является!»

«Троицы единъ во плоти, поносную претерпѣ смерть!»

..Ужасается солнце и трепещеть земля.»

«О ужаснаго и страшнаго видѣнія, божій Слове! Како земля Тя спокрываетъ!»

«Како умная чиновачалія Тя поють и пага, окровавлена, осуждена, терпяща дерзость распинателей.»

«Живота сокровище како зрится мертвъ? Како же во гробъ заключается Богъ?»

..Ужасающееся Ангели зываху.

«О, горы и холмы, и чловѣковъ множества! восплачитеся, и вся рыдайте со мною!»

«Исусе, сладкій мой и спасительный Свѣте! Во гробъ како темномъ скрылся еси?»

«Когда вижду Тя, Спасе, безлѣтнаго Свѣта, радость и сладость сердца моего?»

..Дѣва горько вопіяше.

«Востани, щедре. отъ пропастей адскихъ избавляяй насъ!. Воскресни Жизнодавче!»

«Востани, якоже предрекль еси.. не восни, животе, въ мертвыхъ.. потщися воскреснути!»

Востани Боже, Суди прю твою помяни поношеніе Твое, еже отъ безумнаго весь день (Пс. 73, 22)!

Востани! Всякую спиши Господи? Воскресни, и не отрини до конца (— 43, 24)!

Востани Господи Боже мой повелніемъ Твоимъ, имже заповѣдалъ еси, и сонмъ людей обыдетъ Тя (—7, 8)!

Воскресни Господи въ покой Твой, Ты и кивотъ святыни Твоя (— 131, 8)!

Воскресни Господи, спаси мя Боже мой; яко Ты поразилъ еси вся, враждующія ми всуе (—3, 8)!

Воскресни Господи, помози намъ, и избави насъ имене ради Твоего (—43, 27)!

Воскресни Господи Боже мой, да вознесетъ рука Твоя! не забуди убоихъ Твоихъ до конца. (—9, 33)!

Воскресни Господи.. вознесешия въ концахъ врагъ Твоихъ (—7, 7)!

Воскресни Господи, да не крѣпится человекъ, да судятся языцы предъ Тобою (9, 20)!

Воскресни Боже, Суди Земли; яко Ты насльдиши во всѣхъ языцехъ (—81, 8). Аминь.

2007111766